

Российская Академия Наук
Институт философии

**БИОЭТИКА И ГУМАНИТАРНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА
Выпуск 2**

Москва
2008

УДК 171
ББК 87.7
Б 63

Ответственный редактор
доктор филос. наук *Ф.К. Майленова*

Рецензенты
доктор филос. наук *В.И. Аршинов*
кандидат филос. наук *Е.И. Ярославцева*

Б 63 **Биоэтика** и гуманитарная экспертиза. Вып. 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. *Ф.Г. Майленова*. – М.: ИФРАН, 2008. – 230 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0113-6.

Книга посвящена анализу основных аспектов проблемы развития научных технологий модификации (исправления дефектов и совершенствования) природы человека, основанных на использовании новейших разработок в области гуманитарных наук (психологии и социологии), биомедицинских технологий и технологий, ориентированных на модификацию виртуальной реальности человека. Эти аспекты обсуждаются в плане развития принципов гуманитарной экспертизы, включающей в качестве элемента систему принципов современной биоэтики.

ISBN 978-5-9540-0113-6

©ИФ РАН, 2008

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ БИОЭТИКИ

Б.Г. Юдин

Биомедицинские исследования как объект философского осмысления

Современная биомедицина чрезвычайно интересна с философской точки зрения. Разумеется, она вполне может, а во многих отношениях и должна восприниматься как один из частных, а значит, ограниченных разделов научного познания. Однако сегодня биомедицина, на мой взгляд, представляет собой фокальную точку развития науки — такую, в которой раньше или же более рельефно, чем во всех других, проявляются многие глобальные тенденции, значимые для науки в целом.

В этой связи имеет смысл напомнить о том, что уже несколько десятилетий назад многие философы и науковеды предрекали грядущее вступление науки в век биологии. Сегодня, по крайней мере если взять в качестве ориентира количественные параметры, такие, как объемы финансирования, размеры массивов публикаций и т.п., которые в мировой науке приходится на различные области знания, можно констатировать, что пророчество сбылось, что век биологии действительно наступил. Необходимо, правда, сделать одно существенное уточнение и говорить о веке не столько биологии, сколько *биомедицины*. А это значит, что биология пользуется приоритетом в обществе прежде всего в той мере, в какой она причастна к изучению и открытию возможностей сохранения и укрепления человеческого здоровья.

Так, по словам одного из ведущих американских специалистов по биоэтике Д.Кэллэхэна, бюджет Национальных институтов здравоохранения (НИЗ) — крупнейшего не только в

США, но и в мире центра биомедицинской науки – ежегодно увеличивается на 10–15%. Выступая на заседании Президентского совета по биоэтике США в июле 2003 г., он заметил: «Бюджет НИЗ – это какое-то чудо. Насколько я знаю, до сих пор он остается единственным бюджетом, который каждый год растет, а не уменьшается. ... В последние годы имели место дискуссии по поводу приоритетов НИЗ, но в целом рост бюджета никогда не вызывал возражений, а президент – будь он демократ или республиканец – обычно каждый год что-то добавляет к бюджетной заявке НИЗ. Конгресс же всегда считает это решение неадекватным и заставляет выделять еще больше денег, что, конечно же, не может не радовать НИЗ»¹.

При таком распределении приоритетов оказывается, между прочим, что некоторые из классических разделов биологии отступают на второй план. На ведущие же позиции выходят те области исследований, которые более определенно и непосредственно ориентированы, во-первых, на медицину, а стало быть, на человека и, во-вторых, на технологические приложения.

Развитие биомедицины ставит перед философией широкий круг проблем самой разной природы: и когнитивных, и относящихся к социальным механизмам производства и функционирования научного знания, и ценностных, и этических, касающихся внутри- и внешне-научных механизмов и структур этического регулирования исследований². В данной статье речь пойдет о тех антропологических предпосылках, на которые опирается исследовательская деятельность в биомедицине; при этом нам придется в той или иной мере касаться каждой из перечисленных проблемных областей.

* * *

Понятие биомедицинского исследования (БМИ), вообще говоря, можно интерпретировать широко, включая в него все те исследования, которые проводятся на любых живых объектах. В последние десятилетия, однако, стало принято относить это понятие не к любому исследованию в области биологии и (или) медицины, а только к такому, в котором в качестве испы-

туемого выступает человек (либо животное; впрочем, поскольку данная статья посвящена *антропологии исследований*, все то, что касается животных, выходит за ее рамки). Это обстоятельство, участие в исследовании человека, влечет за собой множество самых разнообразных последствий.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что тематика, проблематика, стандарты организации и проведения этих исследований исторически формировались под воздействием не только биологической науки, но и в значительной мере потребностей медицинской практики. Более того, согласно М.Фуко, например, именно клиника явилась лоном, в котором возникали биомедицинские исследования в их современных очертаниях. С появлением в конце XVIII – начале XIX в. клиники как социальной формы организации массовой медицинской помощи для бедных слоев населения богатые, оплачивая такую помощь, извлекают из нее и собственное благо. Богатый, пишет Фуко, получает «пользу от помощи, оказываемой бедным госпитализированным: платя за то, чтобы их лечили, на самом деле он заплатит за то, чтобы лучше были изучены болезни, которыми он сам может быть поражен»³.

Между прочим, во многом благодаря этой теснейшей связи с повседневной, рутинной медицинской практикой клинические исследователи в общем и целом счастливо избегали тех проблем практического «внедрения» результатов своих изысканий, с которыми приходилось мучиться представителям других областей медицинского знания. Более того, именно в биомедицине впервые формировались институциональные структуры и механизмы, обеспечивающие устойчивое взаимодействие исследовательской лаборатории и клиники. Сегодня клиническая практика не только непрерывно подпитывается тем, что достигнуто в исследовательских лабораториях, не только выступает в качестве полигона для проверки, корректировки, отработки исходящих от лаборатории новаций, но и сама в свою очередь столь же непрерывно генерирует проблемы, требующие новых и новых исследований. Именуя такую практику рутинной, следует иметь в виду, что рутинность в данном случае отнюдь не носит застойного характера, что она, напротив, весьма динамична.

В высшей степени примечательна с этой точки зрения нынешняя тенденция все более широкого распространения доказательной медицины (evidence-based medicine). Доказательная медицина — это феномен, заслуживающий специального обсуждения, в том числе и философского. Здесь же стоит обратить внимание на то, что сверхзамысел доказательной медицины можно описать так: вся медицинская практика, без какого бы то ни было исключения, должна быть построена на научной основе, исходя из данных, полученных и обоснованных в ходе биомедицинских исследований. Иными словами, все манипуляции, совершаемые врачом, как и все его предписания, должны опираться не на его опыт и интуицию, а на результаты проведенных ранее исследований.

Предполагается, таким образом, что в идеале вся совокупная медицинская практика будет выстроена как приложение и продолжение биомедицинского исследования, разумеется, тоже совокупного. А это значит, что каждый ее элемент, вплоть до мельчайшего, необходимо будет подвергнуть рефлексии, проводимой с помощью научно-исследовательских средств и методов. Мы можем утверждать, следовательно, что в качестве объекта исследования в доказательной медицине выступает вся медицинская практика.

Важно, далее, различать два типа БМИ: один из них, более традиционный, связан с тем, что называют *медицинским вмешательством* (в дальнейшем для краткости будем говорить просто о вмешательстве), т.е. речь идет о непосредственном воздействии на биологический организм и (или) психику испытуемого. Интенсивность такого рода вмешательств может варьировать в самых широких пределах: от приема испытуемым таблетки, забора капли крови или вопроса, в котором интервьюер касается интимной темы, до испытания новой терапевтической технологии, длительного подключения к какой-либо установке, такой, например, как аппарат искусственной вентиляции легких, или даже хирургической операции.

Вот как толкуется термин «вмешательство» в документе Совета Европы, касающемся биомедицинских исследований, а именно в Пояснительном докладе, сопровождающем Протокол о биомедицинских исследованиях, который является до-

полнением к Конвенции о биомедицине и правах человека: «...термин «вмешательство» означает физическое вмешательство. Данный термин включает другие типы вмешательства в той мере, в какой они представляют угрозу психическому здоровью лица. Термин «вмешательство» следует толковать в широком смысле; в контексте настоящего Протокола он включает все действия медиков и все виды взаимодействия, касающиеся здоровья или благополучия лиц, в рамках систем здравоохранения или любой иной структуры в целях научных исследований... Исследования с применением опросов, интервью и наблюдения в контексте Протокола о биомедицинских исследованиях представляют собой вмешательство, если они влекут за собой риск для психического здоровья лица. Опросы или интервью могут представлять угрозу психическому здоровью участника исследований, если они содержат вопросы интимного характера, способные нанести психологический вред»⁴.

В общем и целом всякое вмешательство, осуществляемое в ходе исследования, моделирует определенную процедуру — диагностическую, профилактическую, терапевтическую — из числа тех, что составляют рутинную медицинскую практику. Вместе с тем в исследовании каждое вмешательство бывает сопряжено с некоторым риском для здоровья, благополучия, биологической или психической целостности, а может быть, и самой жизни испытуемого.

Конечно, и в рутинной медицинской практике любое вмешательство несет в себе какую-то долю риска. В этом случае, однако, он обычно считается более приемлемым и морально оправдывается по иным основаниям, чем тот риск, который проистекает из участия в исследовании. Идти на риск, связанный с рутинной терапевтической процедурой, пусть даже и весьма сложной, такой, скажем, как имплантация органа, пациента побуждают его собственные интересы, а не интересы науки или человечества (т.е. будущих пациентов)⁵.

В свою очередь и участник исследования может соглашаться стать испытуемым, руководствуясь не столько интересами науки или общества, сколько стремлением получить благо для самого себя, скажем, лечение новым, предположительно более эффективным, чем все существующие, препаратом. Но сам

препарат в ходе исследования еще только должен пройти проверку, так что его эффективность и даже безопасность отнюдь не гарантированы, а риск для здоровья, благополучия, самой жизни испытуемого никак не исключен. Давая согласие участвовать в исследовании, он тем самым принимает на себя и связанный с этим риск.

Второй тип БМИ не предполагает вмешательств — объектом изучения в этом случае являются персональные данные индивидов либо биологические образцы, т.е. изъятые у них ранее для каких-то иных, например диагностических, целей фрагменты биологических тканей. Прогресс современной биомедицины ведет к тому, что исследования, проводимые на такого рода объектах, позволяют получать все большие объемы ценной научной информации. Риск для испытуемых в этом случае не связан непосредственно с угрозой их здоровью, он носит принципиально иной характер: возникает опасность несанкционированного доступа посторонних лиц к весьма деликатной информации, касающейся, скажем, их генетически обусловленных органических или поведенческих признаков, наследственной предрасположенности к тем или иным заболеваниям и т.п.

* * *

С точки зрения социальной организации, БМИ претерпевают сегодня достаточно быструю эволюцию, в ходе которой на них накладывается целая сеть социальных взаимосвязей и взаимодействий. Начнем с того, что в любом БМИ происходит взаимодействие по крайней мере двух сторон — испытуемого и того, кто проводит исследование. В современной практике биомедицинских исследований, однако, таких сторон оказывается намного больше. В их число входят и тот, кто финансирует исследование (спонсор), и тот, кто участвует в этической экспертизе исследовательского проекта (член этического комитета), и тот, кто выражает интересы популяции, представители которой выступают в качестве испытуемых, и, наконец, тот, кто представляет контрактную исследовательскую организацию —

посредника между фирмами-спонсорами и исследователями⁶. Каждая из этих сторон имеет свои специфические интересы, которые далеко не всегда совпадают с интересами других сторон, что порождает многообразные конфликты, зачастую требующие этического и (или) правового регулирования. Мы, впрочем, ограничимся здесь тем, что касается только двух из перечисленных сторон — исследователя и испытуемого.

Каждое отдельное БМИ можно интерпретировать как эксперимент, который призван расширить наши познания о свойствах того или иного лекарственного препарата⁷, устройства, метода воздействия на человека и т.п. Необходимость проведения эксперимента бывает обусловлена потребностями развития какого-то конкретного раздела биологии, медицины или другой области знания.

Вместе с тем исследователя интересует не сам по себе препарат, а тот эффект, который этот препарат вызывает в организме и (или) психике человека. Понятно, что речь идет о получении таких новых знаний, которые относятся не только и не столько к данному конкретному испытуемому, сколько к человеку как таковому либо к определенной категории людей, выделенной по тем или иным признакам. К примеру, это может быть популяция мужчин в возрасте от 40 до 50 лет, страдающих ишемической болезнью сердца. Задачей же исследования в этом случае может являться, скажем, определение того, как изучаемый препарат воздействует на уровень кровяного давления. Все характеристики как изучаемого препарата, так и той категории испытуемых, на которых будет изучаться его действие, так или иначе фиксируются исследователем и отображаются им в исследовательской документации, передаваемой в этический комитет.

Попытаемся теперь представить себе интегральную совокупность таких экспериментов, взятую безотносительно к дисциплинарной определенности каждого из них. Мы обнаружим при этом, что она дает нам некое новое знание, касающееся не только изучаемых препаратов, устройств и т.п., не только тех или иных возникающих у человека патологий и путей борьбы с ними, но и человека как такового, того, что человек может и чего он не может. Иными словами, научные исследования се-

годня во все больших масштабах направляются на познание, с одной стороны, самых разных способов воздействия на человека и, с другой стороны, возможностей самого человека. Наиболее характерным выражением и того, и другого как раз и являются многочисленные эксперименты, включая биомедицинские, в которых человек участвует в качестве испытуемого. В этом смысле вполне естественным будет понимание биомедицины как антропологии (точнее, как одной из ряда возможных антропологий)⁸.

* * *

Очевидно, исследователь абстрагируется от множества деталей и частных случаев, касающихся каждого отдельного испытуемого, его жизненных интересов и устремлений. Из всего этого многомерного пространства исследователь в соответствии со своими задачами и, что для нас особенно важно, установками «вырезает» определенное подпространство, с которым он и работает.

Таким образом, человек вообще и человек-как-испытуемый — это далеко не одно и то же. Под антропологией биомедицинского исследования мы и будем понимать выявление тех установок, тех предпосылок относительно человека как испытуемого, которыми руководствуется исследователь, планирующий и реализующий свой исследовательский проект. Несмотря на то, что эти предпосылки чаще всего не осознаются исследователем, они тем не менее в существенной мере определяют круг проблем, которые могут осмысленно ставиться как проблемы, подлежащие изучению, и которые в принципе представляются как потенциально разрешимые в ходе исследования. Иными словами, если исследование вообще понимать как вопрошание, тогда то, что мы, собственно говоря, вопрошаем, в существенной степени обусловлено тем, о чем и у чего мы вопрошаем.

Когда же речь идет об исследовании, проводимом на человеке, то здесь по сравнению со всеми другими исследованиями возникает дополнительная сложность: важно не только то, о чём мы вопрошаем, но также и то, о *ком* мы вопроша-

ем, а это различие порождает массу самых разнообразных нюансов. Проблема заключается в том, что, вообще-то говоря, не существует какого бы то ни было наперед заданного однозначного критерия, в соответствии с которым можно было бы четко отличить человека от того, что (или кто) человеком не является. А это значит, что мы не можем провести жесткой грани и между исследованиями, проводимыми на каком-либо неодушевленном объекте, с одной стороны, и на человеке — с другой. Такого рода критерии заимствуются из превалирующих в данное время в культуре представлений о том, что такое человек. И уже на основе этих представлений формируются те ценностные и моральные установки, которые определяют, какие исследовательские вмешательства являются допустимыми, а какие — нет.

В свою очередь сама практика проведения таких исследований не только артикулирует существующие здесь и теперь представления о человеке, но вместе с тем выступает и как одна из областей, в рамках которых эти представления подвергаются конкретизации, уточнению, модернизации и даже, может быть, серьезному переосмыслению. Здесь следует подчеркнуть то обстоятельство, что, вообще говоря, современные биомедицинские технологии в своем развитии очень часто ставят нас перед ситуациями, когда приходится определять грани, отделяющим человеческое от нечеловеческого. И в каждом случае проведение такой грани оказывается проблематичным. Это относится, например, к технологиям искусственной репродукции человека, в контексте которых со всей остротой встает вопрос о разграничении того, что еще не является человеком, и уже ставшего человека. Это относится и к жизнеподдерживающим технологиям, применение которых порождает проблему отграничения собственно человеческого существования от существования того, что уже становится не более чем человеческими останками. Подобные проблемы возникают и в связи с перспективами создания технологий, которые позволят генетически модифицировать человека⁹.

Таким образом, антропология БМИ выступает в качестве одного из возможных путей осмысления природы человека, характерного тем, что природа человека берется в гранич-

ных, крайних точках ее проявления. Вместе с тем антропология БМИ – это и осмысление того, что такое вообще есть БМИ, и того, что мы, методологически грамотно подходу к проектированию БМИ, вправе рассчитывать получить при его проведении.

* * *

В дальнейшем речь будет идти о двух различных вариантах антропологии БМИ, расхождения между которыми могут доходить до противоположности. Первый из них является первым, изначальным и с исторической точки зрения; он же, вообще говоря, всем нам представляется и более привычным, а то и вообще единственно возможным. Его, быть может, самое контрастное выражение можно будет найти, вернувшись ко временам Второй мировой войны.

В те годы в оккупированном Японией Китае, недалеко от Харбина, действовал японский исследовательский центр – знаменитый «Отряд 731». Его главной задачей была разработка биологического оружия. Те или иные разновидности этого оружия испытывались в ходе экспериментов на людях; в качестве испытуемых использовались заключенные, которых привозили в специальную тюрьму, расположенную на территории этого отряда. Эксперименты, проводившиеся «Отрядом 731», отличались крайней жестокостью, что было зафиксировано на судебном процессе, проходившем в конце 1949 г. в Хабаровске¹⁰.

Характерно, что испытуемых-заключенных при этом деперсонифицировали: они лишались имен, а те, кто работал в отряде, называли этих заключенных «марута», т.е. в переводе с японского – бревнами. В литературе, посвященной «Отряду 731», выдвигаются различные версии того, зачем это делалось. Согласно наиболее распространенной из них, целью такой деперсонификации была психологическая защита: если исследователи, как и все те, кто имеет дело с этими испытуемыми, не воспринимают их как людей, то психологически будет легче подвергать испытуемых всему тому, что предполагалось делать с ними в ходе исследований.

При этом, очевидно, имелось в виду, что те знания, которые будут получены в ходе таких исследований, будут применимы не только к «бревнам», но и к другим людям. Здесь, впрочем, возникают некоторые проблемы, связанные с «валидностью» получаемых таким образом результатов и с тем, насколько эти результаты могут быть перенесены на других людей. Известно, что в несколько ином контексте эта же проблема обсуждалась и в нацистской Германии. Так, когда «исследователи» решили провести серию экспериментов, которые должны были завершиться смертью испытуемых, первоначально предполагалось использовать в качестве испытуемых цыган. Однако между «исследователями» разгорелась дискуссия по поводу того, будут ли данные, полученные в ходе экспериментов на цыганах, применимы к людям арийской расы. Цель этих экспериментов состояла в выяснении того, в каких условиях окажутся пилоты истребителей, поднимающихся на большие высоты. В конце концов решение пришлось принимать Гиммлеру, который распорядился таким образом, что данные, полученные в экспериментах на цыганах, вполне могут быть применены и к арийцам.

Возвращаясь к «Отряду 731», следует сказать, что примерно та же проблема встала и перед японцами. У них тоже в ходу были расовые теории, в соответствии с которыми японцы — это высшая раса, китайцы и другие народы Юго-Восточной Азии — это раса, находящаяся по своему развитию ниже, но тоже более или менее достойная. Что же касается европеоидов, то они считались низшей расой. Такие установки, конечно, способствовали тому, чтобы представителей низших рас можно было воспринимать как бревна, но, с другой стороны, вставал и вопрос о применимости результатов к представителям разных рас. Речь шла о том, чтобы определить поражающий эффект бактериологического оружия применительно к разным человеческим популяциям, так что в качестве испытуемых использовались и русские, и китайцы, и американцы, и монголы и т.д. — короче говоря, представители тех народов, которые расценивались как противники, актуальные или потенциальные.

Исследователей, таким образом, интересовали по сути дела знания о том, как различные человеческие организмы реагируют на те или иные бактериальные воздействия. Испытуемых

заражали бактериями, которые являются переносчиками определенных заболеваний. При этом изучалось, как ведет себя человеческий организм, если он поражается бактериями, какие количества бактерий и каким образом следует вводить в организм для того, чтобы вызвать наиболее тяжелые поражения и разрушения, и т.п.

Вообще говоря, для того типа антропологии биомедицинских исследований, о котором идет речь, естественно представление об идеально чистом эксперименте, когда, в частности, сняты все препятствия и помехи морального характера. Такая точка зрения достаточно широко распространена и сегодня. В этой связи будет уместно процитировать в высшей степени авторитетного философа Р.Харре: «Исследовательская этика возводит всякого рода барьеры для процедур выявления предрасположенностей и способностей у человека и во все возрастающей степени у животных»¹¹. Речь здесь идет о том, что этические ограничения затрудняют получение чрезвычайно ценных научных знаний о человеке.

Таким образом, основополагающим для этого типа антропологии БМИ является представление о том, что человек-как-испытуемый — это не более чем биологический организм. Если пойти немного глубже в историю, то интересные рассуждения на этот счет можно найти в уже упоминавшейся работе М.Фуко «Рождение клиники». Фуко говорит о том, как формировалась, мы бы сказали, социально институционализировалась практика биомедицинских исследований. В конце XVIII — начале XIX в., во времена Великой французской революции, возникают клиники, в которых содержатся пациенты-бедняки, не имеющие средств, чтобы оплачивать медицинскую помощь.

Бесплатная помощь в клинике, таким образом, выступает как своего рода благодеяние со стороны общества: общество как бы берет бедняков на свое содержание, но в обмен на это они должны безропотно соглашаться на роль испытуемых: «Наиболее важной этической проблемой, которую порождала идея клиники, была следующая: на каком основании можно превратить в объект клинического изучения больного, принужденного бедностью просить помощи в больнице? ... Теперь его просят стать объектом осмотра, и объектом относительным, ибо

его изучение предназначено для того, чтобы лучше узнать других»¹². Таким образом, эти бедняки, с одной стороны, имеют обязательства перед обществом, с другой стороны, они безответны, а с третьей стороны, и это очень существенный момент, в клинике их много, а это делает принципиально возможным получение статистически достоверных результатов.

Таким путем формируется антропология биомедицинских исследований, которую я назвал бы антропологией типа 1. А затем, после Второй мировой войны, по мере того, как человечество осмысливало и, в частности, подвергало этической рефлексии исследования, проводившиеся прежде всего в нацистской Германии, начинало меняться само понимание биомедицинских исследований, их возможных и допустимых целей, практики их проведения. И здесь уже мы можем говорить о формировании новой антропологии БМИ, антропологии типа 2.

В рамках этой антропологии предполагается, что испытуемый — это не просто биологический организм, но еще и человек. Скажем, такая процедура современного биомедицинского исследования, как получение информированного согласия со стороны испытуемого, часто воспринимается как своего рода «довесок», который только затрудняет проведение исследования. Если, однако, попробовать осмыслить процедуру информированного согласия более широко, то *информирование* испытуемого в то же время выступает и как *формирование* субъекта, который будет участвовать в исследовании. Подчеркнем еще раз, речь идет не просто об информировании, но и о формировании субъекта, который в ходе взаимодействия с исследователем и благодаря этому взаимодействию становится автономным субъектом, способным принимать самостоятельное решение об участии в исследовании. Субъект-испытуемый так или иначе осознаёт, для чего проводится данное исследование, какова его цель и связанные с ним риски и т.п., и когда он дает свое согласие, то в некотором смысле становится соучастником исследования, берёт на себя часть ответственности за него.

Мы можем сделать вывод, что понимание человека как объекта биомедицинского исследования не есть что-то данное нам раз и навсегда, что оно тоже исторически развивается. Вместе с тем и восприятие всего того, что относится к этическому со-

проведению биомедицинского исследования, как всего лишь каких-то помех и препятствий, вовсе не является единственно возможным. Более того, и понимание этического сопровождения как вещи необходимой лишь в социальном, но не в когнитивном плане, также не является истиной в последней инстанции.

Этику применительно к биомедицинскому исследованию можно помыслить и совершенно иначе, можно попытаться увидеть в ней не столько препятствие, сколько возможность рассчитывать на получение *более объемного знания о человеке*, который выступает в качестве испытуемого в биомедицинском исследовании. В конце концов, никто не может помимо нашей воли вынудить нас понимать человека как только биологический организм и прежде всего биологический организм. Быть может, всё обстоит намного сложнее, и те знания, которые позволяет получить этически корректно задуманное и проведенное биомедицинское исследование, не просто не беднее, но в определенном смысле и богаче тех, которых в состоянии достичь антропология типа 1?

Примечания

- ¹ <http://www.bioethics.gov/transcripts/july03/session1.html>
- ² См. в этой связи: Философия биомедицинских исследований: этос науки начала третьего тысячелетия /Отв. ред. Б.Г.Юдин. М., 2004.
- ³ Фуко М. Рождение клиники. М., 1998. С. 137.
- ⁴ Пояснительный доклад к Дополнительному протоколу к Конвенции о правах человека и биомедицине о биомедицинских исследованиях // Аналитические материалы по проекту «Анализ нормативно-правовой базы в области прав человека в контексте биомедицинских исследований и разработка рекомендаций по ее усовершенствованию». М., 2007. С. 139.
- ⁵ Впрочем, иногда рутинное медицинское вмешательство может осуществляться в интересах третьих лиц. Примеры тому: изъятие крови или органа производится ради улучшения здоровья не самого донора, а будущего реципиента; вакцинация имеет целью защитить от инфекционного заболевания не только (а иногда и не столько) самого вакцинируемого, но и тех, кто может оказаться в контакте с ним. То, что в подобных случаях благополучателем оказывается не тот индивид, который подвергается медицинскому вмешательству, не делает эти процедуры исследовательскими. См. в этой связи: Бельмонтский доклад «Этические принципы и

- рекомендации о защите человека при проведении исследований» // Аналитические материалы по проекту «Анализ нормативно-правовой базы в области прав человека в контексте биомедицинских исследований и выработка рекомендаций по ее усовершенствованию». М., 2007. С. 274.
- 6 См.: *Юдин Б.Г.* Этико-правовое регулирование биомедицинских исследований в документах Совета Европы // *Философия биомедицинских исследований: этос науки начала третьего тысячелетия*. М., 2004. С. 112–113.
- 7 Считается, что примерно 80% проводимых в мире БМИ – это испытания лекарственных препаратов.
- 8 См.: *Юдин Б.Г.* Медицина как антропология: уроки В.Вересаева // *Человек.ру*. Новосибирск, 2005.
- 9 См.: Модификация человека. Круглый стол // *Человек*. 2006. № 6; 2007, № 1.
- 10 См. об этом: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950; *Рагинский М.Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985.
- 11 *Харре Р.* Конструкционизм и основания знания // *Вопр. философии*. 2006. № 11. С. 98.
- 12 *Фуко М.* Рождение клиники. М., 1998. С. 135.

Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков

И.Т.Фролов и становление отечественной биоэтики

С начала 1990-х гг. в России интенсивно развиваются биоэтические исследования. Их статус в отечественной науке сегодня общепризнан, хотя в конце 1980-х гг. даже сам термин «биоэтика» был у нас почти неизвестен. Подобная стремительность становления научной дисциплины может показаться удивительной, если не учитывать предпосылок создания отечественной биоэтики. Её проблематика формировалась у нас с 1970-х гг. в том исследовательском поле, где камертоном были работы академика И.Т.Фролова по этическим проблемам генетики, по диалектике науки и гуманизма. В 1980-е и 1990-е гг. дала результаты многогранная, настойчивая деятельность И.Т.Фролова по созданию соответствующих исследовательских структур и налаживанию международных контактов в области биоэтики.

И.Т.Фролов о философских основаниях отечественной биоэтики

Подвергая философскому осмыслению современную стадию научно-технической революции, И.Т.Фролов обозначал её как «век биологии». Он хорошо видел, что эта стадия несёт с собой одновременно новые возможности и новые опасности для человечества, что завязывается целый узел глобальных проблем, создающих угрозу как здоровью человека, так и среде его

обитания. Отсюда он приходил к выводу, что философский анализ процессов научного и, в частности, биологического познания не может ограничиваться исследованием его гносеологических, методологических и логических оснований, его принципов и методов. «Биологическое познание (как, впрочем, и всякое другое), – утверждал И.Т.Фролов, – это глубоко социальный процесс взаимодействия субъекта и объекта, в ходе которого на протяжении веков его развития вырабатывались сложные социально-этические принципы исследования»¹. Непосредственным результатом его исследований стала оригинальная разработка аксиологического базиса методологических норм научного знания и отношений внутри научного сообщества.

И.Т.Фролов исходил из того, что в «большой науке» происходит становление нового типа науки, в котором – особенно с учётом технологических последствий применения научного знания – формулируемые философией социально-этические и гуманистические принципы оказываются **встроенными в сам процесс познания**, выполняют регулятивную функцию на всех стадиях этого процесса. Наука всё более становится непосредственной производительной силой общества. Поэтому, выбирая пути научного познания сегодня, мы одновременно тем самым выбираем перспективы человека, его будущего. Осуществляя этот выбор, мы неизбежно исходим из определённых представлений о том, что такое человек, каким он желает быть. Но, стремясь улучшить человека, вполне ли мы понимаем сегодня, *что* он такое? Любое искажение «образа человека» может нанести в этих условиях непоправимый вред его будущему. Достаточно посмотреть на такие отрасли современной науки, как ядерная физика, биотехнология, генетическая инженерия, психхирургия, достижения которых способны оборачиваться, как говорил Иван Тимофеевич, перефразируя формулу католического обряда, «на горе и на радость» человечеству. Без гуманистического вектора, который обеспечивает научная философия, в процессе познания будут возникать абсолютизации, искажающие его человеческое предназначение.

Претензия человека на преобразование живой природы и себя самого с помощью современной науки порождает этические проблемы, которые возникают при всяком вмешательстве,

затрагивающем человеческую уникальность². В результате, по мысли И.Т.Фролова, в качестве главной во весь рост встаёт проблема человека и его будущего. В этих условиях, утверждал И.Т.Фролов, гуманистическая компонента научно-технического прогресса уже не может быть отделена от самого процесса познания.

И.Т.Фролов показывал в своих работах, что учёный, для которого сам человек становится объектом, не может ограничиваться традиционным принципом объективности познания и ссылаться на этическую нейтральность науки. И.Т.Фролов постоянно обращал внимание на те опасности, которые порождает использование достижений современной науки в целях «переделки» человеческой природы. Он подчёркивал как ограниченность любых наличных знаний о биологии и генетике человека, так и относительность любых представлений о том, каким должен быть «идеальный» человек. Иван Тимофеевич обращал внимание на то, что личность человека изменяется медленнее развития науки и техники и здесь возникают «ножницы», создающие угрозы для человечества. Уровень нравственной ответственности тех, кто владеет достижениями современной науки, может оказаться гораздо ниже уровня самих этих достижений. Серьёзную опасность для неповторимой человеческой индивидуальности представляют любые манипуляции с генетикой человека. И.Т.Фролов говорил, что, поскольку в геномной инженерии затрагиваются самые интимные механизмы генетических саморегулирующихся процессов, молекулярные биологи достигли края экспериментальной пропасти, которая может оказаться страшнее той, что разверзлась перед человечеством с созданием ядерного оружия. Поэтому, утверждал И.Т.Фролов, нужно обладать не только знаниями, но и мудростью, с тем чтобы не применять знание, могущее навредить человеку. Обращение И.Т.Фролова к нравственно-гуманистической проблематике сыграло значительную роль в преодолении технократического мышления в нашей стране.

Вместе с тем И.Т.Фролов предостерегал от распространения правовых регламентаций на фундаментальную науку, в которой свобода поиска не должна испытывать внешние ограничения, что может затормозить фундаментальные исследования

в науках о жизни и человеке. Иван Тимофеевич предлагал более разумный подход, обнаруживающий гуманистические императивы в самой науке. Американский историк биоэтики Р.Т. Де Джордж писал по этому поводу: «И.Т.Фролов, являющийся одним из ведущих философов, интересующихся проблемами биоэтики, не пожелал высказать в своих работах каких-то нормативных суждений о генетической инженерии, считая, что дело философов — не предписывать нормы, а ставить этические вопросы, выяснять их генезис и т.д.». И.Т.Фролов возлагал определённые надежды на этическое самосознание учёных, много сделал для изучения и пропаганды различных этических кодексов, вырабатываемых самими учёными, в частности генетиками и микробиологами. Однако И.Т.Фролов осознавал при этом, что этические правила, имеющие регулирующее значение, работают лишь в отношении тех людей, которые вообще в своём поведении руководствуются какими-то нравственными принципами. Никакое следование этическим кодексам не может заменить нравственного поведения, ставшего для человека естественным и единственно возможным. В связи с этим И.Т.Фролов ставил вопрос о характере и принципах устройства того общества, которое обращает науку против человека. Перспективу гармонизации научного и нравственного развития И.Т.Фролов связывал с переустройством человеческого общества, с созданием нового типа цивилизации. И.Т.Фролов был убеждён, что общество, где господствует частный интерес, по своей природе не способно к демократическому и гуманному контролю, в том числе в области генно-инженерных экспериментов. Предвидение И.Т.Фролова находит своё подтверждение сегодня, когда средства массовой информации регулярно сообщают о тех или иных попытках автономно осуществить клонирование человека в коммерческих целях.

Суть позиции И.Т.Фролова заключалась в том, что необходимо преодолеть отрыв этической проблематики от собственно научного исследования, а этику науки мыслить не изолированной и самодостаточной, а в социальном контексте. Социально-этическая проблематика неотрывна от самого процесса современного научного исследования, входит в него непосредственно, она не есть какой-то «довесок» к исследованию, име-

ющий смысл разве что при оценке его результатов, как это трактуется при позитивистских подходах. Для иллюстрации достаточно указать на проблему констатации момента смерти человека в биоэтике и реаниматологии (в качестве кого рассматривать продолжающее жить тело, в котором необратимо разрушается мозг) или же на проблему разумности и гуманности продления индивидуальной жизни «до бесконечности». Вследствие того, что познавательная деятельность является целенаправленной и целеосознанной, «она неизбежно приобретает и нравственно-этическое содержание»³.

Согласно И.Т.Фролову, с одной стороны, «в современной науке социально-этические проблемы возникают при рассмотрении каждого отдельного научного открытия, отдельной научной задачи и по отношению к целям науки в целом. Поэтому нынешние дискуссии по этическим проблемам науки не есть нечто временное, преходящее. Они становятся неотъемлемой чертой научной деятельности, что является свидетельством нового этапа развития науки»⁴. С другой стороны, социально-этическая проблематика «не имеет однозначных, пригодных на все времена решений; здесь нет и однонаправленного движения познания, при котором каждое последующее решение как бы дополняет предшествующее»⁵.

Поэтому философские принципы этики науки и в частности биоэтики обретают сегодня как нельзя более практическую значимость. В современном научном познании мы сталкиваемся с познанием индивидуального как индивидуального, с познанием казусным, прецедентным, но от этого не утрачивающим объективность, которая в новых науках о человеке совсем не равнозначна бессубъектности. Напротив, объективность познания здесь переходит на более фундаментальный уровень, так как приходится постоянно соотносить основания и социальной, и гносеологической позиции познающего субъекта с каждой новой познавательной ситуацией, ставя всегда под вопрос и эти самые основания. Объективность здесь, в том числе, «состоит в перманентной диалогичности, предполагающей возбуждение активной духовной деятельности субъекта, его постоянные переживания ситуаций, не имеющих порой аналогов и образцов... И всё же в этой области возможна ориента-

ция на объективные ценности, поиск которых обнаруживает определённые закономерности, не имеющие, правда, жёсткого характера»⁶.

Вопросы этического регулирования науки в работах И.Т.Фролова 1970-х–1980-х гг.

Формой, посредством которой И.Т.Фролов в 1970-е гг. стимулировал постановку этических проблем изучения человека в отечественной науке, стали организованные им «круглые столы» в журнале «Вопросы философии».

Тематика «круглых столов» «Вопросов философии» была весьма разнообразной. Но чрезвычайно показательным, что в качестве первой темы для обсуждения за «круглым столом» И.Т.Фролов выбрал тему «Генетика человека, её философские и социально-этические проблемы» (1970. № 7, 8). В дискуссии принимали участие Н.П.Дубинин, А.А.Нейфах, Н.П.Бочков, А.Н.Леонтьев, А.А.Малиновский и др. И.Т.Фролов во вступительном слове нацеливал беседу прежде всего на позитивную разработку биоэтических проблем.

Новаторской была тема «круглого стола» «Наука, этика, гуманизм» (1973. № 6, 8). Постановка вопроса об этике науки была тогда нетипичной; не только исследованиями, но и серьёзным осмыслением этих проблем почти не занимались. Цель И.Т.Фролов видел в преодолении, как он говорил, «технократических перекосов» не только в обществе, в мышлении руководителей, но и в мировоззрении самих творцов науки. В достаточно острой дискуссии приняли участие В.А.Энгельгардт, Б.М.Понтекорво, М.В.Волькенштейн, А.А.Малиновский, М.А.Лифшиц, М.К.Мамардашвили, А.Ф.Шишкин, В.Ж.Келле, Э.Г.Юдин, В.С.Марков и др. Спор вращался вокруг соотношения исследовательских и ценностных сторон научного познания. И.Т.Фролов подчеркивал различие между традиционным пониманием науки, выносящим нравственные проблемы за скобки, и современным, в соответствии с которым этическая проблематика включается в само «тело» науки. Наука, ставшая социальным институтом, не может быть свободна от соци-

альных целей, не может не испытывать влияние общественных идеалов. В особенности это касается такой науки, как современная биология, вмешивающаяся в самые интимные механизмы воспроизводства жизни.

Спустя 20 лет И.Т.Фролов дал такую оценку дискуссиям в журнале «Вопросы философии» по проблемам биоэтики, этической ответственности учёных: «У нас господствовала точка зрения, согласно которой наука ценностно абсолютно нейтральна. Были идеологические препятствия, которые пришлось преодолевать журналу, и в этом его заслуга»⁷.

Публикации И.Т.Фролова 1970-х гг. по этике науки расцениваются сегодня как «по существу создание нового проблемного поля и даже введение новой дисциплины — до этого в нашей стране никто этими сюжетами не занимался. Вместе с тем это было и новым пониманием способов взаимодействия философии и науки»⁸.

В книге И.Т.Фролова «Прогресс науки и будущее человека» (1975) проблемам этики науки посвящены две главы из пяти. И.Т.Фролов ставит проблему нравственного выбора учёного, исследующего человеческую природу как объект. Опираясь на имеющиеся результаты познания человека, И.Т.Фролов обращает внимание на то, что избавление человека от груза патогенных мутаций может негативно сказаться на работе генов, коррелятивно связанных с патогенными, и вообще привести к снижению генетического разнообразия вида «человек». И.Т.Фролов выдвигает вполне убедительный философско-этический аргумент о недопустимости евгенических экспериментов. Он говорит о неактуальности евгенического вмешательства в настоящее время, когда человечество вполне может развиваться на имеющейся генетической основе; когда же данная проблема станет актуальной для человечества **в отдалённом будущем**, оно найдёт не только адекватные и безопасные технические пути её решения, но и сумеет выработать разумные, благородные и гуманные способы её практического применения⁹. Сегодня же ни наука, ни общество не готовы к вмешательству в биологию человека. Формулирование данного принципа является, на наш взгляд, существенным достижением этико-научной концепции И.Т.Фролова.

Вместе с тем И.Т.Фролов разграничивает евгенические утопии и генную инженерию как составную часть научного познания, поскольку её вмешательство в аппарат наследственности носит достаточно ограниченный характер. Признание ограниченной допустимости генетической инженерии в свою очередь остро ставит вопрос об определении границ такой допустимости. Пределы допустимости, границы познания — не вопрос самой науки, этот вопрос должен решаться, исходя из философских, мировоззренческих принципов, и зависит от принятых в обществе социальных приоритетов. Вопрос, считает И.Т.Фролов, должен рассматриваться в широком социальном и гуманистическом контексте. Всякое экспериментальное вмешательство в биологию человека требует не только этического регулирования, но и ставит острые социальные проблемы, возникающие при первой же попытке такого вмешательства. Продолжая гуманистическую традицию осмысления этих проблем, И.Т.Фролов, в частности, резко высказывается по поводу антигуманности реакционных утопий о создании генетическим путём элиты и обслуживающих её работников, «выведенных» для выполнения тех или иных определённых видов работ. Так, он подвергает критике сциентистский оптимизм лауреата Нобелевской премии Дж.Ледерберга, поскольку соблюдение принципа личного согласия меньшинства людей на создание своих генетических копий, о котором говорил этот учёный, создаёт лишь видимость свободы выбора, но не даёт никаких гарантий человечеству и может обернуться созданием элиты, угрожающей обществу.

Позитивный результат этико-научных дискуссий И.Т.Фролов формулирует следующим образом: этические принципы генетического контроля должны определяться не теми или иными частными, в том числе политическими задачами, а представлениями о сущности человека, о, так сказать, норме человеческого. И заузить понимание человеческого в этой ситуации опаснее, чем исходить из безграничности его перспектив.

Нельзя не отметить того факта, что постановка И.Т.Фроловым в книге 1975 года издания этических проблем «клонированного человека» была для советской научной и философской

литературы уникальным явлением и новаторским прорывом, открывающим саму возможность такой дискуссии, создающим проблемное поле для этой дискуссии.

Новаторской была постановка И.Т.Фроловым и вопроса о выработке социально-нравственных принципов этики генетического контроля. И.Т.Фролов посвятил этому вопросу во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. ряд своих статей. В частности, в работе 1976 г. он прозорливо замечал, что о возможностях, открываемых генетической инженерией перед человечеством, «сейчас много пишут, не всегда, правда, соблюдая разумную осторожность и научную обоснованность в прогнозах и не придавая особого значения опасностям, которые нас подстерегают на этом пути», подчёркивал «глобальный характер возникших здесь опасностей»¹⁰.

И.Т.Фролов считал насущной задачу разработки этического регулирования сферы воздействия на биологию человека. «Всякое экспериментирование на человеке означает частичное вторжение в неотъемлемые свободы и права человека, но оно может ограничиваться настолько, чтобы быть адекватным системе моральных и иных ценностей общества и являться следствием свободно принимаемых решений», – формулировал он критерии подхода к проблеме¹¹. Этические регулятивы, критерии допустимости и недопустимости, считает И.Т.Фролов, должны определяться в зависимости от понимания исходных философских принципов гуманизма. Познание, которое оборачивается во вред человеку, является социально и гуманистически неприемлемым. Поскольку вмешательство в природу человека сопряжено с угрозой выживанию человеческого рода, оно приобретает статус глобальной проблемы и требует «выработки глобальных критериев в отношении экспериментирования на человеке, которые могли бы быть сведены в единые кодексы, имеющие общемировое значение», и были бы закреплены «системой международных соглашений, регулирующих биологическое (генетическое, медицинское и пр.) познание человека»¹².

Заслугой И.Т.Фролова является то, что он активно информировал советскую общественность об объявленном в июле 1974 г. ведущими генетиками моратории на наиболее опасные направления генно-инженерных исследований и о дискуссии

ях, имевших место на состоявшейся в феврале 1975 г. в г. Асиломаре (США) Международной конференции, посвящённой обсуждению социальных и этических аспектов экспериментирования в области генетической инженерии. В ряде публикаций И.Т.Фролов подробно изложил итоговые документы конференции, в которых генетические эксперименты были разделены на допустимые и недопустимые и была дана классификация допустимых экспериментов по степени риска. Конференцию он оценил как начало новой эры в сфере этики науки. Известно, что советских учёных, участвовавших в конференции, называли «молчаливыми учёными», поскольку они были связаны мнением руководителей советской науки, настаивавших на активном проведении молекулярно-биологических исследований в условиях острой конкуренции с западной наукой. Такое отношение было заведомо несовместимо с нравственно ответственным определением пределов познания. Сам И.Т.Фролов так вспоминал о сложившейся в результате Асиломарской конференции ситуации: «На ней наших учёных называли “молчаливые учёные” — у нас не было позиции. Тривиальную какую-то позицию занимать, чисто социологизаторскую, нашим учёным было неудобно, поэтому они молчали. Правда, не все молчали. Были и активные противники обсуждения этических проблем. К сожалению, академик Юрий Анатольевич Овчинников считал, что это какая-то провокация, диверсия со стороны Запада, чтобы затормозить генную инженерию в нашей стране, и прямо мне всерьёз об этом говорил. Я у них в то время фигурировал в качестве, так сказать, “марксистского попа”»¹³.

Среди принципов этико-научной концепции И.Т.Фролова важнейшая роль принадлежит «необходимости чёткого признания уникальности и свободы каждой человеческой личности». В этом принципе, действительно, наука, этика и гуманизм смыкаются в диалектическом единстве, поскольку «критерии допустимости и недопустимости экспериментальных манипуляций с человеком определяются в зависимости от того или иного понимания исходных принципов этики и гуманизма»¹⁴. И.Т.Фролов отдаёт себе отчёт в том, что критерий приоритетности блага человека в генно-инженерных и вообще научных исследованиях пока что, к сожалению, зачастую определяется

весьма неопределённо и расплывчато. Кто решит, что желательно и оптимально для человека и человечества? Но тем важнее, считал он, больше размышлять и дискутировать по проблемам этики науки с тем, чтобы в этих дискуссиях могла быть отчётливо выявлена антигуманистическая направленность отдельных «образов человека» и его будущего.

Организацией дискуссий по этим проблемам И.Т.Фролов продолжал заниматься и перейдя из «Вопросов философии» в журнал «Проблемы мира и социализма». 14–15 марта 1978 г. в Либице (Чехословакия) состоялся созванный под эгидой редакции журнала международный симпозиум «Диалектический материализм и современная наука», работу которого открыл И.Т.Фролов. В симпозиуме приняли участие философы и естествоиспытатели из 10 европейских стран. И.Т.Фролов пригласил на симпозиум известного генетика академика Д.К.Беляева, директора Института цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР. Большой интерес среди участников симпозиума вызвал доклад Д.К.Беляева, в котором были уточнены многие привычные представления о сущности и механизмах живого. Д.К.Беляеву было задано много вопросов, касавшихся возможности генетического закрепления социальных воздействий на человека, правомерности постановки вопроса об эволюционных изменениях человека и пр.

И.Т.Фролов выступил на симпозиуме с докладом о регулятивной роли философии в научном познании. В нём он развивал идею о необходимости опережающего развития социально-гуманистической ответственности учёных по отношению к процессу получения знаний, особенно биомедицинских знаний о человеке. В связи с этим он подчеркнул решающее значение соответствующих социальных условий для того, чтобы этическая саморегуляция науки становилась возможной. И.Т.Фролов высоко оценил Асиломарский мораторий 1975 года на ряд генетических экспериментов. Доклад вызвал большой интерес и много вопросов. В ответ на вопрос генетика из ГДР академика Х.Бёме об искренности мотивов инициаторов моратория И.Т.Фролов сказал, что верит в благородный порыв учёных. Д.К.Беляев задал И.Т.Фролову вопрос о социально-этической оценке возможного в будущем клонирования человека.

И.Т.Фролов заметил, что всё это не такая уж отдалённая перспектива. Но пока мы не ответили на вопрос о том, что такое человек! С помощью генетических манипуляций давно хотят выращивать гениев. Но мы пока не ответили и на вопрос о том, что такое гений! И можно ли ответить на него узкогенетически, не беря в расчёт сложнейший комплекс различных факторов? Предпринимать попытки копировать гениев не только опасно, но и бессмысленно, утверждал И.Т.Фролов: «Хватит ли разума, социальной ответственности и силы у человечества, чтобы удержать себя от опасной любознательности? От этого в сущности зависит вопрос о жизни и смерти человечества»¹⁵.

Обсуждение вопросов этики науки И.Т.Фролов продолжил в своём докладе на XVI Всемирном философском конгрессе в Дюссельдорфе (ФРГ). В дискуссии с профессором Г.Стентом И.Т.Фролов подчеркнул, что путь решения дилеммы науки и морали в соответствии с традициями европейской культуры заключается в органичном сочетании этической ответственности учёных со свободой научного поиска. Он был убеждён в том, что принцип объективности познания не противоречит ценностному измерению ни в аспекте аксиологического базиса процесса познания, ни в аспекте взаимоотношений внутри научного сообщества, ни в аспекте отношения науки к обществу в целом.

В поле внимания И.Т.Фролова была и такая сторона исследования этических проблем науки, как вопросы философских оснований гуманитарной экспертизы. В своём выступлении на VIII Кюлунгсборнском коллоквиуме по философским и этическим проблемам биологии в ноябре 1980 г.¹⁶ И.Т.Фролов в качестве острого философского вопроса, который возникает в сфере этики науки, обозначил вопрос о критериях научной эффективности вообще и соответственно об оценке этой эффективности с гуманистической точки зрения. Превращение науки в непосредственную производительную силу, преобразование жизни людей на основе научно-технического прогресса — это свидетельство высокой эффективности науки. Но на этом пути существует опасность технократического рассмотрения науки, которое всегда сопряжено с узко-политическими целями и ослабляет гуманистическую значимость науки как культурного фактора общественного развития. И.Т.Фролов настаивает

вает на принципе гуманистического измерения эффективности применения достижений науки, в частности на гуманистической экспертизе экономических решений. Сегодня же, говорил И.Т.Фролов, сильная зависимость науки от идеологии и политики государственных структур способствует не возрастанию социально-этической ответственности учёных, а скорее усугубляет «чувство вины», которое стрессовым образом сказывается на учёных. Развитие науки как сущностной силы человека требует от общества овладения этим процессом, требует демократического контроля со стороны общественности за принятием принципиальных политических решений в сфере науки и научного производства.

В результате исследований, проведённых к началу 1980-х гг., И.Т.Фролов смог органически вписать свои идеи в области изучения этики науки и биоэтики в рамки комплексного междисциплинарного подхода к проблеме человека. Проблема определения степени риска в исследованиях, затрагивающих воспроизводство человека, требует объединения усилий и естественников, и философов, и правоведов, она должна быть в центре внимания политиков и широкой общественности¹⁷. Опыт разработки методологических оснований социологии и этики познания жизни и человека И.Т.Фролов обобщил в своих докладах на Всесоюзной конференции «Философские и социальные аспекты взаимодействия современной биологии и медицины» (20 апреля 1982 г.) и Всесоюзном симпозиуме «Вопросы методологии в психиатрии» (10 февраля 1983 г.).

Первым в отечественной научной литературе монографическим исследованием, специально посвящённым проблемам этики науки, в частности биоэтики, стала книга И.Т.Фролова и Б.Г.Юдина «Этика науки: проблемы и дискуссии» (1986). Она и сегодня остаётся единственным примером столь полного и фундаментального исследования проблем этики науки в нашей философской литературе.

В этой монографии, как и в статье на ту же тему, опубликованной авторами в журнале «Вопросы философии», хорошо видно своеобразие постановки проблем в отечественной этике науки и биоэтике, приданное им И.Т.Фроловым. Говоря об этой «новой, складывающейся на наших глазах дисциплине»¹⁸, авторы отме-

чают ставший уже как бы само собой разумеющимся прикладной, подчас служебный характер этой дисциплины. Внутренняя этика науки, то есть её этическая авторегуляция, развивающаяся помимо социально-философского обоснования, в современных условиях недостаточна для того, чтобы справиться с новыми вызовами и угрозами. Принципиальная позиция И.Т.Фролова состояла в том, что аксиологическая компонента научного познания не сводится к «этике познания», ибо способы и цели получения знания как моменты человеческой деятельности должны быть соразмерны человеку, соотнесены с его благом. Оценки происходящего в сфере познания, тем более познания человеческой природы, необходимо давать с более широких мировоззренческих позиций, включая сюда гуманистические идеалы, складывающиеся во всех сферах культуры: науке, искусстве, религии и, само собой разумеется, в философии как интеграторе и выразителе этих идеалов. Этические и в частности биоэтические проблемы науки вовсе не сфера калькуляции допустимого, хотя и это, конечно, важно с практической точки зрения. Сегодня опора на чистую науку и вообще любые абстрактные расчёты, принятие решений, при котором игнорировались бы их возможные глобальные последствия, «аморальны, антигуманны, бесчеловечны в самом широком смысле этого слова»¹⁹. Поэтому ситуация этического выбора и необходимость гуманистических ориентиров оказываются встроены в само существо научной деятельности.

Как известно, в процессе получения знания и во взаимоотношениях членов научного сообщества работают определённые нормативы и установки. По мере приобретения наукой статуса социального института, принципиально влияющего на характер жизни общества, и особенно в случаях экспериментального изучения самого человека, нормативы и установки научной деятельности должны получать форму социально-этических и гуманистических регулятивов. Формулирование этих регулятивов и составляет способ непосредственного включения философии в процессы научного познания и практического применения результатов этого познания.

Специальное внимание И.Т.Фролов и Б.Г.Юдин уделили в монографии 1986 года этическим аспектам физико-химического познания и особенно биоэтике. Чрезвычайно современно

выглядит обсуждение авторами вопросов воздействия социально-биологических исследований на общественное сознание. Сегодня острота проблемы особенно очевидна в связи с дискуссиями вокруг клонирования. Даже простое информирование общественности о полученных результатах может иметь весьма неоднозначные последствия, что является серьёзной этической проблемой. Последняя встаёт в ряду биоэтических проблем вслед за проблемой допустимости целого ряда социально-биологических исследований и проблемой преувеличения наших знаний, когда неполное и неточное знание выдаётся за абсолютное и преподносится как таковое широкой общественности. Во всех этих случаях наличие этического аспекта в самом процессе исследования не может вызывать никакого сомнения. Но и в сфере целей и исходных предпосылок научного исследования, отмечают авторы, не может быть этической нейтральности, поскольку в конечном счёте они являются продуктом социальной позиции учёного в определённой социокультурной среде. Авторы ставят поэтому в качестве актуального и «вопрос о необходимости предварительного этического обоснования предпринимаемого научного исследования»²⁰. В частности, они указывают на позитивные результаты моратория 1974 г. не только этического, но и чисто когнитивного характера, поскольку само разделение экспериментов на классы по степени их потенциальной опасности и разработка методов получения ослабленных вирусов, способных существовать только в искусственной среде лаборатории, стали прямыми результатами этических дискуссий в связи с мораторием.

Ещё один выделенный авторами аспект функционирования науки как социального института, который порождает острые этические проблемы, влияние на научные исследования интересов бизнеса и политики. В результате смешения целей познания с этими интересами вполне типичной может становиться ситуация, когда то, что выгодно отдельным учёным, будет наносить ущерб науке в целом. В частности, неизбежно возникают барьеры на пути открытого обмена информацией, засекречивание, патентные ограничения и вообще внутренний конфликт между коммерческими обязательствами и академическими обязанностями учёного, что подрывает сами основы взаимоотношений в научном сообществе.

Завершая книгу, авторы делают вывод о недостаточности описательности и ситуативности в этико-научных и биоэтических исследованиях, о том, что назрела необходимость серьёзной аналитической работы в сфере этики науки, которая была бы нацелена на вычленение и типологизацию противоречий, возникающих в научной деятельности, критический анализ и обоснование этических норм, которыми реально руководствуются учёные. Фактически этика науки, по мнению И.Т.Фролова и Б.Г.Юдина, должна стать важной формой самосознания науки и составить тем самым единый комплекс с логикой и методологией науки. Одновременно этика науки может быть важным средством стимулирования социальной ответственности учёных, ответственности перед глобальными интересами всего человечества.

В появившихся рецензиях на книгу «Этика науки», другие работы И.Т.Фролова по вопросам этики науки и биоэтики отмечалось новаторство и фундаментальность в разработке поставленных в книге проблем. В частности, значение этой новой проблематики связывалось в рецензии В.С.Стёпина с тем, что в современной науке во многом изменилась сама предметная область научного познания. В качестве объектов исследования естествознания и технических наук всё больше оказываются сложные и развивающиеся природные комплексы, в которые в качестве компонента включён сам человек. «Разумеется, в этих условиях объективное познание предмета и поиск истины требуют расширения специальных для науки этических установок и активных гуманистических ориентаций исследовательской деятельности»²¹.

Американский историк биоэтики Р.Т. Де Джордж констатировал: «Возможно, самый большой вклад, внесённый И.Т.Фроловым в исследования в этой области, заключается в подчёркивании глобального характера, который имеют многие проблемы биоэтики». Сказав, что советские философы отставали от представителей других профессий и от аналогичных обсуждений на Западе в постановке и анализе проблем биоэтики, он сделал вывод: «Фролов является выдающимся исключением».

Известный американский историк науки Л.Р.Грэхем в рецензии на вышедшую в США в 1990 г. книгу И.Т.Фролова «Man, Science, Humanism: A New Synthesis» отметил, что в «позиции Фролова заключено много здравого смысла»²².

Сотрудничество с ЮНЕСКО и другими международными организациями по вопросам этики науки и биоэтики

Вполне определённо формулируя необходимость международного регулирования биологических исследований посредством этических кодексов, И.Т.Фролов занимал не очень популярную в 1970-е гг. позицию. Тогда общепринятой в советской науке была установка на то, что в Советском Союзе научное и в частности биологическое познание по определению, автоматически реализуется как нравственно оправданное, а какие-либо международные ограничения на научные исследования имеют лишь цель затормозить прогресс советской науки в угоду противникам СССР на международной арене. Такой была позиция руководства АН СССР, о чём было выше сказано. И.Т.Фролов со своими призывами к этическому регулированию науки расходился с официальной линией. В архиве И.Т.Фролова сохранилась датированная 1977 г. вёрстка сборника издательства «Знание» «Генетическая инженерия (реальность, перспективы, опасения)». В нём четыре статьи генетиков и статья И.Т.Фролова «Социально-этические проблемы генетической инженерии». В вышедшем из печати сборнике этой статьи уже не было.

Неприятие вводимой И.Т.Фроловым новой проблематики было и у тогдашнего философского руководства. В декабре 1974 г. – январе 1975 г. И.Т.Фролов принимал участие в симпозиуме «Марксизм и экология», организованном во время работы ежегодной конференции Американской философской ассоциации, где выступил с докладом. 1 апреля 1975 г. И.Т.Фролов сделал сообщение о своей научной командировке в США на заседании бюро Отделения философии и права АН СССР. Чрезвычайно симптоматичной была реакция членов Отделения – возмущённое недоумение. М.Т.Иовчук говорил о том, что экология – это манёвр наших зарубежных противников, чтобы снять классовую проблематику. М.Б.Митина удивила сама формулировка «этические проблемы генной инженерии», употреблённая в докладе И.Т.Фролова.

Всё это не останавливало И.Т.Фролова вследствие прозорливого понимания им ближайших задач развития науки. Препоны разработке этико-научных проблем, которые ставились

руководством АН СССР, становились для И.Т.Фролова своеобразным стимулом в интенсификации международных контактов в этой сфере.

В августе 1976 г. академик В.А.Энгельгардт, с которым И.Т.Фролов неоднократно обсуждал вопросы этики науки, во время своего визита в Париж сообщил в штаб-квартире ЮНЕСКО об интересе И.Т.Фролова к биологическим и этическим проблемам. 15 октября 1976 г. сотрудник департамента научных исследований и высшего образования Секретариата ЮНЕСКО А.Н.Холодилин сообщил И.Т.Фролову о желании ЮНЕСКО заключить с ним контракт на подготовку научного исследования по этическим аспектам современной биологии.

В декабре 1976 г. И.Т.Фролов выслал в парижскую штаб-квартиру ЮНЕСКО свой первый экспертный доклад по этическим аспектам генетической инженерии. В октябре 1977 г. И.Т.Фролов представил доклад «Наука для человека (социальные, философские и этические проблемы генетической инженерии)» на проходивший в Мадриде (Испания) симпозиум ЮНЕСКО по генетике и этике. Доклад был опубликован в материалах симпозиума и в «Информационном бюллетене ЮНЕСКО».

И.Т.Фролов вспоминал: «Первые работы по этой тематике я сделал (ввиду их полной ненужности для нашей страны) как экспертные доклады для ЮНЕСКО в 1976 и 1977 гг. Мне ЮНЕСКО сделала заказ. У нас не знали тогда, с чем это “есть”. Когда в 1978 г. у нас в издательстве “Знание” был опубликован большой сборник работ по проблемам генной инженерии, мою статью по этическим проблемам, в которой я выступал с критических позиций, просто выбросили из этого сборника. Сказали, что все разговоры об этических проблемах и опасностях, связанных с проведением генно-инженерных работ, — это “шум, поднятый на Западе, козни империализма”, что якобы это специально подброшено нам с целью затормозить у нас генно-инженерные работы»²³.

И.Т.Фролов как член бюро Научного совета АН СССР по проблемам биосферы входил в состав советского комитета программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» и являлся заместителем главного редактора серии «Человек и биосфера» издательства «Наука». В 1980-х гг. в серии вышел целый ряд книг.

И.Т.Фролов участвовал в международных совещаниях экспертов ЮНЕСКО по программе «Человек и биосфера». В 1984 г. такое совещание прошло в Суздале. И.Т.Фролов разрабатывал тематику для исследования глобальных проблем в рамках ЮНЕСКО. Он предлагал в числе перспективных такие темы, как: «Изменение системы ценностей и норм поведения в условиях глобальных проблем настоящего и будущего», «Влияние глобальных подходов на культурно-этическую интеграцию» и др.

И.Т.Фролов внимательно следил за международным нормотворчеством в области регулирования экспериментов на человеке. Он высоко оценивал документы, принятые по этому вопросу Всемирной организацией здравоохранения, Христианской мирной конференцией.

И.Т.Фролов сотрудничал с Христианской мирной конференцией. В декабре 1984 г. по приглашению генерального секретаря ХМК Л.Миржейовского он выезжал в Прагу на проводимый ХМК симпозиум «Глобальные угрозы человечеству — глобальная стратегия мира», принимал участие в разработке материалов для ХМК. В ноябре 1987 г. по приглашению президента Христианской мирной конференции епископа К.Тотта И.Т.Фролов участвовал в очередном симпозиуме ХМК в Праге и выступил на нём с докладом «Новое мышление и новый гуманизм». В докладе И.Т.Фролов говорил об испытаниях, которым подвергается биологическая природа человека в условиях современной науки и техники, и сформулировал принцип: «гуманистические ценности выше познания». Коварность новой угрозы, связанной с генетическими экспериментами на человеке, более опасной, чем связанная с атомной энергетикой, И.Т.Фролов видел в том, что она пока не воспринимается широкой общественностью, не осознаётся как следует. Он сказал, что общество вправе требовать от учёных, чтобы осознание грозности и опасности этой проблематики возникало не постфактум, т.е. не после того, как какое-то несчастье произойдёт для человечества. И самое опасное здесь — невежество, парадоксальным образом замешанное на науке, которое приобретает форму сциентистского самодовольства²⁴. Сегодня человечеству, к сожалению, уже приходится сталкиваться фактами, когда отдельные авантюристы от науки обещают клонировать человека к такому-то сроку.

С 1987 г. развивались контакты И.Т.Фролова с созданным по инициативе Ф.Миттерана Французским национальным консультативным комитетом по этике наук о жизни и здоровье во главе с профессором Ж.Бернаром. И.Т.Фролов выслал Ж.Бернару свои материалы по данной тематике и свою книгу «Человек, наука, гуманизм: новый синтез» на французском языке. Ж.Бернар сделал сообщение о книге на заседании своего Комитета.

6 июля 1988 г. в Париже в штаб-квартире ЮНЕСКО И.Т.Фролов выступил с лекцией на тему «Социально-этические и гуманистические проблемы современной науки». Лекция И.Т.Фролова имела широкий резонанс. И.Т.Фролов имел беседу с генеральным директором ЮНЕСКО Ф.Майором, в ходе которой обсудил с ним возможность визита в Москву и встречи с М.С.Горбачёвым. 29 августа 1988 г. директор Отдела философии и гуманитарных наук ЮНЕСКО М.А.Синасёр выразил письменную благодарность И.Т.Фролову за прочитанную лекцию, отметив, что «она была чрезвычайно интересной как с точки зрения затронутых вопросов, так и подхода к их решению», и добавил, «что в плане выдвинутых Вами соображений программа действий должна быть подкреплена дальнейшим анализом. Поэтому мы намереваемся осуществить идею создания международного комитета по анализу темы “Этика и всемирное сообщество”». И.Т.Фролов поддержал данную инициативу.

28 марта 1989 г. в связи с подготовкой третьего среднесрочного плана ЮНЕСКО на 1990–1995 гг. И.Т.Фролов порекомендовал председателю Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО А.Л.Адамишину включить в проект предложений советской Комиссии для утверждения на очередной сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО темы: «Этические проблемы биомедицинских исследований», «Философия ненасилия: культурологический аспект», «Человеческая ориентация научно-технического прогресса» и др. В время своей поездки в Париж в сентябре 1990 г. И.Т.Фролов встречался с генеральным директором ЮНЕСКО Ф.Майором.

13–15 мая 1991 г. возглавлявшийся И.Т.Фроловым Всесоюзный межведомственный Центр наук о человеке организовал в Москве совместно с сектором прав человека и мира ЮНЕСКО международное совещание «Биоэтика и социально-право-

вые последствия биомедицинских исследований». Совещание открыла заместитель генерального директора ЮНЕСКО г-жа Фурнье. На совещание приехали видные учёные из Франции, Италии, Испании, Дании, Нидерландов, США, Японии, Германии, Финляндии, Аргентины и других стран. Программа совещания включала вопросы: информированного согласия пациента, этико-правовых проблем трансплантации органов, соотношения биоэтики и права, социальной институционализации биоэтической деятельности. Совещание проходило в трудное для нашей страны время, при недостатке необходимых финансовых средств.

Ряд научно-исследовательских проектов Института человека, в особенности в области биоэтики, разрабатывался при содействии ЮНЕСКО. 5 февраля 1997 г. И.Т.Фролов участвовал в заседании общего собрания Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, в ходе которого обсуждались вопросы подготовки визита в Россию Ф.Майора и «Дней ЮНЕСКО» в России.

Российский национальный комитет по биоэтике

В 1992 г. на дискуссии в журнале «Вопросы философии» на тему «Биоэтика: проблемы, трудности, перспективы» И.Т.Фролов, подводя итоги двадцатилетней работы по созданию отечественной биоэтики, сказал: «Потребовалась огромная разьяснительная пропагандистская работа, чтобы приучить наше научное сообщество к обсуждению этих проблем»²⁵. Теперь же, делая вывод И.Т.Фролов, задачу отечественной биоэтики можно сформулировать следующим образом: от теории к практике и новой теории. Необходимо наладить непосредственную практическую работу в области биоэтики, чтобы уровень биоэтической культуры в нашей стране как-то соответствовал западным странам.

И.Т.Фролов прилагал большие организационные усилия в этом направлении. Благодаря им раздел по биоэтике был включён в конце 1980-х гг. в общеакадемическую программу «Человек. Наука. Общество. Комплексные исследования». В 1988 г. в выступлении на заседании Президиума АН СССР И.Т.Фролов, говоря о нашем отставании в изучении социально-этических проблем медицинской биологии и генной инженерии, подчерк-

нул, что мы «даже не можем наладить сотрудничество с многочисленными американскими научными объединениями и обществами, занимающимися этими проблемами: у нас нет соответствующих организационных структур»²⁶.

В середине 1980-х гг. при Научном совете по философским и социальным проблемам науки и техники под руководством И.Т.Фролова была организована исследовательская группа по проблемам биоэтики. Усилия философов, работавших в группе, получили международное признание. Созданная в 1990 г. Международная ассоциация биоэтики предложила группе войти в свой состав. Назрела необходимость повысить организационный статус академической структуры по биоэтике.

По инициативе И.Т.Фролова 4 апреля 1991 г. Отделение философии и права и Отделение биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений АН СССР вошли в Президиум АН СССР с предложением образовать национальный Комитет по биоэтике. 11 апреля 1991 г. И.Т.Фролов направил письмо на имя президента АН СССР Г.И. Марчука с просьбой ускорить решение этого вопроса. Решением Президиума АН СССР был создан Советский национальный комитет по биоэтике. Председателем Комитета был утверждён И.Т.Фролов, его заместителем — А.А.Баев. Членами Комитета были А.И.Григорьев, Н.Г.Хрущов, В.И.Шумаков, А.Д.Аничков и др. ГКНТ СССР в августе 1991 г. обращался в Советский национальный комитет по биоэтике с просьбой дать экспертную оценку законопроекта об организации работ и обеспечении безопасности в области генной инженерии.

Преобразование АН СССР в Российскую академию наук потребовало соответствующих организационных изменений и в Комитете по биоэтике. 9 марта 1992 г. И.Т.Фролов направил академику-секретарю Отделения философии, социологии и права РАН В.Н.Кудрявцеву предложение рассмотреть и утвердить на очередном заседании Отделения документы о создании Российского национального комитета по биоэтике. 25 марта 1992 г. решением Отделения философии, социологии и права РАН был образован Российский национальный комитет по биоэтике, утверждено Положение о Комитете и его состав. 30 сентября 1993 г. РНКБ получил статус соответствующего комитета Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО.

РНКБ – независимая общественная организация, действующая под эгидой Российской академии наук. Сопредседателями РНКБ с момента основания в 1992 г. были академики И.Т.Фролов и А.А.Баев. В бюро РНКБ вошли И.Т.Фролов, А.А.Баев, Б.Г.Юдин, В.Н.Игнатьев, О.Г.Газенко, Ю.М.Лопухин, А.Д.Мирзабеков, Б.В.Петровский, П.В.Симонов. Членами РНКБ стали специалисты самых различных областей естественнонаучного и гуманитарного знания: ведущие учёные РАН, отраслевых академий и ведомственных научных учреждений, представители вузовской науки, медики-практики.

В августе 1993 г. учёные, представлявшие РНКБ, приняли активное участие в подготовке и проведении заседания секции «Биоэтика», включённого в программу XIX Всемирного философского конгресса в Москве. В работе секции приняли участие более 50 учёных из более чем 10 стран мира.

В 1993 г. члены Комитета И.Т.Фролов, А.А.Баев, Б.Г.Юдин, В.Н.Игнатьев, А.Д.Мирзабеков, Ю.М.Лопухин, Б.В.Петровский, П.В.Симонов, Н.Г.Хрушов, С.Л.Дземешкевич, С.В.Полубинская опубликовали «Обращение к научной общественности и руководителям российской науки»²⁷. В «Обращении» было констатировано явное несоответствие уровня и порядка этического регулирования биологических экспериментов на человеке и животных размаху биомедицинских исследований в России. Члены РНКБ поставили вопрос о необходимости увязать финансирование биомедицинских исследовательских проектов со степенью обеспеченности их этического контроля. Комитет призвал все соответствующие научные учреждения самостоятельно создавать биоэтические комитеты и гарантировал в этом вопросе со своей стороны консультативную и методическую помощь.

Известна та выдающаяся роль, которую сыграл И.Т.Фролов в 1987–1989 гг. в принятии в качестве приоритетной государственной программы научных исследований проекта «Геном человека»²⁸. Хорошо зная это, руководители Государственной научно-технической программы России «Геном человека» А.А.Баев и В.И.Иванов обратились 29 июля 1994 г. к И.Т.Фролову с предложением принять участие в работе вновь создаваемой в рамках ГНТП «Геном человека» секции по биоэтическим проблемам и рекомендовать других лиц для этой работы. При-

няв с благодарностью это предложение, И.Т.Фролов рекомендовал также для участия в работе секции Б.Г.Юдина. С 1995 г. РНКБ занимался этико-правовыми аспектами Государственной научно-технической программы России «Геном человека». Был разработан и опубликован комплекс нормативных документов по Программе²⁹. Члены РНКБ участвовали в подготовке Декларации о геноме человека, принятой ЮНЕСКО в 1997 г. В 1995–1997 гг. РНКБ совместно с Институтом медико-биологических проблем осуществлял этическую экспертизу проектов исследований на человеке и на животных, проводимых на космической станции «Мир».

Важным направлением работы РНКБ было нормативно-методическое содействие в организации этических комитетов в биомедицинских научно-исследовательских и лечебных учреждениях. Были созданы этические комитеты в Российском научном центре хирургии РАМН, Медико-генетическом научном центре РАМН, Санкт-Петербургском институте усовершенствования врачей, Саратовском медицинском университете, Институте медико-биологических проблем Минздрава РФ, Ростовском-на-Дону государственном научно-исследовательском противочумном институте, Республиканском центре репродукции человека и планирования семьи Минздрава РФ, Санкт-Петербургской государственной педиатрической медицинской академии и др.

При участии РНКБ был проведён ряд научных конференций по биоэтике: «Этические и правовые проблемы клинических испытаний и научных экспериментов на человеке и животных» (Москва, 1994), «Этика генетики» (Москва, 1998 г.) и др.

РНКБ готовил экспертные заключения для целого ряда законопроектов и других нормативных актов, затрагивающих сферу биомедицинского регулирования (защита здоровья граждан, трансплантация органов и тканей, предупреждение распространения ВИЧ-инфекции, вакцинопрофилактика, репродуктивные права граждан, права пациента, регулирование генно-инженерной деятельности, правовые основы биоэтики, клонирование и др.), которые проходили через российский парламент.

При участии членов РНКБ были подготовлены «Кодекс профессиональной этики психиатра», принятый на заседании Правления Российского общества психиатров в мае 1993 г., и «Этиче-

ский кодекс врача», принятый на IV конференции Ассоциации врачей России в ноябре 1994 г. В 1994 г. РНКБ был опубликован научный доклад «Вакцинопрофилактика и права человека».

Как национальная экспертная структура, РКНБ активно взаимодействовал с Миннауки РФ, Минздравом РФ, МИД РФ, Советом Европы, ЮНЕСКО, готовил по соответствующим запросам замечания и рекомендации. В частности, в октябре 1996 г. и в октябре 1997 г. РНКБ по запросу Межведомственной комиссии РФ по делам Совета Европы и Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ провёл экспертизу официального перевода Конвенции Совета Европы о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины на предмет ратификации её Россией. В ноябре 1997 г. РНКБ подготовил для Управления по международному гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД РФ экспертное заключение на текст Дополнительного протокола Конвенции, запрещающего клонирование человека. В январе 1998 г. в связи с запросом Миннауки РФ предложения по вопросам присоединения к Конвенции были направлены руководством РНКБ в Правительство РФ. Для Минздрава РФ были выработаны этические рекомендации по вопросам осуществления генной терапии.

РНКБ развивал сотрудничество с целым рядом европейских и американских национальных этических комитетов. Представители РНКБ участвовали в конференциях национальных биоэтических Комитетов стран Центральной и Восточной Европы в Осло (сентябрь 1992 г.), Будапеште (декабрь 1992 г.) и др. Поддерживались контакты с зарубежными и международными организациями: ЮНЕСКО, Международной ассоциацией биоэтики (Австралия, США), Гастингским Центром (США), Институтом проблем этики им. Кеннеди (США), Международной ассоциацией права, этики и науки (Франция) и др.

Интенсивной была просветительская деятельность РНКБ. Члены РНКБ регулярно выступали в отечественных и зарубежных СМИ с освещением острых вопросов биоэтики (эвтаназия, клонирование и пр.). Статьи и материалы по гуманистическим проблемам биомедицины регулярно публиковал журнал «Человек».

В июле 1993 г. по просьбе Минздрава РФ РНКБ приступил к разработке учебной программы курса «Биомедицинская этика». Сопрефекторы медицинских вузов России признали целесообразным введение этого курса в качестве неотъемлемой части гуманитарной подготовки студентов-медиков. В течение нескольких лет учебный курс биомедицинской этики был включён в учебные планы и опробован в ряде вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Самары, Тюмени и др. городов, было создано учебное пособие и выработан образовательный стандарт по дисциплине «Биомедицинская этика», одобренный Минздравом РФ.

И.Т.Фролов высоко оценивал вклад А.А.Баева в организацию социально-этического регулирования генетики человека. Об их совместной деятельности в РНКБ И.Т.Фролов подробно рассказал на конференции памяти А.А.Баева в феврале 1999 г.³⁰. После смерти А.А.Баева его по предложению И.Т.Фролова на посту сопредседателя РНКБ сменил Р.В.Петров (с декабря 1996 г.). Последний вспоминал: «Мы с Иваном Тимофеевичем много и, надеюсь, плодотворно работали вместе в этой новой для человечества области с её главной современной задачей — разработкой новой этики в связи с головокружительными успехами генетики и генетической инженерии, созданием несуществующих в природе трансгенных растений и животных, перспективами клонирования млекопитающих, включая человека»³¹.

Биоэтика в Институте человека РАН

Вполне закономерно, что возможности для развития в нашей стране такой комплексной по своей природе дисциплины, как биоэтика, открылись именно в связи с созданием И.Т.Фроловым Института человека. Биоэтика как междисциплинарная область знания, находящаяся на стыке естественных, технических, гуманитарных наук и социально-правовой практики, необходимо включающая в себя фундированные философским анализом гуманистические этико-правовые регулятивы научных исследований и медицинской деятельности, органически вписывалась в Научную программу Института человека, как её видел и формулировал И.Т.Фролов.

Институт человека первоначально был создан при организованном И.Т.Фроловым в 1989 г. Всесоюзном межведомственном центре наук о человеке АН СССР. Вопросы биоэтики были поставлены И.Т.Фроловым буквально в первые же дни существования Центра наук о человеке и Института человека. Первое заседание Центра наук о человеке состоялось 10 мая 1989 г. в Красном зале Института философии. Оно было совмещено с началом работы Всесоюзной конференции «Человек, наука, общество», организованной Центром наук о человеке. 12 мая 1989 г. в последний день работы конференции в комн. 107 Института философии И.Т.Фролов провёл вместе с Б.Г.Юдиным «круглый стол» по теме «Этика науки и биоэтика». В обсуждении приняли участие учёные из Москвы, Ленинграда, Киева, Алма-Аты. Для дискуссии были предложены вопросы о специфических чертах этоса современной науки, возможных социальных механизмах этического регулирования научно-технической деятельности, допустимости и этической оправданности эвтанази, различных моделях в системе отношений «врач — пациент», проблема информирования безнадежно больных

В 1991 г. Институт человека был институционализирован как самостоятельное учреждение в рамках АН СССР. В 1992 г. он был преобразован в Институт человека РАН. В составленной в 1992 г. «Научной программе Института человека РАН» был особый раздел, посвящённый биоэтике, в котором ставились задачи по налаживанию исследовательской и преподавательской работы по биоэтике, по сотрудничеству с РНКБ, по экспертной работе в отношении законопроектов в области здравоохранения. Решение этих задач преследовало цель преодолеть тот не соответствующий мировым стандартам уровень, на котором находились в нашей стране правовое регулирование и этический контроль за созданием и применением новейших медицинских технологий.

Сектор биоэтики начал формироваться в Институте человека РАН в конце первого полугодия 1992 г. Сектор возглавлял Б.Г.Юдин.

Основные направления работы сектора биоэтики Института человека РАН были заслушаны и одобрены Общим собранием Отделения философии, социологии, психологии и права РАН в декабре 1993 г. Доклад на тему «Биоэтика в России: проблемы

и перспективы» сделал Б.Г.Юдин. Отделение констатировало необходимость налаживания в России процедур и механизмов этического контроля при проведении экспериментов на человеке и животных, подготовки в высшей школе специалистов по медицинскому праву и этическим проблемам биомедицины.

В секторе биоэтики изучались этические и правовые аспекты современной генетики человека, новых технологий деторождения (искусственное осеменение, оплодотворение *in vitro*, суррогатное материнство), трансплантации органов и тканей человека, эвтаназии, защиты прав пациента и испытуемого в биомедицинских экспериментах, контроля при проведении экспериментов на животных, клонирования, массовой вакцинации населения, в особенности детей, социально-этические проблемы перехода к страховой медицине³².

Были составлены базы данных об исследовательских структурах и специалистах по биоэтике, а также учреждениях и специалистах, нарушающих нормы биомедицинской этики.

Совместно с Российским национальным комитетом по биоэтике велись исследования социально-этических проблем, возникающих в ходе реализации проекта «Геном человека». Проводились совместные исследования проблем этико-правового регулирования в области генной инженерии человека с Центром «Биоинженерия» РАН.

Институтом человека проводились научно-практические конференции по проблемам биоэтики, в частности: «Биоэтика и социальные последствия биомедицинских исследований» (1992), «Смерть и умирание: опыт междисциплинарного анализа» (1993), «Этический контроль биомедицинских исследований: научный и практический аспекты» (1994), и др. На конференцию, посвящённую проблемам смерти и умирания, И.Т.Фролов пригласил академика РАМН В.А.Неговского, известных философов, медиков, специалистов в области биоэтики³³.

В институтских научно-теоретических семинарах по биоэтике периодически принимали участие зарубежные специалисты.

Сотрудниками сектора были разработаны и читались учебные курсы по биоэтике для медицинских и философских специальностей вузов. Курс биоэтики на философском факультете МГУ многие годы читает Б.Г.Юдин.

Были выпущены коллективные монографии «Биоэтика: принципы, правила, проблемы» (М., 1993), «Биомедицинская этика» (М., 1997), сборник материалов научно-практической конференции «Этический контроль биомедицинских исследований: научный и практический аспекты» (М., 1994), сборник документов и аналитических материалов «Этико-правовые аспекты проекта “Геном человека”» (М., 1998), учебное пособие «Введение в биоэтику» (М., 1999).

Ещё одной стороной работы Института являлась гуманитарная экспертиза. Учёными Института была проведена экспертиза проекта Доклада Программы развития ООН о человеческом потенциале РФ, отечественных законопроектов и международных нормативных документов Совета Европы в области здравоохранения и биомедицинских исследований. Готовились информационные материалы и научные доклады для правительственных органов.

Развитие И.Т.Фроловым международных связей Института человека РАН в области биоэтики

Когда в 1989 г. под руководством И.Т.Фролова был создан Центр наук о человеке АН СССР и Институт человека при нём, И.Т.Фролов уделял большое внимание развитию международных связей Центра и Института.

18 апреля 1989 г. директор Института этики им. Кеннеди (США) Э.Д.Пеллегрини и научный консультант Исследовательского фонда Фидиа П.Корси направили И.Т.Фролову приглашение принять участие в работе международного симпозиума «Транскультурные измерения медицинской этики», организуемого Национальной академией наук США, Исследовательским фондом Фидиа и Институтом этики им. Кеннеди. 21 ноября 1989 г. приглашение подтвердил президент Исследовательского фонда Фидиа Д.Чини. В апреле 1990 г. И.Т.Фролов посетил США. 26–27 апреля 1990 г. он принял участие в работе симпозиума, проходившего в помещении Национальной академии наук США в Вашингтоне сразу же после ежегодного собрания Академии. Он сделал доклад «Этика и евгеника». В дис-

куссии участвовали Э.Д.Пеллегрини, А.Р.Джонсен (США), Ф.Анджелини (Ватикан), Э.Чиаватци (Италия) и др. В ходе симпозиума состоялся обмен мнениями по фундаментальным вопросам биоэтики. Обсуждались этические аспекты проекта «Геном человека», деонтология в системе биоэтики, религиозные запреты в области биоэтики, социокультурные различия в биоэтической сфере, вопросы противодействия давлению на учёных со стороны политиков и общественности. И.Т.Фролов в своём докладе обратил внимание на важность принципа уважения личности, на то, что в связи с вопросом о выживании человечества проблемы биоэтики приобретают глобальный характер. Материалы симпозиума были опубликованы. Впоследствии И.Т.Фролов поддерживал контакты с Э.Д.Пеллегрини. В 1993 г. он поздравил его с присуждением награды Международного института биоэтики. В ответном письме 12 мая 1993 г. Э.Д.Пеллегрини выражал надежду на новую встречу и развитие сотрудничества в области биоэтики.

В начале июня 1989 г. И.Т.Фролов по рекомендации Л.Р.Грэхема беседовал в Москве с членом Совета директоров Гастингского центра по биоэтике (США) С.Бок, приехавшей на конференцию «Война и мир», и обсуждал с ней перспективы сотрудничества в области биоэтики.

В специальном номере журнала «The Journal of medicine and philosophy» (Вашингтон, США) (1989. Т. 14. № 2), посвящённом исследованиям проблем биоэтики в социалистических странах, статья И.Т.Фролова была напечатана без сокращений как ведущая статья номера.

27 ноября 1990 г. к И.Т.Фролову обратилась редактор многолетней «Энциклопедии биоэтики» М.М.Сольберг с просьбой написать статью для нового издания Энциклопедии на тему «История медицинской этики в Советском Союзе». К сожалению, И.Т.Фролов не смог выполнить эту просьбу из-за тяжёлой болезни.

Возглавляя с 1991 г. Институт человека РАН, И.Т.Фролов постоянно заботился о развитии его международных контактов. Учёные Института человека РАН принимали участие во многих проходивших за рубежом научных конгрессах и конференциях. В Институте человека РАН неоднократно выступали с научными докладами зарубежные исследователи.

В июне 1991 г. в ходе конференции по биоэтическим аспектам проекта «Геном человека» в Вашингтоне между Б.Г.Юдиным и руководителями Норвежского национального комитета по медицинской этике была достигнута договорённость об участии российской делегации в международной конференции по медицинской этике в Осло в сентябре 1992 г. 6 марта 1992 г. И.Т.Фролов встретился в Москве с председателем Норвежского национального комитета по медицинской этике Я.Офстадом и учёным секретарём Комитета Я.Х.Сольбакком и обсудил вопросы сотрудничества в области биоэтики и формы участия российских учёных в конференции в Осло. Сотрудники Института человека РАН приняли участие в конференции, прошедшей в Осло 25–27 сентября 1992 г.

И.Т.Фролов развивал сотрудничество с Парижским Домом наук о человеке, касавшееся совместного участия в исследовательских проектах в рамках общеевропейских программ и поддержки совместных и международных проектов перед государственными структурами. Для переговоров по этим вопросам И.Т.Фролов выезжал в мае 1992 г. в Париж, где встречался с директором Парижского Дома наук о человеке К. Эллером. По возвращении в Москву И.Т.Фролов выслал К.Эллеру конкретные предложения по сотрудничеству, включающие создание международной группы для подготовки пособий по биоэтике и вопросы приобретения литературы по биоэтике для Института человека РАН. В феврале 1993 г. И.Т.Фролов обсуждал с атташе посольства Франции в РФ перспективы сотрудничества в области биоэтики. 19 марта 1998 г. референт Парижского Дома наук о человеке С.Кальпар по поручению нового директора Дома М.Эмара пригласила И.Т.Фролова во Францию. В мае 1998 г. И.Т.Фролов посетил Париж. Он встретился с М.Эмаром. Была составлена интенсивная программа пребывания, встречи в ряде министерств и ведомств. И.Т.Фролов нашёл поддержку по развитию контактов по биоэтике и этике науки.

В апреле 1993 г. И.Т.Фролов побывал в Калифорнии (США). Он посетил городок Асиломар, где был принят известный мораторий на ряд генетических экспериментов, который И.Т.Фролов высоко ценил как первый акт этического самосознания генетиков. В Калифорнии И.Т.Фролов прочитал несколько лек-

ций в Стэнфордском университете, университетах в Беркли, Лос-Анджелесе и Санта-Кларе. В частности, в Стэнфордском университете 13 апреля 1993 г. он прочитал лекцию на тему «Наука и ограничения».

Когда в 1996 г. готовился проект Соглашения о научном сотрудничестве между РАН и Государственной академией наук КНДР, И.Т.Фролов внёс 5 декабря 1996 г. предложение включить в текст положения о сотрудничестве по проблемам биоэтики и человеческого потенциала и по обсуждению проблем человека. В ноябре 1997 г. И.Т.Фролов обменивался посланиями с профессорами Академии наук чучхе КНДР Ан Хен Чехром и Мун Сан Чжу относительно сотрудничества в области биоэтики и методологии науки о человеке.

Вопросы биоэтики в последних работах И.Т.Фролова

Вопросы этического регулирования науки затрагивались и в последних публикациях И.Т.Фролова. В статье 1997 года, посвящённой истории русской евгеники, И.Т.Фролов вновь поставил проблему допустимости ограничения свободы выбора личности при производстве потомства. Возможность вмешательства в человеческую природу И.Т.Фролов отнёс к отдалённому будущему, заявив: «И я готов ещё раз повторить, что в современных условиях, когда мир полон глубочайших социальных противоречий, когда реальна угроза тоталитаризма и диктатуры, а значит, бесконтрольной манипуляции наследственностью человека, евгенические проекты могут сыграть, как это уже было в прошлом, весьма реакционную роль»³⁴.

В совместной с В.Г.Борзенковым статье 1998 года по комплексному изучению человека И.Т.Фролов подчеркнул регулятивное значение принципов гуманизма как в современном научном познании человека, так и в медицинских и биотехнологических экспериментах, в том числе связанных с клонированием. В качестве важной была обозначена задача выявления и восполнения пробелов в российском законодательстве, которое отстаёт от современной ситуации с клонированием. Общая позиция И.Т.Фролова в отношении этики на-

уки и биоэтики была афористически обозначена следующим образом: «Прогресс науки остановить нельзя, но неразумно подстёгивать его в опасных для человека направлениях»³⁵.

Проводившаяся И.Т.Фроловым на протяжении трёх десятилетий научная и организационная работа в области этического контроля биомедицинских исследований вдохновлялась пониманием назревающих в науке проблем и задач, пониманием, которого не было у большинства руководителей отечественной науки. Он смотрел в будущее, закладывал теоретические основы осмысления этих проблем в отечественной науке, одновременно создавая для их обсуждения и дальнейших исследований соответствующие организационные структуры.

Постановка проблем этики науки, биоэтики, социально-философского осмысления смерти – выдающаяся заслуга И.Т.Фролова перед отечественной философией, наукой и культурой. И дело здесь не только в тех или иных полученных им конкретных результатах. В науке важно заложить основы нового дискурса, сформировать проблемное поле, куда могут приходиться исследователи. Справедливо сказано: «Это сейчас понятия “глобальные проблемы”, “этика науки”, “биоэтика” и другие кажутся привычными, как бы родившимися вместе с социальной философией. Но ведь было время, когда в нашей стране их приходилось вводить, отстаивать как большое теоретическое и идейное новшество. И не было здесь ничего само собой разумеющегося. Надо было вести с “мастодонтами” от идеологии и философии многолетнюю и совсем не безопасную борьбу. Иван Фролов стал одним из тех, кто в отечественной науке и философии заложил основы нового и весьма перспективного научно-теоретического, богатого практическими следствиями направления – учения о глобальных проблемах современности, биоэтики, этики науки в целом. И что принципиально важно, это было сделано синхронно с мировым научно-теоретическим опытом, в дискуссиях с зарубежными и отечественными коллегами»³⁶.

10 апреля 1998 г. на заседании бюро Отделения философии, социологии, психологии и права РАН, в ходе которого обсуждался доклад А.С.Спирина «Современная биология и биологическая безопасность», И.Т.Фролов имел основания сказать:

«Ещё недавно мы сталкивались с негативным отношением к обсуждению этических проблем биологизации производства, и только постепенная работа привела к тому, что стали всё это осознавать. Но сейчас наступил действительно новый этап. Здесь присутствуют коллеги, которые в начале 1960-х годов дико хохотали, когда я говорил, что грядёт новый этап биологизации производства. Это вызывало большое “ржание”. А сейчас А.С.Спирин обозначил в своём докладе, что биотехнология становится основной технологией в современном производстве и что эта технология очень многого требует для своей реализации, в том числе и в человеческом, этическом плане».

Сегодня подход И.Т.Фролова не только современен, он по-прежнему продолжает опережать степень осознания назревших опасностей как общественностью, так отчасти и научным сообществом. И.Т.Фролов неоднократно говорил об отставании нашего морального сознания от обрётённого нами могущества, о паутине секретности, о том, что прогресс науки и прогресс оружия пока идут рука об руку. Он обращал внимание на то, что блага, которые мы получаем от геной инженерии — например, «зелёная революция» в сельском хозяйстве — сопряжены со страшными опасностями. Как в атомной энергетике, только ещё коварнее. «Всё так может расползтись, — сказал он в одном из интервью ещё до начала работ по проекту «Геном человека» и бума по поводу клонирования овечки Долли, — что в один “прекрасный” день, проснувшись, мы вдруг ни одного листочка, ни одного дерева не увидим. Оказывается, что всё сожрали какие-то рекомбинантные организмы, которые выскочили из лабораторных пробирок. А потом эти организмы возьмутся за нас. Я не раз призывал учёных: давайте констатировать эти опасности не постфактум. Давайте их упреждать. Иначе будет поздно»³⁷. И.Т.Фролов был убеждён, что общество вправе требовать от учёных такого мудрого подхода в условиях, когда простая небрежность, не говоря уже о злой воле или учёном самомнении, может иметь непоправимые последствия.

Оригинальность философского подхода И.Т.Фролова к этим проблемам заключается в том, что он объединяет принципы **целостности**, **универсальности** и **уникальности** человека. Острота генно-этических и биоэтических проблем будет сохра-

няться до тех пор, пока наука не сможет совладать со сложностью человека, будет игнорировать его целостность и индивидуальную неповторимость, пока человек будет предстать перед наукой лишь как **«расчленённый объект»**, а в социальном плане рассматриваться лишь как «человеко-функция».

Всякое вмешательство в природу человека мотивируют его благом. Но в этом деле философский, социально-этический вопрос о том, **каким видится идеал** человека, оказывается важнее вопроса о научно-технических возможностях манипулирования природой человека, которые к тому же опасно как переоценивать, так и недооценивать. И.Т.Фролов сформулировал следующий парадокс, который должен нас останавливать во всяческих попытках «клонирования человека» и т.п.: «Чтобы создать человека более умного, чем мы, мы уже должны быть умнее, чем тот, кого мы хотим создать, в том числе обладать более высокой моралью»³⁸. Парадокс этот в общем-то, на наш взгляд, обесмысливает попытки какой-либо целенаправленной «перестройки» человеческой природы.

И.Т.Фролов сформулировал также два обязательных условия, только при наличии которых можно приступить к созданию организмов с запрограммированным набором генетических признаков. Во-первых, при достижении социальной однородности общества, что исключит возможность манипуляций в идеологических, классовых целях. Во-вторых, на завершающей стадии изучения человеческого организма, когда будут раскрыты все его «тайны».

С эпохи Возрождения разум и гуманизм шли вместе, и разум был ведущей стороной, рассеивая во имя человека тьму предрассудков. Но современные глобальные проблемы человечества становятся испытанием: действительно ли человек разумен? И.Т.Фролов формулировал следующее положение: «Сегодня, чтобы быть разумным действительно, человек должен стать гуманным». Только соединение разума с гуманностью спасёт человека и человечество. Мудрость, считал И.Т.Фролов, проявляется в умении отказаться от тех плодов разума, которые не служат добру.

Примечания

- 1 *Фролов И. Т.* Жизнь и познание // *Philosophers on Their Own Work*. Bern – Fr.a/M.–Nancy–N. Y., 1984. С. 37.
- 2 *Фролов И. Т.* Ответственность учёного перед обществом: социально-этические аспекты генной инженерии // *Вопр. истории естествознания и техники*. 1980. № 4. С. 81.
- 3 *Фролов И. Т., Юдин Б. Г.* Этика науки. М., 1986. С. 64.
- 4 *Фролов И. Т.* О диалектике и этике биологического познания // *Вопр. философии*. 1978. № 7. С. 41.
- 5 *Фролов И. Т.* Социология и этика познания жизни и человека // *Природа*. 1982. № 9. С. 30.
- 6 Там же.
- 7 *Фролов И. Т.* От теории – к практике и новой теории // *Вопросы философии*. 1992. № 10. С. 5.
- 8 *Лекторский В. А.* Иван Тимофеевич Фролов и отечественная философия 60–90-х годов XX столетия // *Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки, воспоминания, избранные статьи*. М., 2001. С. 5.
- 9 *Фролов И. Т.* Современная наука и гуманизм // *Вопр. философии*. 1973. № 3. С. 14; его же: *Прогресс науки и будущее человека*. М., 1975. С. 172.
- 10 *Фролов И. Т.* Социально-этические проблемы генетической инженерии // *Природа*. 1976. № 1. С. 27.
- 11 *Фролов И. Т.* Перспективы человека // *Вопр. философии*. 1975. № 6. С. 87.
- 12 Там же. С. 88, 87.
- 13 *Человек*. 1999. № 6. С. 12–13.
- 14 *Фролов И. Т.* Социально-этические проблемы генетической инженерии. С. 28.
- 15 Диалектический материализм и современная наука. Прага, 1978. С. 117.
- 16 *Фролов И. Т.* Влияние Ч. Дарвина на современную концепцию биологического познания // VIII Kuhlungsborner Kolloquium. 1982. С. 219–231.
- 17 *Фролов И. Т.* О диалектике и этике биологического познания. 1978. № 7. С. 42.
- 18 *Фролов И. Т., Юдин Б. Г.* Этика науки: сфера исследования, проблемы и дискуссии // *Вопр. философии*. 1985. № 2. С. 62.
- 19 Там же. С. 65.
- 20 *Фролов И. Т., Юдин Б. Г.* Этика науки. С. 282.
- 21 *Стёпин В. С.* Разработка социально-этических проблем науки // *Коммунист*. 1988. № 2. С. 126.
- 22 *Nature*. Vol. 350. 11 April 1991. P. 527; см. также: *За рубежом*. 1991. № 30. С. 21–22.
- 23 *Фролов И. Т.* О науке // *Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки. Воспоминания. Избр. ст.* М., 2001. С. 45–46.

- ²⁴ *Фролов И.Т.* Новое мышление и новый гуманизм // Там же. С. 512–519.
- ²⁵ *Фролов И.Т.* От теории — к практике и новой теории. С. 5.
- ²⁶ *Фролов И.Т.* Философские и социальные проблемы науки и техники // Вестн. АН СССР. 1988. № 8. С. 20.
- ²⁷ Человек. 1993. № 2. С. 175; Поиск. 1993. 12–18 февраля.
- ²⁸ *Корсаков С.Н.* Иван Тимофеевич Фролов, 1929–1999. М., 2006. С. 319–320.
- ²⁹ Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека». М., 1998.
- ³⁰ Человек. 1999. № 6. С. 11–14, 24.
- ³¹ *Петров Р.В.* Философия. Генетика. Человек // Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки. Воспоминания. Избр. ст. М., 2001. С. 177.
- ³² Сектор биоэтики // Институт человека. М., 1994. С. 7–8.
- ³³ Материалы конференции переданы ныне в фонд И.Т.Фролова в Российском государственном архиве социально-политической истории.
- ³⁴ *Фролов И.Т.* Начало пути (Критические заметки о неоевгенике) // Человек. 1997. № 1. С. 37.
- ³⁵ *Борзенков В.Г., Фролов И.Т.* Познание человека: комплексный подход. Гуманистические (этико-правовые) регулятивы // Свободная мысль. 1998. № 5. С. 113–114.
- ³⁶ *Мотрошилова Н.В.* Об И.Т.Фролове — субъективные заметки // Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки. Воспоминания. Избр. ст. М., 2001. С. 312–313.
- ³⁷ *Фролов И.Т.* На радость или на горе? // Комс. правда. 1989. 27 июля.
- ³⁸ *Фролов И.Т.* Человек будущего: идеал и реальность // Раздумья о будущем. М., 1987. С. 21.

Этические проблемы развития биотехнологий

Что такое биотехнологии?

Термин «биотехнологии» имеет несколько значений. В некоторых случаях он используется в самом широком смысле, включая любые формы преобразования и использования в качестве средства для достижения тех или иных целей предметов живой природы. Поэтому иногда к биотехнологиям причисляют все медицинские манипуляции или экологические, природоохранные мероприятия. Однако чаще всего этот термин используется для обозначения технологических систем, которые включают применение биохимических, молекулярно-биологических, клеточных и других процессов, *естественно* проходящих в живых организмах, в качестве *искусственных* инструментов для преобразования в полезном для человека направлении уже существующих или создания новых живых организмов. При этом наиболее существенное значение имеют технологии клеточной и генетической инженерии. Клеточной и генетической инженерией называются методы манипуляции с клеточными структурами (ядрами, хромосомами, митохондриями и т.д.) или структурами, образующими генетический аппарат живых организмов (прежде всего ДНК или РНК), для получения практически полезных эффектов.

К биотехнологиям в этом смысле относятся методы:

- 1) получения в промышленности, сельском хозяйстве или медицине ценных для человека продуктов (например, вакцин, гормонов, кормовых белковых или витаминных добавок для сельскохозяйственных животных);

2) создания новых видов сельскохозяйственных животных и растений (к примеру, трансгенных сортов сои, картофеля или томатов);

3) создания животных, обладающих ценными в плане медицинского использования свойствами (к примеру, трансгенных свиней, органы которых можно будет использовать для пересадки человеку);

4) выращивания из стволовых клеток человека органов и тканей, которые будут способны заменить его собственные, пораженные заболеванием (получены первые обнадеживающие результаты в опытах по искусственному выращиванию структур легких, поджелудочной железы, кроветворных тканей и т.д.);

5) производства новых видов биологического и химического оружия.

В качестве примера можно указать на биотехнологическое решение проблемы промышленного производства гормона инсулина. Инсулин используется для лечения тяжелого распространенного заболевания человека — сахарного диабета. Гормон необходимо вводить страдающим людям постоянно. Первоначально для лечения диабета использовался инсулин, полученный от свиней и коров. Но из-за того, что животный инсулин вызывает у человека развитие аллергических и других побочных реакций, его использование было и остается ограниченным. К тому же его себестоимость высока, что делает лечение дорогостоящим. Получить человеческий инсулин методом химического синтеза также оказалось слишком сложно и дорого. Для производства экономически выгодного по себестоимости человеческого инсулина, который бы обладал меньшим числом побочных реакций, были использованы методы биотехнологий. В начале методами генетической инженерии выделили ген, отвечающий в организме человека за синтез инсулина. Затем этот ген встроили в генетический аппарат бактериальных клеток, которые вследствие этого приобрели способность синтезировать инсулин человека. В настоящее время этот метод широко применяется для производства инсулина как лекарственного препарата в фармацевтической промышленности.

В чем специфика биотехнологий?

Для понимания особенности моральных проблем, возникающих в связи с развитием биотехнологий, следует иметь в виду, что данная область человеческой деятельности включает в себя две теснейшим образом связанные подсистемы — научные исследования (в том числе на фундаментальном уровне) и промышленное производство. Биотехнологии базируются на комплексном использовании достижений многих дисциплин современной биологии, сельскохозяйственной науки, медицины, а также химических, физико-химических, компьютерных и иных технологий. Более того, само научное исследование все чаще становится составной частью деятельности биотехнологических компаний. Среди товаров, которые последние производят, оказываются как обычные продукты (лекарства, вакцины, тест-системы, генетически модифицированные организмы и т.д.), так и знания. Поэтому развитие собственных научных, причем и прикладных, и фундаментальных исследований стимулируется не только созданием преимуществ в конкурентной борьбе, но и запросами стремительно растущего *рынка знаний*. Основной *товарной формой знания* является патент. В наиболее влиятельных компаниях на научные исследования тратится до 20% бюджета. В свое время Маркс писал, что со временем, близким к фазе коммунистических преобразований, наука станет непосредственно производительной силой общества. Судя по тенденциям развития современных биотехнологий, это предсказание начинает сбываться, правда, без всякой связи с развитием коммунистических форм производственных отношений.

Таким образом, можно схематично представить следующие *структурные особенности биотехнологий*. Биотехнологии представляют собой:

- 1) разновидность инженерной деятельности и промышленного производства, предметом и/или средством которой выступают элементы живой природы (организмы или их части);
- 2) рыночно ориентированную форму научной деятельности, в которой одним из товаров выступает знание.

В определенном отношении биотехнологии являются разновидностью особой, сложно организованной реальности технологического мира. Как справедливо отмечает В.М.Розин: «Технологии представляют собой сложную реальность, которая в функциональном отношении обеспечивает те или иные цивилизационные завоевания (т.е. является механизмом новаций и развития), а по существу представляет собой сферу целенаправленных усилий (политики, управления, модернизации, интеллектуального и ресурсного обеспечения и т.д.), существенно детеминируемых, однако, рядом социо-культурных факторов»¹. Данное определение в полной мере относится и к биотехнологиям.

Каковы моральные проблемы развития биотехнологий?

Моральные проблемы, возникающие в контексте стремительного прогресса биотехнологий, можно представить как бы в нескольких плоскостях.

Во-первых, следует обратить внимание на интегральное воздействие, которое оказывают биотехнологии на моральное самопонимание человека, его отношение к самому себе и живой природе.

Во-вторых, можно описать моральные проблемы развития биотехнологий относительно выделенных структурных особенностей биотехнологической деятельности. В данном отношении следует иметь в виду общее, что роднит биотехнологии с другими формами инженерной деятельности, промышленного производства и научных исследований, а также особенности, которые обусловлены достаточно парадоксальным синтезом наук о жизни, инженерии и производства.

В-третьих, моральную проблематику можно охарактеризовать относительно конкретных целей и задач биотехнологической деятельности. Перечень проблем в данном случае обречен оставаться неоконченным в связи с тем, что практически постоянно возникают новые предметы приложения биотехнологических подходов. Выше дано лишь предварительное описание наиболее важных из них.

Техническое преобразование жизни — благо или зло?

Развитие биотехнологий концентрированно впитывает те фундаментальные проблемы, которые встают перед человеком в связи с техническим освоением мира. После эпохи господства идеи научно-технического прогресса как формы покорения природы и самосовершенствования человека, продлившейся до середины XX в., возникло новое, более настороженное отношение к технике. Об угрозах научно-технического прогресса для человека и человечества писали многие философы, богословы и ученые. Так, известный биолог Конрад Лоренц утверждал: «Всеобщее и быстро распространяющееся отчуждение от живой природы в значительной мере повинно в эстетическом и этическом очерствлении цивилизованного человека. Откуда возьмется у подрастающего человека благоговение перед чем бы то ни было, если все, что оно видит вокруг себя, — это дело рук человеческих, и притом нередко весьма убогое, безобразное?»². Биотехнологии, превращающие окружающий человека мир живой природы в некую глобальную техногенную систему, выступают наиболее мощным фактором отчуждения человека от природы и самого себя.

Мысленный эксперимент — скалолаз и вертолет

Опасность отчуждения человека от самого себя (опасность потери смысла его существования) можно описать следующим мысленным экспериментом. Представьте себе скалолаза, который ценой невероятных усилий и риска для жизни покоряет вершину горы и тем самым исполняет свое человеческое предназначение. Вершина горы — это цель, насущно необходимая для его самоисполнения. К сожалению, ценность цели слишком часто загораживает ценность иных столь же необходимых условий для человеческой самореализации. Для того, чтобы их, эти прячущиеся ценности, обнаружить, продолжим наш мысленный эксперимент. Представьте себе, что к скалолазу у подножья горы подходит вертолетчик и предлагает без риска и физических усилий быстро доставить его на вершину горы. Тех-

ника сулит помощь в реализации сокровенного желания альпиниста, причем реализации более быстрой и легкой за счет того, что будет искусственно снято сопротивление горы. *Цель будет достигнута, но цена этого технического достижения — потеря смысла жизни скалолаза именно как скалолаза.* Для сохранения смысла жизни *нужно уметь ценить сопротивление реальности* («горы» человеческой жизни).

Один из цивилизационных импульсов развития биотехнологий как раз и связан с подобного рода замещением. Сталкиваясь, к примеру, с такой проблемой, как эпидемия СПИДа, человечеству значительно легче и удобнее вкладывать огромные ресурсы в биотехнологические разработки новых лекарств и вакцин, чем, увидев «гору» моральных проблем, порожденных «сексуальной революцией», отважиться на тяжкий труд морального самосовершенствования. Честность, ответственность перед партнером и верность более надежно защищают от СПИДа, чем новые вакцины. Опасность биотехнологического прогресса в мощном искушении: сталкиваясь с той или иной проблемой, человек вместо того, чтобы изменить себя и свой образ жизни, ищет технологическое ее решение. Экстремальной разновидностью универсального биотехнологического решения человеческих проблем являются наркотики. Вместо усилия в труде, спорте, любви или творчестве, которые способны приносить человеку счастье, он использует наркотик, делающий его счастливым без усилий, легко и всем доступным образом.

Иными словами, биотехнологический прогресс не является благом самим по себе. Он создает важные *средства* для достижения *благих целей* в медицине и сельском хозяйстве. Однако он же может продуцировать проблемы в том случае, если люди, завороженные его достижениями, свои человеческие ситуации станут решать чисто технологическими средствами³.

Таков диагноз моральных опасностей, которые связаны с прогрессом биотехнологий с точки зрения их влияния на самого человека. Эта позиция называется антропоцентристской. Даже если придерживаться *антропоцентристского* принципа, согласно которому вся природа, в том числе и живая, не имеет внутренней ценности и может рассматриваться лишь как чистое средство для человека, то и в этом случае ее биотехнологи-

ческое покорение несет в себе определенные моральные проблемы. Глядя на мир сквозь призму биотехнологий, человек и самого себя воспринимает лишь как предмет биотехнологических манипуляций.

Принципы антропоцентристской морали в современных сообществах пока остаются доминирующими, хотя они и подвергаются серьезной многоаспектной критике с альтернативных позиций *биоцентризма* и *патоцентризма*. Наиболее известной биоцентристской концепцией является универсальная «этика благоговения перед жизнью», разработанная Альбертом Швейцером. Поскольку жизнь обладает внутренней ценностью, то к ней нельзя относиться чисто инструментально, технологически. Биотехнологии, создающие, к примеру, новые генетически модифицированные сорта сельскохозяйственных растений, несут в себе новые экологические угрозы, ускоряют и без того стремительно идущий процесс вымирания видов. С этих позиций необходима правовая защита дикой природы, обладающей внутренней ценностью вне интересов человека, от потенциальных опасностей развития биотехнологий. Долг человека перед живой природой как моральным субъектом — остановить уничтожение жизни на Земле, компенсировать уже нанесенный ей урон.

Патоцентризм ограничивает сферу живых существ, наделенных моральной ценностью, только теми, которые способны переживать страдание и боль. Наибольшее влияние на современную философию патоцентризма оказывают идеи английского философа, основоположника утилитаризма Джереми Бентама. В конце XVIII в. он выдвинул идею защиты прав животных, которая в XX и XXI в. приобрела многочисленных последователей. Он требовал запрета мучения животных не потому, что, как полагал Кант, подобное огрубляет человеческий характер, а именно как долг перед самими животными, имеющими определенные права на достойное существование.

Патоцентристские идеи имеют особое значение в двух областях развития биотехнологий: при проведении экспериментов на животных и при создании трансгенных животных для пересадок от них органов человеку. Под их влиянием этическим стандартом проведения экспериментов на животных ста-

ло выполнение следующих норм. Во-первых, при проведении экспериментов следует минимизировать страдания животных, например, используя обезболивающие средства или наркоз. Во-вторых, необходимо обеспечить животному достойное содержание, уход и питание. В-третьих, необходимо стремиться минимизировать число животных, занятых в эксперименте. В-четвертых, в тех случаях, когда возможно использовать клеточные или компьютерные модели, необходимо вовсе отказаться от проведения экспериментов на животных. Наконец, в-пятых, если по условиям эксперимента животное должно погибнуть, то необходимо соблюдать особые техники эвтаназии – быстрого и безболезненного умерщвления. В рамках патоцентризма действует правило: безболезненная смерть лучше страдания. Поэтому многие сторонники патоцентризма одновременно являются сторонниками эвтаназии в отношении человека. Наибольшую известность получила патоцентристская этическая концепция современного австралийского философа П. Сингера.

Во многих странах, включая Россию, идут эксперименты по созданию трансгенных животных, в основном свиней, для того, чтобы потом начать пересадки их органов людям, страдающим тяжелыми заболеваниями. Защитники прав животных подвергают серьезной критике эти эксперименты в связи с тем, что содержание животных в особо стерильных условиях, с серьезным ограничением связей с окружающим миром и себе подобными, вызывает у них тяжелейшее страдание и нарушает их право на то, чтобы жить в соответствии со своей природой.

Наука на рынке

Коммерциализация науки является другой очень специфичной чертой развития биотехнологий. Возникновение биотехнологической индустрии в США как нового института не только прикладной науки, но также и фундаментальных исследований в течение 70-х гг. XX в. было спровоцировано несколькими факторами, в том числе: «а) значительно возросшими способностями “рекомбинировать”, “производить” и попросту “манипулировать” ДНК и другими молекулами;

б) преобразованием административной среды, которое поощряло быстрое переключение исследований на прикладные проблемы, так же как и изменениями в патентном праве, не просто поддерживавшими, но принуждавшими к коммерциализации изобретений как в индустриальном, так и академическом секторе; в) в пределе — слиянием научных исследований, финансируемых правительством, с венчурным капиталом, заинтересованным в инвестициях с целью создания расширенной базы молекулярно-биологических исследований»⁴. Коммерциализация позволила консолидировать ресурсы, необходимые для осуществленного в конце XX — начале XXI в. прорыва в области биотехнологий. Она также привела к разворачивающейся перед нашими глазами перестройке самоидентичности науки и ученых, изменив самопонимание науки и создав новую идентичность «ученого-бизнесмена».

Другим важным последствием коммерциализации стали изменения практик в области патентования. В 1980 г. Верховный Суд США постановил, что создание новых форм жизни подпадает под юрисдикцию федерального патентного закона. Это позволило со временем перейти к патентованию не только искусственно созданных микроорганизмов или лабораторных животных, но и к патентованию генов человека, последовательностей ДНК, эмбриональных стволовых клеток и т.п. Прагматический интерес к защите инвестиций изменил восприятие мира. В форме патента *он придал фундаментальному научному знанию вид рыночного товара*. С точки зрения философии, это означает радикальное слияние культурного и природного горизонта, идей открытия и изобретения. Коммерциализация науки в сфере биотехнологий создала новый рынок, новый тип товаров, новые права собственности, ускорив синхронно протекающие аналогичные процессы в других отраслях биомедицины. Причем объектами коммерческого использования становятся не только живые организмы или элементы человеческого тела (гены или клетки), но и геномы целых наций. Например, в 2000 г. в Исландии частная биотехнологическая компания «ДеКод Дженетикс» «выкупила» эксклюзивное право на коммерческую эксплуатацию геномных материалов и данных исландской популяции сроком на 12 лет.

Коммерциализация науки и этика

Превращение познания в форму производства создает новую разновидность этоса научного сообщества, который радикально отличается от классического описания, данного в свое время Р.Мертоном. В традиционной академической науке собственником знания выступал *индивидуальный ученый*. Этому положению дел соответствовала идея его *личной ответственности*. В биотехнологических компаниях возникает *корпоративная собственность* на полученное знание. Пространство личной ответственности резко сужается. Но одновременно возникает идея коллективной (корпоративной) ответственности или подотчетности обществу. С точки зрения этики, возникает *новый тип морального субъекта («ученый-бизнесмен»)*, для которого характерен столь же удвоенный этос. В англоязычной литературе противоположность двух этосов иногда фиксируется терминологически как отношение личной ответственности (personal responsibility) и корпоративной подотчетности перед обществом (corporate accountability).

С точки зрения Р.Мертон этос научного сообщества включает следующие принципы:

1. «Коммунизм (коллективизм)» — знания как результат научной деятельности являются общественным достоянием. Любое научное знание строится на результатах предшествующих исследований. Поэтому ученый должен осознавать себя как члена научного сообщества, который лишь в сотрудничестве с другими способен реализовать свое предназначение. Его долг — бескорыстно делиться научными результатами с другими учеными, публиковать их в открытой печати.

2. «Универсализм» — оценка значимости научных достижений ученого должна строиться исключительно на их объективном значении, игнорируя его национальность, принадлежность к тому или иному исследовательскому институту, личные качества, религиозные или политические убеждения.

3. «Незаинтересованность» — научные исследования должны быть мотивированы исключительно стремлением достижения истины. Необходимо исключить все внеученческие интересы: экономические, политические, религиозные и т.п.

4. «Организованный скептицизм» — исследователи обязаны быть критичными не только к результатам чужих работ, но и своих собственных. Только на основе систематически осуществляемой критики научные идеи могут быть очищены от ошибок и приближаются к истине. Долг ученого — постоянно подвергать сомнению полученные результаты.

Четыре принципа образуют, по Мертону, этос научного сообщества. Слово «этос» подчеркивает то обстоятельство, что эти принципы являются одновременно *этическими нормами* самосовершенствования ученого и *методологическими правилами*, обеспечивающими достижение истины.

В чем специфика этоса науки как корпоративной деятельности на рынке знаний и технологий? Иными словами, в чем специфика этоса научного сообщества, в котором субъектом является гибрид ученого и бизнесмена?

Этос этого двуликого Януса оказывается столь же двуликим. Поскольку наука не перестает быть наукой, то сохраняется в самосознании ученых моральная и методологическая значимость принципов, сформулированных Мертоном. Однако эти принципы в тех ситуациях, в которых ученый начинает играть роль бизнесмена, ограничиваются и дополняются системой иных принципов. Эта система впервые была описана американским социологом науки Яном Митроффом в 70-х гг. прошлого века, когда был дан старт политике коммерциализации в различных областях научных исследований. В определенном смысле эти принципы прямо противоположны тем, что сформулировал Мертон. Применительно к реальности биотехнологической науки принципы Митроффа можно сформулировать следующим образом:

1. «Корпоративный эгоизм» (вместо коммунизма) — знания как результат научной деятельности являются собственностью корпорации. Они патентуются и в форме патентов могут быть проданы другим представителям научного сообщества.

2. «Партикуляризм» (вместо универсализма) — оценка значимости научных достижений ученого должна строиться не столько на их объективной оценке, сколько на их практической полезности для данной корпорации (данного исследовательского института). Корпорация поддерживает тенденцию к завышенной оценке собственных достижений и заниженной оценке чужих.

3. «Заинтересованность» (вместо незаинтересованности) — научные исследования мотивированы прежде всего корпоративным интересом максимизации прибыли. Достижение *истины* является сопутствующим моментом в процессе получения экономической *пользы*.

4. «Организованный догматизм» (вместо организованного скептицизма) — исследователи обязаны быть критичными к результатам чужих работ. Одновременно, следуя духу «командной игры», исследователи должны воздерживаться от критического обсуждения результатов деятельности собственной компании. Негативные результаты, т.е. результаты, подвергающие сомнению эффективность или полезность товаров и услуг, продаваемых компанией, например, новых вакцин или лекарственных средств, практически никогда не публикуются, являются предметом «коммерческой тайны» корпорации.

Противоречие между двумя типами этоса научной деятельности составляет суть *конфликта интересов* — моральной проблемы, с которой индивидуальный ученый нередко сталкивается в сфере активности биотехнологий. Как член научного сообщества он обязан придерживаться принципов мертоновского этоса, а как наемный сотрудник биотехнологической компании — придерживаться принципов, описанных Митроффом. Наиболее остро этот моральный конфликт обнаруживается при оценке *рисков*, связанных с биотехнологической деятельностью. Достаточно отметить нерешенный до сих пор спор между биотехнологическими компаниями, производящими генетически модифицированные продукты, и их оппонентами из лагеря активистов экологического движения.

Что такое риск?

Мы говорим о риске тогда, когда наступающие из будущего события являются только вероятными. Они могут наступить или не наступить. Мы рискуем, надеясь на исполнение наших желаний и одновременно опасаясь того, что они не исполнятся, или того, что, исполняясь, они породят следствия, для нас нежелательные, наносящие определенный вред. По-

этому, в самом широком смысле, эти только вероятные наступающие события могут быть как благоприятными, так и неблагоприятными. Но обычно, когда речь идет о рисках, то имеются в виду лишь неблагоприятные события, наступающие или не наступающие с определенной степенью вероятности. В некоторых случаях о риске говорят как о конкретной, математически точно выраженной мере наступления неблагоприятного события. В нашем изложении речь будет идти лишь о вероятных неблагоприятных событиях и, главное, о том, каким образом в условиях неопределенности наступления неблагоприятного события принимать конкретные решения в области биотехнологий.

Нужно иметь в виду, что проблема риска в своем основании соотносится с фундаментальными онтологическими и гносеологическими проблемами. Как считали философы и ученые до середины XX в., мир представляет собой предустановленный порядок существования вещей. Поэтому неопределенность характеризует степень незнания человека. Чем больше человек знает и чем в большей степени на основе развития техники контролирует природу, тем меньше неопределенность и риск наступления неблагоприятных последствий. Однако исторический опыт показывает, что прогресс науки и техники не уменьшает неопределенность и риск наступления неблагоприятных событий, а в определенном смысле их увеличивает. Этому экзистенциальному опыту больше соответствуют онтологическое представление о реальности как о «детерминированном хаосе», порождающем многообразие возможных упорядоченных отношений, которые регистрируются учеными в конкретных экспериментах и в таком упорядоченном виде используются для создания новых биотехнологий. Для него неопределенность является внутренним, наиболее фундаментальным свойством самой реальности. В данной ситуации риск оказывается не случайным обстоятельством, которое минимизируется по мере прогресса науки, а неизбежным условием человеческого поступка, результатом его цивилизационного развития. Риск растет по мере углубления наших знаний и умений контролировать с помощью биотехнологий природу жизни.

В любом случае следует отметить, что риски и угрозы негативных воздействий входят в жизнь современного человека как постоянно присутствующие факты его жизни. Как образно отмечает современный немецкий философ Ульрих Бек, «цивилизационные угрозы ведут к возникновению своеобразного “царства теней”, сравнимого с богами и демонами на заре человечества, царства, которое таится за видимым миром и угрожает жизни человека на этой земле. Сегодня мы имеем дело не с духами, которые прячутся в вещах, мы подвергаемся “облучению”, глотаем “токсические соединения”, нас наяву и во сне преследует страх перед “атомным холокостом”... Непосредственному наслаждению радостями жизни, простому существованию пришел конец. Всюду корчат рожи вредные и ядовитые вещества, бесчинствуя, словно черти в средневековье. Люди перед ними полностью беззащитны. Дышать, пить, есть – значит повсюду сталкиваться с ними»⁵. Причем каждое из ядовитых «веществ» имеет «свои собственные отношения вражды со специальными противоядиями, свои ритуалы уклонения, формулы заклинания, свои предчувствия и уверенность в своих возможностях»⁶.

Каковы риски биотехнологий?

Какие риски добавляют в это «царство теней» биотехнологии? Здесь прежде всего следует отметить, что в качестве вероятных неблагоприятных последствий могут фигурировать не только последствия в широком смысле физические (например, последствия для здоровья человека или экологической ситуации), но и моральные. Недаром в гражданском праве есть понятие морального ущерба.

Получение с помощью биотехнологических методов в промышленности, сельском хозяйстве или медицине ценных для человека продуктов (например, вакцин, гормонов, лекарственных препаратов, кормовых белковых или витаминных добавок для сельскохозяйственных животных и т.д.) ставит, помимо обычных проблем корпоративной этики, особо остро проблему экологического риска. Дело в том, что в случае попадания,

например, в результате аварии, в окружающую среду генетически модифицированных микроорганизмов возможны самые серьезные, трудно предсказуемые негативные экологические последствия. Дело в том, что ни у животных, ни у человека нет эволюционно выработанных механизмов защиты от них. По мнению разработчиков, существующие в биотехнологической промышленности системы безопасности достаточно надежны. Однако один из уроков Чернобыля как раз в том и заключается, что разработчики склонны преувеличивать надежность защиты и преуменьшать возможные риски.

Создание новых видов сельскохозяйственных животных и растений, к примеру, трансгенных сортов картофеля или томатов, помимо отмеченных выше экологических рисков, могут нести определенные риски непосредственно, а не только опосредованно через окружающую среду для здоровья человека. В этом отношении в научном сообществе нет согласия. Ученые, связанные с производством генетически модифицированной пищи или других полезных продуктов, склонны утверждать, что их потребление безопасно. Ученые, деятельность которых финансируется экологическими организациями, указывают на высокую вероятность весьма тяжелых последствий для здоровья человека. Доминирование и в том, и в другом случае принципов, сформулированных Митроффом для корпоративной науки, заводит много лет идущую дискуссию в тупик.

Создание животных, обладающих ценными в плане медицинского использования свойствами, к примеру, трансгенных свиней, органы которых можно будет использовать для пересадки человеку, ставит массу проблем, которые опять же либо недооцениваются, либо переоцениваются в дискуссиях об их допустимости. Основная угроза заключается в том, что в обычных условиях огромное число микроорганизмов, вызывающих болезни у животных, не вызывают соответствующие заболевания у человека. И, наоборот, безвредные для животных микроорганизмы, попав в тело человека, могут вызвать тяжелейшие заболевания. Существует своеобразный биологический барьер между разными видами живых существ. Если этот барьер будет разрушен за счет того, что геном свиней будет, с точки зрения иммунной системы, выполнять основную барьерную функ-

цию, приближен к человеческому, то возникает опасность заражения человека новыми неизвестными формами вирусных и бактериальных заболеваний. Об их серьезности свидетельствует ситуация с периодическими вспышками т.н. птичьего гриппа. Это те риски, которые мы наблюдаем с чисто антропоцентристских позиций. С точки зрения биоцентризма и патоцентризма, сам факт использования животных как чистого средства реализации целей человека является аморальным. Тем более что, понимая угрозу заражения человека, которому будут пересаживаться органы от свиней, исследователи содержат экспериментальных животных в особых стерильных условиях, жестко ограничивающих их пространство жизнедеятельности. Это вызывает резкие протесты со стороны защитников прав животных.

Создание трансгенных животных – своеобразных «химер», часть генома которых получена от человека, а другая часть от животных, несет в себе трудно предсказуемые риски разрушения не только биологических барьеров между животными и человеком, но и границ человеческой самоидентичности. Ведь опыты ведутся не только по созданию животных для трансплантации внутренних органов типа печени, сердца или почек, но и мозговых структур. Уже созданы мыши, у которых 1% мозговых нейронов является человеческим. В ближайшее время ученые планируют создать трансгенных мышей, у которых все 100% нейронов будут человеческими. У этих животных можно будет брать ткань мозга для лечения больных, страдающих болезнью Альцгеймера, рассеянным склерозом и другими тяжелейшими заболеваниями центральной нервной системы. Однако как изменится поведение химер? Каковы последствия возможного попадания этих нового вида человеко-животных в естественную среду обитания? Эти риски очень правдоподобны с научной точки зрения, но совершенно не изучены.

Выращивание из стволовых клеток человека органов и тканей, которые будут способны заменить его собственные, пораженные заболеванием или вследствие травмы, является одним из приоритетных направлений развития биотехнологий в области медицины. Однако при всей перспективности и первых обнадеживающих результатах уже отмечены многочисленные осложнения. В частности показано, что у людей, которым в

целях экспериментальной терапии вводили стволовые клетки, значительно возрастает риск развития рака и других патологических состояний. Одновременно не следует забывать и высокой вероятности нанесения морального ущерба, если источником этих клеток выступают человеческие зародыши. Чтобы спасти одного человека, к примеру, страдающего болезнью Альцгеймера, необходимо методами клонирования создать человеческий зародыш, а затем прекратить его существование, разделив на отдельные клетки, которые и будут использованы как материал для биоинженерии новых органов и тканей больного. Острые моральные коллизии, возникающие в данной области биотехнологий, подробно анализируются биоэтикой. Для того чтобы избежать моральных затруднений, биотехнологические компании активно разрабатывают методы получения стволовых клеток не от эмбрионов, а из источников, использование которых не несет никакого ущерба человеку. Например, созданы технологии получения стволовых клеток из пуповины, которая естественным образом отделяется от ребенка после родов. Пока успехи в области замещения эмбрионов как источников стволовых клеток весьма скромны.

В долгосрочной перспективе прогресс технологий использования стволовых клеток, по сути, приведет к появлению своеобразного «биологического конструктора». Любой орган или ткань человека могут быть искусственно изготовлены, а затем использованы для замены поврежденных. Возникает уже описанный выше риск того, что человек сам себя начнет воспринимать как некоторое изделие, т.е. обезличенно.

Особое место занимают биотехнологии, использующиеся для производства новых видов биологического оружия. Официально подобного рода оружие запрещено международной Конвенцией 1972 г. С тех пор до 2001 г. проходила работа над дополнительным протоколом к Конвенции, в котором был бы выработан механизм инспекций, позволяющий эффективно контролировать ее выполнение. В 2001 г. Соединенные Штаты вышли из договорного процесса, заявив, что они не верят в готовность других стран выполнять Конвенцию и не могут позволить международным организациям проводить инспекции американских предприятий биотехнологической индустрии,

опасаясь случаев промышленного шпионажа. В сентябре того же года в США произошла попытка применить споры сибирской язвы в террористических целях. Международные организации, прежде всего ООН и ВОЗ, в последние годы неоднократно указывали на возрастающую опасность биотехнологического производства биологического оружия и его применения в террористических целях. Дело в том, что новые биотехнологии резко упрощают и удешевляют производство биологического оружия. Более того, его производством могут заниматься те же самые организации, на том же самом оборудовании и с использованием практически тех же самых технологий, что используются для производства продуктов мирного назначения, к примеру, вакцин. Легкость производства, трудность контроля и высокая эффективность биологического оружия лежат в основе новой, еще плохо осознанной угрозы, определяют трудно контролируемые риски не только для отдельных людей или их групп, но и для человечества в целом. Вероятно, нужна универсальная международная этико-правовая система, обеспечивающая личную ответственность ученых и корпоративную подотчетность биотехнологических компаний перед обществом.

Опасность здесь связана с тем, что наука, в том числе и коммерчески ориентированная, в сфере военного производства начинает развиваться вне общественного контроля, в тени «государственной тайны».

Развитие биотехнологий невозможно без общественно признанных процедур диагностики, объективного описания и предотвращения возможных рисков.

Риск как социальная конструкция

Классическая наука вплоть до середины XX в. разбиралась с риском и своими ошибками сама внутри научного сообщества благодаря мощным механизмам критических дискуссий. В результате и ошибки, и риски становились новыми источниками научной экспансии и технического прогресса, минуя взгляд посторонних – публики, обществен-

ности. Более того, вмешательство общественности в сферу научной деятельности, мотивированное внеучеными целями, считалось недопустимым.

Этот наивный позитивистский подход к оценке рисков до сих пор влиятелен в странах, в том числе в России, в традициях и современной социальной практике которых доминируют авторитарные тенденции. До начала 1980-х гг. он был характерен и для так называемых западных демократий. В чем недостаточность этого подхода к процедурам диагностики, оценки и предотвращения рисков? Во-первых, он не учитывает того обстоятельства, что восприятие и оценка рисков, даже если они хорошо описываются и измеряются научно, и принятие адекватных решений зависит от позиции того, кто принимает решение. Один и тот же наполовину заполненный стакан одними воспринимается как наполовину пустой, а другими — как наполовину полный. Одна и та же вероятность наступления неблагоприятного события одними людьми воспринимается как приемлемая с учетом достигаемых благ, а другими — как неприемлемая. Поскольку оценка во многом зависит от экономических и социальных условий жизни людей, то в философии принято говорить о риске как некоторой социальной конструкции. Остановимся на этом вопросе подробнее.

В чем смысл тезиса о риске как социальной конструкции? Моральные проблемы развития биотехнологий воспринимаются, осмысливаются и решаются в зависимости от особенностей культурного развития той или иной человеческой общности. Об этом следует не забывать тогда, когда речь идет об отношении российского общества, включая ученых, к биотехнологическим инновациям. Как показывают конкретные социологические исследования, проведенные во многих странах мира, включая Россию, существует четко выраженная зависимость между чувствительностью к наличию проблем и уровнем социально-экономического развития конкретного сообщества. Чем хуже социально-экономическое положение людей, тем меньше проблем, включая моральные, они воспринимают в процессах развития биотехнологий. Поэтому в целом население стран третьего мира, включая страны Африки, Азии и Россию, менее озабочено возможными негативными последствиями развития

биотехнологий, чем население индустриально развитых стран. Такая же дифференциация существует и внутри отдельных стран. К примеру, население Москвы и Санкт-Петербурга с большей настороженностью воспринимает тенденции развития биотехнологий, чем население социально депрессивных российских регионов. Та же закономерность прослеживается и на региональном уровне: чем более успешна в экономическом отношении та или иная социальная группа, тем более чувствительны ее представители к потенциальным рискам развития биотехнологий. Поэтому страны третьего мира и население экономически депрессивных регионов оказывается в большей опасности перед лицом трудно контролируемых рисков биотехнологий. Всегда возможен «экспорт» рисков, например, в форме немаркированных генетически модифицированных продуктов, в эти места из индустриально развитых стран и регионов.

Есть и еще один антропологический аспект, имеющий первостепенное значение для того, чтобы понять различия в моральной чувствительности населения стран третьего мира и индустриально развитых стран к рискам, связанным с биотехнологическими манипуляциями с фрагментами человеческого тела. Дело в том, что во время хирургических операций и обследований (пункций, биопсий, заборов крови и т.д.) у людей в целях диагностики или лечения забирают образцы тела, часть из которых специальным образом обрабатывается, а затем хранится в виде своеобразных коллекций в больницах и научно-исследовательских институтах. Прогресс биотехнологий, прежде всего методов выявления генов, вызывающих конкретные заболевания, придавал особую ценность подобным коллекциям. В некоторых странах, например Эстонии и Великобритании, созданы национальные «биобанки», т.е. огромные коллекции биоматериалов, значение которых трудно переоценить для прогресса биомедицины.

В последнее десятилетие международной нормой в индустриально развитых странах стало получение согласия от человека или его родственников на включение образца в коллекцию и его использование в научных целях. Извлеченный из тела образец, хранящий в генах информацию о конкретном человеке, продолжает рассматриваться как его воплощение. Сделать

что-либо без его согласия с этой отделенной от его тела «частью» — означает нанести человеку моральный ущерб, проявить неуважение к его человеческому достоинству, нарушить принцип уважения автономии его личности. С учетом того, что в геноме записана важная персональная информация, его несанкционированное исследование по сути совпадает с несанкционированным доступом к любой другой персональной информации.

В России и странах третьего мира подобного рода практики нет. Причем нет не случайно. История показывает, что даже человек, вовлеченный в те или иные биомедицинские технологии в качестве пациента или испытуемого, совсем не всегда здесь воспринимается как моральный субъект, которому в принципе может быть нанесен моральный ущерб в результате несанкционированных манипуляций с его телом. В отличие от Соединенных Штатов и стран Западной Европы, практически все конфликты между врачами и пациентами в России обусловлены нанесенным материальным ущербом здоровью. Возможность нанесения морального ущерба в форме нарушения прав пациента, унижения его чести и достоинства, нарушения неприкосновенности его частной жизни, разглашения конфиденциальной информации практически не фигурирует в судебных делах. Это связано с *особой односторонностью морального сознания граждан России как пациентов и морального самосознания врачей, неразвитостью восприятия тела человека как его собственного*. К примеру, любой пациент и любой врач будут действительно морально уязвлены, если кто-либо без разрешения использует их носовой платок или покатается на их машине, пусть и не нанеся ей никакого физического ущерба. Использование без разрешения моей вещи наносит мне моральный ущерб вне зависимости от того, нанесен ли ей какой-либо материальный ущерб. Это положение очевидно для большинства граждан. И, однако, для этого большинства абсолютно неочевидна — в буквальном смысле не воспринимается — как нанесение морального ущерба до сих пор распространенная практика недобровольного использования человека в биомедицинских исследованиях в качестве испытуемого. Именно поэтому повсеместно распространена и закреплена соответствующими действующими инструкциями практика использования идентифицируемых биомате-

териалов⁷, полученных от пациентов во время биопсий, хирургических операций, заборов крови и других процедур, без информированного согласия того человека, от которого они были получены. *Тело человека не воспринимается как его тело, как форма воплощения его личности.* Поэтому и манипуляции с телом или его частями не воспринимаются как действие, затрагивающее человека как морального субъекта.

Если моральная чувствительность нашего общества подчас не воспринимает даже человека в качестве морального субъекта, то попросту экзотичными остаются для него моральные проблемы развития биотехнологий, в которых в центре оказывается такой моральный субъект, как животное. В целом господствует *антропоцентрическая идея морального сообщества*, в границах которой природа не воспринимается в качестве морального контрагента человека. Международное сотрудничество отчасти способствует проникновению в практику научных исследований на животных некоторых идей не антропоцентрической этики.

Подведем итог обсуждения вопроса о риске как социальной конструкции. Социально-экономическая ситуация, доминирующая в конкретном сообществе, предопределяет и характер восприятия рисков, и их оценку, и конкретное поведение людей в ситуации риска. Можно понять причины, почему в нашей стране многие риски биотехнологий не воспринимаются населением именно как значимые риски. Однако понимание социально-экономических корней некоторой моральной нечувствительности общества не означает оправдания существующего положения вещей как некоторой традиционной константы. История последних десятилетий свидетельствует о том, что ситуация достаточно быстро меняется. Идеи экологической этики и биоэтики еще недавно также рассматривались как чужеземные заимствования. Теперь они все шире входят в систему образования, оказывают возрастающее влияние на политику в нашей стране. Поэтому полезно, пусть пока и впрок, рассмотреть международный этический стандарт, определяющий характер ответственности ученых, биотехнологических корпораций и общества в целом в ситуации неопределенности и риска, порождаемой бурным прогрессом биотехнологий. Речь пойдет о принципе предосторожности (precautionary principle).

Принцип предосторожности

Принцип предосторожности как нормативный (этический) принцип возник в 70-х гг. XX в. именно в связи с тем, что человечество столкнулось с возрастающими рисками для окружающей среды и благополучия человека, порожденными научно-техническим прогрессом. Причем, как отмечалось выше, изменился характер понимания связи между рисками и прогрессом науки. Раньше предполагалось, что ситуация риска определена временным несовершенством научного знания и технологического освоения реальности. Теперь человек все чаще сталкивается с ситуациями, в которых по мере роста знаний и эффективности технологий риски не уменьшаются, а возрастают. Тем самым риск становится наиболее характерной чертой ситуаций, в которых человеку приходится принимать ответственные решения. Именно в этих ситуациях все чаще и чаще используется принцип предосторожности для морального обоснования принимаемых решений.

Следует, конечно, отдавать себе ясный отчет, что так же, как и в отношении других моральных норм, этот принцип трактуется различно. Наиболее детальное изложение различных подходов к пониманию принципа предосторожности дано в специальном докладе Комиссии ЮНЕСКО по проблемам этики и научного познания в 2005 г. С самого начала Комиссия формулирует отмеченный выше парадокс: наука создает средства защиты для человека от многих угроз, таящихся в природе (например, болезней), но одновременно создает новые, трудно предсказуемые риски и угрозы. Поэтому, делая все возможное для обеспечения научного прогресса, необходимо позаботиться о предотвращении связанных с ним негативных последствий.

Причем риски бывают различными. Некоторые из них можно предсказать и достаточно точно математически измерить. Например, риск заболевания раком легких у заядлых курильщиков. В этой ситуации рациональное, ответственное поведение человека может строиться на основе достоверного научного знания, хотя и имеющего лишь вероятностный характер. Развитие современной науки и технологий, в том числе и биотехнологий, создает риски иного типа. Это риски, во-первых,

не поддаются прямой математической оценке, а во-вторых, риски, которые в ситуации принятия решения научно не предсказуемы, но их появление вполне правдоподобно. Например, риск попадания в окружающую среду искусственно созданных микроорганизмов, работающих в биотехнологических машинах для производства полезных продуктов, трудно измерить в силу того, что могут быть разрушены многочисленные связи природных экосистем. Хотя какие конкретно микроорганизмы попадут в среду и каков будет интегральный эффект подобного рода катастрофы, предсказать и тем более измерить невозможно. В случае с риском курения мы имеем дело с массовыми, повторяющимися событиями. В случае экологических катастроф — с событиями уникальными, относительно которых генерализованное знание (получение конкретной измеримой вероятности) практически невозможно, хотя их *возможность вполне правдоподобна*. Конечно, и в предшествующие времена человек слишком часто принимал те или иные решения в ситуации, когда просчитанные им последствия касались лишь самых ближайших и наиболее просто оцениваемых рисков. Например, строил гидростанции, не будучи способен не только измерить, но и предсказать, какого рода конкретный ущерб будет нанесен окружающей природе. Но, несмотря на свою разрушительную силу, негативные последствия этих непредсказуемых строго научно рисков были достаточно локальны. В случае рисков биотехнологий, как и других новейших технологий, они вполне правдоподобно могут оказаться глобальными, а негативные последствия — необратимыми. Именно в отношении подобного рода ситуаций сейчас все шире применяется принцип предосторожности.

Каково содержание принципа предосторожности?

В уже упомянутом докладе Комиссии ЮНЕСКО выделяются следующие общие черты, которые чаще всего встречаются в формулировке принципа предосторожности:

— принцип применяется тогда, когда существует значительная научная неопределенность, касающаяся причин, величины, вероятности и природы возможных негативных последст-

вий. В этом его отличие от принципа превентивности, который требует предотвращения негативных последствий в отношении научно идентифицируемых рисков с предсказуемой вероятностью наступления;

– степень неопределенности и правдоподобность негативных последствий должны в обязательном порядке строиться на адекватных научных данных, но не на чисто эмоциональных негативных реакциях или фантазиях;

– принцип применяется только в отношении возможных неприемлемых негативных последствий, т.е. последствий, представляющих серьезную угрозу для экологического благополучия или здоровья человека;

– принцип предполагает необходимость активного действия, в том числе и запрещающего, до того момента, пока научно не будет удостоверено наличие или отсутствие угрозы (недопустима попустительствующая тактика: подождем, посмотрим);

– неблагоприятные последствия, которые могут быть вызваны самими запретительными мерами, должны быть пропорциональны величине предполагаемых рисков. Запрет не является единственно возможным ответом на риски в ситуации неопределенности;

– принцип определяет в качестве обязательных условий при принятии разрешающего решения разработку мер по снижению вероятности наступления неблагоприятных событий, по их нейтрализации в случае наступления, по постоянному научному мониторингу ситуации для отслеживания и уточнения предсказанных негативных последствий, а также идентификации и нейтрализации возможных не предсказанных на начальном этапе негативных последствий.

Рабочее определение принципа предосторожности дается в переводе Р.Г.Апресяна: «Когда деятельность человека может нанести морально неприемлемый ущерб, возможность которого неопределенна, но с научной точки зрения реальна, следует предпринять действия, позволяющие избежать или уменьшить такой ущерб». *Морально неприемлемый ущерб* – это ущерб людям или окружающей среде, который: а) угрожает жизни или здоровью людей, или б) оказывается серьезным и практически

невосполнимым, или в) является несправедливым по отношению к нынешнему или будущим поколениям, или г) наносится без должного внимания к правам тех, кому он причиняется.

Примером применения принципа предосторожности является политика Европейского Союза в отношении генетически модифицированных продуктов (ГМП) питания. Поскольку есть серьезная научная неопределенность в отношении безопасности генетически модифицированных продуктов, а возможность неблагоприятных последствий правдоподобна с научной точки зрения, то до научно обоснованного разрешения этой проблемы экспорт ГМП в страны Евросоюза запрещен. Американские биотехнологические компании, являющиеся основными производителями ГМП, подали иск против Евросоюза во Всемирную торговую организацию, расценивая этот запрет как нарушение правил свободной торговли и конкуренции. Для «ученого-бизнесмена» неопределенный, но возможный риск оказывается менее значимым, чем возможность достижения конкретных экономических выгод.

Коллизия вокруг ГМП вряд ли будет разрешена в ближайшее время. Но даже если она и будет разрешена, то вполне вероятно возникновение множества иных аналогичных проблем с продуктами биотехнологического производства. Поэтому можно сделать несколько выводов, касающихся процедуры принятия решения в ситуации сложного неопределенного риска. Как уже отмечалось, традиционно оценкой и принятием решений по нейтрализации возможных рисков занимались эксперты и политики. Вряд ли кто-либо станет отрицать их роль и в современной ситуации. Однако, как уже указывалось в разделе о проблемах этоса коммерчески ориентированной науки, оценка эксперта слишком часто оказывается ангажированной. В литературе по философии науки появился даже особый термин «адвокатская наука». Ученый в споре выступает не как свидетель, беспристрастно обнародующий известные науке факты, а как адвокат, использующий свои знания для доказательства правоты своего клиента (неважно, насколько тот прав или неправ). Сложность и неопределенность обсуждаемых проблем оказывается благоприятной почвой для подобного рода практики.

В этой ситуации международно признанной нормой является требование: конечное решение о том, употреблять или не употреблять ГМП, должен принимать сам покупатель, а не производитель продукта или чиновник, дающий или не дающий соответствующее разрешение. Практически это должно проявляться в наличии на продуктах, содержащих ГМП, заметной маркировки. Принцип предосторожности предполагает, что ответственность за доказательство безопасности лежит на производителях соответствующей продукции, которые должны понимать, что общественное доверие, следовательно, и потребительский спрос — это не подарок. Для того чтобы его завоевать, необходимы не только дополнительные инвестиции в исследование безопасности, но и адекватная моральная позиция, рассматривающая покупателя не как пассивное средство для достижения экономических целей, а как субъекта, принимающего самостоятельное решение в ситуации риска и неопределенности.

Есть и иной аспект, особенно значимый в российских условиях. Объективность и беспристрастность являются основополагающими принципами науки, сердцевинной ее этоса. На протяжении десятилетий наука в СССР подвергалась мощному идеологическому давлению. Были исторические периоды, когда власть непосредственно вторгалась в науку — генетику, физиологию, языкознание, историю, философию и др., искажая принцип объективности и разрушая сложившиеся внутринаучные механизмы его обеспечения. В современной исторической ситуации негативные явления, связанные с влиянием коммунистической идеологии на принцип объективности и беспристрастности, исчезли. Однако это влияние приобрело другую форму. Форму материальной зависимости исследователя от источника, финансирующего его деятельность. Коммерциализация прикладных разделов науки, в том числе и биотехнологий, — объективный процесс, обеспечивающий насыщение ресурсами наиболее перспективных направлений исследования. Однако нередко оказывается, что критерии экономической эффективности и прибыльности начинают превалировать над критериями истинности и научной объективности. Особенно когда речь идет об оценке рисков развития новейших наукоемких технологий.

Поскольку от того, насколько точно и беспристрастно оцениваются риски новейших технологий, вторгающихся в самые интимные механизмы природы и человеческой жизни, зависит не только благополучие сегодняшних поколений, но и грядущих, общество оказывается *морально ответственно* за сохранение в науке некоммерциализированных институтов. В ситуации бурного прогресса биотехнологий судьба всего человечества может оказаться заложницей коррумпированной науки, неспособной объективно оценить риск собственных инноваций. Поэтому классический принцип объективности из методологического становится моральным, т.е. принципом, определяющим позицию ответственного ученого и научного сообщества. Его обеспечение требует создания особых социальных и правовых институтов, гарантирующих неангажированную оценку биотехнологических рисков.

Примечания

- ¹ *Розин В.М.* Технологии // Новая философская энциклопедия. Т. IV. С. 65.
- ² *Лоренц К.* Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // *Вопр. философии.* 1992. № 3. С. 42.
- ³ Более подробно этот вопрос рассмотрен в кн.: *Тищенко П.Д.* Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2002.
- ⁴ *Rabinov P.* Making PCR. A Story of Biotechnology. The Univ. of Chicago Press, 1996. P. 19.
- ⁵ *Бек У.* Общество риска или на пути к другому модерну. М., 2000. С. 88–89.
- ⁶ Там же. С. 90.
- ⁷ Идентифицируемыми называются биоматериалы, по которым можно установить личность человека, от которого они взяты.

Возможности модификации природы человека сегодня

Стремление к совершенству

Стремление выйти за собственные пределы, стать равным богу или хотя бы приблизиться к нему, достичь вершин духовного совершенства было присуще человеку во все времена, но сделать самого себя объектом, предметом преобразования — такое стало возможно только сегодня. Мы живем в такое время, когда страсть к изменению и преобразованию коснулась уже самого человека, его тела, физиологии, генотипа.

Неудовлетворенность своим несовершенством — духовным, физическим, эмоциональным — является постоянным стимулом к исследованиям и поиску человеком путей изменения самого себя. Зависимость от внешних факторов: окружающей среды, психофизических данных, времени — удручает, подрезает крылья, подчеркивает нашу несвободу. Современная наука обещает не только продлить продолжительность жизни и избавить нас от множества страшных, в том числе врожденных, болезней — она предлагает средства, способные улучшить человеку интеллект, изменить моральные и эмоциональные характеристики. Вопрос, что подразумевается под «улучшением», пока остается открытым, однако можно уже сегодня предположить, что «хорошим», а следовательно, желательным, будет изменение человека в сторону его большей эффективности и приспособленности к реалиям сегодняшнего дня. Если для взрослого человека средством «улучшения» станут прежде всего новейшие достижения фармакологии и ис-

пользование протезных органов, то для будущих поколений будет возможно изменение уже самой ДНК как с целью исключить наследственные заболевания, так и с целью улучшить те или иные характеристики будущего ребенка. Таким образом, при раннем вмешательстве в структуру ДНК можно будет «заказать» младенца с определенным цветом кожи, внешними данными и даже — почему и нет? — определенной системой убеждений и верований.

Исследования в области нейрофизиологии показывают, что все наши мысли, чувства, убеждения, состояния — это еще и определенные участки мозга. Следующий шаг после детального изучения, какой участок мозга за что ответствен, — воздействовать на эти участки, активизируя те из них, которые «нужны» в данный момент, и подавляя «ненужные»... Например, уже известно, что склонность человека к оптимизму или пессимизму передается по наследству и, возможно, есть определенные гены, отвечающие за этот комплекс, — так отчего бы не выбрать для будущего ребенка более радостную жизнь? Однако далеко не все средства, с помощью которых производятся такие воздействия, можно назвать гуманными. Известно, что электрошоковое воздействие на лобные доли мозга в некоторых случаях очень успешно вылечивает депрессию, но может привести к непредвиденным необратимым разрушениям. Предвидеть заранее, какой именно будет результат от такого радикального вмешательства, невозможно. Также не изучены отдаленные последствия применения множества современных препаратов, которые способны воздействовать непосредственно на нервные клетки, менять их конфигурацию, нарушать или восстанавливать связи, что приводит к весьма заметным изменениям в личности пациента.

Природа человека — данность?

Представление о неизменной природе человека лежит в основе множества мировоззренческих систем, как религиозных, так и научных, не говоря уж об обыденном сознании, для которого эта пресуппозиция является одной из ведущих. Тем не ме-

нее изучение изменения моральных и мировоззренческих систем на протяжении истории человечества позволяет увидеть, что представления о том, что свойственно человеку по самой его природе – особенности его жизненного уклада, морали, эмоциональной и духовной жизни, даже его биология и физиология, меняются весьма существенно.

Отношение к телу как некой неизменной данности, сотворенной Богом или Природой, было свойственно до XX в. Хотя вся технократическая цивилизация была направлена на то, чтобы увеличить возможности человека с помощью техники, существовала существенная разница между самим человеком и теми предметами, которыми он пользовался и мог их видоизменять и улучшать. Сегодня же мы обращаемся к телу и к мозгу человека как к материалу, который подлежит изменению и улучшению, стремимся преодолеть ограничения, которые налагает, казалось бы, сама природа. Тем не менее вопрос о том, является ли природа человека раз и навсегда данной либо она все же подвержена изменению, остается открытым, и споры среди философов на эту тему не прекращаются. Так как какие-то отдельные изменения в человеке происходят постоянно как в масштабе истории, так и в масштабе протяженности отдельной человеческой жизни и они касаются поведения, внешнего облика, образа жизни в целом, характера и темперамента, личностных особенностей, психики, физиологии, убеждений и ценностей, нас интересует прежде всего, какие изменения в человеке затрагивают саму его суть. Если брать за основу телесную целостность человека, то остается ли личность той же самой, после того как какие-то части ее тела, а то и мозга заменены имплантатами? Если же мы примем, что человек – это прежде всего его убеждения, ценности, характер, социальное поведение, то в таком случае что говорить о психотропных препаратах, которые уже сегодня способны полностью изменить характер человека? Модификации же социального поведения мы наблюдаем постоянно: агрессивная реклама в СМИ, «промывка мозгов» в религиозных сектах, изменение убеждений под воздействием требований корпоративной этики в иностранных фирмах и т.п.

Кто автор?

Другая сторона того же вопроса: если изменения возможны, то кто может являться его автором: нечто от самого человека не зависящее — природа, внешняя среда, эволюция, высшие силы — или же он сам?

Идея модификации, становления человека, восприятия его как некоего проекта, который он сам же должен дорабатывать в течение всей своей жизни, была подхвачена и видоизменена впоследствии экзистенциальной моралью. Если мы допускаем, что человек способен изменять, т.е. модифицировать самого себя, то имеет смысл уточнить, каким образом, с помощью каких средств он это делает или будет делать. Мы подразумеваем под модификацией изменения, которые человек способен производить в собственной природе посредством технологий, им же самим и изобретенных. Это технологии медицинские, биологические, социально-политические, психологические.

Однако авторство означает еще и принятие ответственности за последствия своих действий, в том числе отдаленных.

Биотехнологии уже сегодня способны изменить природу человека «изнутри», на клеточном уровне. Современная фармакология способна производить посредством мощнейших препаратов такие изменения в физиологии и психике человека, что вопрос о сохранении личности того, кто подвергается такому лечению, стоит все более остро. Принцип информированного согласия применим в данной ситуации лишь в частичной мере, хотя бы потому, что большей частью пациенты не в состоянии понять, каковы же могут быть последствия подобного терапевтического вмешательства. Отдаленные же побочные последствия приема большинства новых препаратов до сих пор не изучены, и потому даже специалисты, которые их изобрели, не могут знать ответа на все вопросы.

Исследование и частичное изменение ДНК с целью предотвратить врожденные заболевания еще до рождения человека, уменьшение возрастных изменений в организме, улучшение тех или иных параметров личности посредством генной инженерии — все это уже не фантастика, а вполне видимый если не сегодняшний, но уже грядущий завтрашний день нашей ме-

дицины. Возможно, недалек тот день, когда не просто улучшение здоровья и продление продолжительности жизни, но и создание практически нового человека с совершенно новыми свойствами уже станут реальностью, доступной, однако, не всем. Пока что радужные надежды человечества на то, что будут преодолены генетические болезни, старость и даже сама смерть, не столкнулись с грубой социальной реальностью, которая не за горами: даже если чаемые изобретения станут достоянием человечества, воспользоваться ими смогут далеко не все. Последнее может привести к расслоению человечества уже не только по имущественному признаку, как было до сих пор, а закреплению этого неравенства на генетическом уровне. Таким образом, потомки тех, у кого был доступ к новейшим технологиям, будут отличаться от остальных уже не только воспитанием и образованием, но и уровнем своих способностей и общего здоровья. В итоге можно получить новую расу людей, точнее две расы — высшую и низшую.

Психотехнологии — известные и тайные

Тем не менее преобразование природы человека идет уже сегодня, и происходит это посредством загадочных знаний, способных менять человека посредством слова. Прежде всего стоит демистифицировать саму идею загадочности и недоступности так называемых психотехнологий, о которых, как и о людях с особыми знаниями и способностями, программирующих и даже зомбирующих население, так любят писать в СМИ. Все психотерапевтические школы в той или иной степени используют возможности человеческого организма в измененном состоянии сознания, в которое пациент попадает при воздействии на него тех или иных психотехник. Это первое. А второе — сила слова действительно по сей день недооценена, и обычные люди, сами того не ведая, постоянно воздействуют друг на друга посредством речи, программируют и настраивают друг друга как на добро, так и во вред. Элементы так называемого «бытового гипноза» можно наблюдать как в разговоре подруг или закадычных друзей, так и в обычных диалогах совершенно не-

знакомых людей в транспорте и на улице. Любая фраза, сказанная и услышанная в момент особой восприимчивости, может стать программирующей на дальнейшее поведение или даже резко изменить убеждения и жизненные установки. Об этом знают или догадываются предсказатели и гадалки всех уровней: если человек готов слушать и верить, да еще будучи введен в особое состояние сознания, ему действительно можно внушить самые странные вещи.

Любая, даже самая простая и понятная техника, которой обучают психологов-практиков, имеет под собой глубокие психофизиологические обоснования, которые — заметим — далеко не всегда известны даже самим психологам. Например, необходимость правильно смотреть на клиента: с одной стороны, не отвлекаясь и не отводя глаз, а с другой — не смущая и не пугая его чрезмерно пристальным взглядом, следовать за его интонациями, позами, жестами, фразами и т.п., время от времени повторяя их — опять же не явно и не демонстративно — кажется очевидной и не требующей дополнительного обучения.

Однако на деле обнаруживается, что столь постоянному и деятельному вниманию к другому человеку действительно надо учиться, т.к. для этого необходимо хотя бы временно как бы забыть о самом себе, о своих собственных мыслях, заботах, привычках, жестах, любимых словечках, став зеркалом другого человека, сохраняя при этом одновременно человеческое и профессиональное видение ситуации. Только таким образом можно достигнуть того невидимого, но столь необходимого условия успешной работы психолога, которое называют эмпатией или раппортом. Разумеется, в обычной жизни иногда все происходит само собой, когда незнакомые люди, почувствовав вдруг душевное родство и доверие друг к другу, захотели ближе узнать друг друга, поделиться своими сокровенными мыслями. После такого разговора отпускает душевная боль, становится радостнее жизнь — налицо психотерапевтический эффект. Однако само собой происходит далеко не всегда, и рассчитывать на внезапную симпатию и спонтанное взаимопонимание между клиентом и психологом не приходится: нередко чисто по-человечески клиент может оказаться совершенно несимпатичным, а его проблемы — не внушающими сочувствия. И именно

в таких ситуациях помогает профессиональный подход, когда психолог без видимых усилий как бы «выключает» собственные чувства и становится просто воспринимающим, слушающим и помогающим. Возможно, он даже временно перестает быть самим собой, т.к. на период общения с клиентом ему удастся проникнуться не только событиями, происходящими в жизни клиента, но и чувствами, ценностями, убеждениями клиента, которые в той или иной степени породили те события.

Термин «*принятие*», который используется в гуманистической психологии, очень точно отображает то особое отношение, которое не исчерпывается простой симпатией или одобрением, а является общим позитивным настроем к человеку, его существованию в целом. От симпатии, любви, а тем более влюбленности это отношение отличается тем, что видение другого человека остается объективным — видны не только его прекрасные качества и поступки, но и его ошибки, недостатки. Уже само по себе принятие, независимо от того, с чьей стороны оно исходит (знакомого, родственника, друга, священника или учителя), может оказывать на человека облагораживающее действие. И самое главное: если есть такое полноценное принятие со стороны психолога, это значит, его профессиональная помощь будет максимально эффективной, какие бы техники и методы он ни применял.

Ниже мы немного более подробно остановимся на некоторых школах и теориях, применяемых для модификации психического состояния и поведения человека. Порой изменения, происходящие в личности в результате психотерапии, очень существенны, тем более сложно отследить отдаленные последствия этих изменений. Можно с уверенностью утверждать, что человек, который в результате психотерапии избавился от мучительных страхов, фобий, навязчивых состояний, стал более уверенным в себе, научился общаться с другими людьми и выражать теплые чувства по отношению к своим близким (это лишь небольшой перечень того, чего можно добиться с помощью практической психологии), совершенно по-другому начинает воспринимать самого себя и жизнь в целом. Если же интеграция новых черт личности прошла успешно и полученные изменения гармонично вплелись в личность, тогда и ему

самому очевидно, что его сегодняшнее «Я» и «Я» вчерашнее — это два различных человека, хотя юридически он остался тем же, под тем же именем.

Особого внимания заслуживают возможности, предоставляемые различными психологическими техниками для *изменения человеком самого себя*: логотерапия, самогипноз, НЛП, специальные упражнения и тренинги по модификации поведения. В *гуманистической психологии* считается, что самоусовершенствование является основной темой жизни человека, следовательно, самомодификация — это одна из высших, или метапотребностей. В отличие от базовых потребностей, которые касаются физиологических требований и требований безопасности, удовлетворение метапотребностей призвано обогатить и расширить жизненный опыт, увеличить напряжение посредством новых волнующих и разнообразных переживаний. Также весьма ценным в гуманистическом подходе является понятие «вершинного переживания», когда человек чувствует благоговение, восторг, вдохновение. Такие моменты являются наиболее счастливыми и волнующими в жизни человека, и благодаря способности переживать их и открываться новому опыту человек способен преобразовать собственную природу.

О некоторых тонкостях обучающего подхода

В отличие от гуманистической или экзистенциальной психологии, скиннеровскую методику оперантного обуславливания в психологическом сообществе до сих пор считают несколько «поверхностной» из-за усиленного внимания к внешним поведенческим реакциям. Однако в этом заключается и очевидный плюс этого подхода: критерий достижения результата психокоррекции очевиден и поддается наблюдению, т.к. мы можем судить о успешности или неуспешности модификации по внешним поведенческим признакам. Между тем грамотное применение этой методики на практике может привести к весьма интересным и глубоким изменениям не только на уровне поведения, но и определенных убеждений и даже представлений о собственной идентичности. Обучение чему бы то ни было:

наукам ли, иностранным языкам, различным умениям и навыкам или же новым способам взаимодействия с другими людьми – сопровождает нас всю нашу жизнь. Поэтому и отношение к обучению как таковому, а также наши убеждения по поводу нашей собственной обучаемости, т.е. о наших талантах и способностях к восприятию нового, являются весьма важной составляющей нашей личности.

Следует также упомянуть, что и *когнитивный подход* исторически возник на основе бихевиорального, т.к. в результате многочисленных экспериментов выяснилось, что не все человеческое поведение обуславливается только внешними факторами и стимулами среды: поведение также может быть обусловлено внутренними факторами. Отсюда крайне важна эмоциональная окраска опыта обучения: успешное обучение чему-то новому и интересному, сопровождающееся позитивными эмоциями, – одно из самых вдохновляющих переживаний в жизни человека.

Идея эффективности положительных или отрицательных *подкреплений*, используемых при обучении как животных, так и людей, на первый взгляд представляется тривиальной, однако ее очевидность и «понятность» иллюзорна. Метод подкреплений – это отнюдь не то же самое, что система наград и наказаний, так как последнее означает получение субъектом обучения обратной связи уже после того, как действие совершено, нередко спустя длительное время. Правильное, грамотное подкрепление – это то, которое дано в самый момент, когда совершается действие, когда его еще можно изменить, прекратить или, наоборот, закрепить, и чтобы научиться его эффективно применять, обучающему – тренеру, преподавателю, психотерапевту – требуется прежде всего изменение себя не только на уровне знаний и навыков, но и убеждений. В частности, распространенное убеждение, что для того, чтобы обучиться чему-либо, необходимо прежде всего работать над ошибками, исправлять их, многократно повторять выученное и т.п., т.е. действовать методом кнута, является серьезным ограничением для успешного обучения.

Положительное подкрепление – это событие, совпадающее с каким-либо действием и ведущее к увеличению вероятности повторного совершения этого действия.

По поводу определения отрицательного подкрепления существуют споры, т.к. поведение может быть полностью сформировано и на основе отрицательного подкрепления (что зачастую происходит при традиционной дрессировке животных), да и для людей так называемая мотивация «от» может быть не менее сильной и эффективной, чем мотивация «для». Однако наши симпатии на стороне положительного подкрепления как минимум по двум причинам: первая — это наиболее физиологично для обучения и дает возможность более успешного обучения и вторая — максимально соответствует гуманистической модели человеческой природы, позволяя человеку обучаться, изменяться и улучшать себя не только эффективно, но и с удовольствием.

Крайне важно также соблюдать точность во *времени подачи подкрепления*. Подкрепление — это прежде всего информация, которая говорит субъекту, что именно из того, что он делает, нравится его окружению, в частности, преподавателю или психотерапевту. Когда речь идет об обучении, информационное содержание может стать важнее самого подкрепления. А между тем несвоевременные подкрепления сопровождают нас всю нашу жизнь: не только запаздывающие («как прекрасно вы выглядели на вчерашней вечеринке!»), но и преждевременные («молодец, ты можешь, у тебя уже все почти получилось!»). Во втором случае нам кажется, что мы подбадриваем и помогаем в достижении целей, а на самом деле мы подкрепляем *попытки*, зачастую бесплодные, иначе говоря, подкрепляется не само *действие*, а лишь *попытки*. Так и хочется заметить: не потому ли у нас столь редко успешные завершенные проекты, что вся энергия растрачивается на попытки...

Отнюдь не претендуя на полноценное изложение доказательств роли позитивных подкреплений в различных формах модификации человеческого поведения, мы хотим лишь подчеркнуть, что идея включения в поведение человека такой важной компоненты, как постоянное влияние окружения, прежде всего других людей, имеет не только научное, но и мировоззренческое значение для психологов-практиков. Последние нередко рассуждают так, как будто личность находится в безвоздушном пространстве, а цель терапии прежде всего состоит

в том, чтобы помочь клиенту в решении его внутриличностных проблем. Необходимо понимание не только значимости влияния окружения на человека, но и того, что это влияние не односторонне: человек модифицируется средой, но в то же время может сам на нее влиять, и также в свою очередь модифицировать ее. Таким образом мы обретаем дополнительное измерение и объем в видении человека и способах решения его психологических проблем.

Самомодификация — от теории к практике

Кроме множества тонкостей, касающихся времени, частоты, режима и величины подкреплений, о которых сейчас нет возможности рассказать подобающим образом, хочется упомянуть о таком наиболее полезном с точки зрения практических применений моменте, как *самоподкрепление*. Критическое отношение к самому себе является социально одобряемым и этому ребенок обучается с раннего детства. В итоге мы получаем трудную, напряженную жизнь, полную эмоциональных лишений, даже если внешне все обстоит более чем благополучно. Мы переходим от одних задач к другим, от одних свершений к следующим, не замеченные и не отблагодаренные никем, в том числе самими собой. Возможно, такой стиль отношения к себе является одной из глубинных причин депрессий и повышенной нервозности. Хвалить самого себя, гордиться своими достижениями, любить себя и награждать себя разными приятностями (дополнительный отдых, красивая вещь или интересная поездка) после завершения трудного дела многим представляется лишним, смешным и нескромным. Между тем такие простые вещи способны значительно улучшить не только наше настроение, но и изменить постепенно образ мыслей в целом.

Овладение приемами саморегуляции, самокоррекции при помощи психотехнологий, а также различных духовных практик приводит к расширению зоны контроля человеком в той области, которая по сей день является познанной им лишь частично, в пространстве его собственного «Я». Не прибегая к опас-

ным и дорогостоящим операциям, о которых говорилось в первой части нашей статьи, человек может исключительно силой своего ума и воли изменить собственную личность: преодолеть свои недостатки, развить новые навыки и способности, стать другим, более совершенным уже сегодня. Самомодификация – наиболее интригующая и вдохновляющая часть данной проблемы, т.к. получив возможность менять собственное состояние, психические характеристики, эмоции, убеждения, человек получает ни что иное, как возможность изменять собственную судьбу.

Исследования с участием человека — между долгом и осторожностью

Клинические исследования с участием человека — одно из основных условий разработки новых лекарственных средств и адаптации инноваций в области биомедицины, а в целом — это существенное условие развития большинства направлений современной медицины. Вместе с тем как раз проведение таких исследований — больная точка, в которой возникает комплекс биоэтических проблем.

Несмотря на то, что существуют общие законодательные и этические механизмы, регулирующие участие человека в медицинских исследованиях, вопрос о том, какие мотивы должны подвигнуть человека к участию в биомедицинском исследовании, вовсе не является очевидным, и оживленные дискуссии о степени обязательств, возлагаемых на членов общества с тем, чтобы они участвовали, или воздерживались от участия в медицинских исследованиях, или по крайней мере не рассматривали свое участие в медицинском исследовании как моральное обязательство, остаются открытыми. Одной из причин для воздержания от исследований остается проблема безопасности участников исследований.

Участие в исследовании как моральное обязательство

Как известно, биоэтика начиналась со скандалов, связанных с нарушением прав пациентов при проведении биомедицинских экспериментов. Даже большее влияние, чем эксперименты нацистов на людях, на становление биоэтики оказали более поздние события, связанные с проведением биомедицинских исследований. Например, в городе Тускеджи (Tuskegee) в процессе биомедицинского эксперимента на протяжении десятилетий (с 1932 по 1972 гг.) практиковалось не-лечение сифилиса у 412 афроамериканцев с целью наблюдения за развитием болезни на ее поздних стадиях. Позднее защита прав пациентов, участвующих в исследованиях, нашла свое отражение в ключевых документах биоэтики — Хельсинской декларации¹ и Конвенции о правах человека и биомедицине², этических исследовательских кодексах — Руководстве для исследователей CIOMS³ и других. Основная идея этих документов заключается в декларировании максимально возможной защиты прав участников исследований. Вместе с тем именно эта идея не так проста в исполнении.

Существует и успешно работает модель отношений врач-пациент, подразумевающая доверие пациента к врачу. В силу этого доверия процедура информированного согласия, на которой держится гарантия безопасности не только человека, принимающего участие в исследовании, но и самого исследователя, часто не выполняет свои функции. В самом деле, нередко исследователи и лечащие врачи — одни и те же люди, большинство исследований проводится с участием больниц и поликлиник, где пациенты априорно доверяют врачам и относительно охотно соглашались участвовать в медицинских исследованиях, когда им это предлагают. Процедура же информированного согласия носит формальный характер.

В пользу такой расположенности людей участвовать в исследованиях может служить этическая позиция, согласно которой участие в биомедицинском исследовании является долгом. Известный философ и этик Джон Харрис (J.Harris) в своей статье «Научное исследование и нравственный долг»⁴, опубликованной на страницах журнала «Journal of Medical

Ethics», инициировал дискуссию на тему морального обязательства перед обществом, присущего каждому человеку и являющегося мотивом для участия в исследованиях. В своей публикации он суммировал наиболее веские аргументы в пользу того, чтобы считать участие в биомедицинском исследовании моральным долгом.

Обязательство каждого члена общества участвовать в исследованиях основывается на том, что всякий человек, принимая участие в медицинском исследовании, вносит свой вклад в развитие медицины и, поскольку он сам пользуется ее благами, он должен принимать участие в разделении общего бремени, возлагаемого наукой на общество. Харрис формулирует этот принцип как *принцип справедливости*. Другой аргумент в пользу участия в исследовании в качестве морального обязательства — это развитие принципа «не причиняй вреда», подразумевающего вклад в облегчение страданий от болезней и предупреждение заболеваний, что возможно в результате развития медицины. Харрис считает: «Надо признать наличие морального обязательства для участия в медицинских исследованиях в некоторых случаях. Сюда, конечно, входят процедуры минимального вмешательства и связанные с минимальным риском, например, внесение своих данных в биобанки <...>⁵». Если продолжить мысль Харриса, то участие в более сложных клинических исследованиях, как I–IV фазы испытаний новых лекарств, также является обязательством, хотя и в меньшей степени, поскольку налагает большее обременение на участников исследований.

Нельзя не отметить, что, представляя участие в исследовании в качестве морального обязательства каждого члена общества, Харрис возлагает на исследователей большую ответственность. Прежде всего исследователи должны гарантировать, что испытуемый препарат безопасен. Для этого они должны не только потратить значительное время на предварительную проверку препарата, но затратить еще больше времени на анализ результатов. И даже при всех этих обстоятельствах гарантировать безопасность исследования трудно, если вообще возможно. Например, недавняя трагедия, произошедшая во время ис-

питания лекарства TGN1412, повышающего иммунитет человека, лишь подтвердила, насколько небезопасны биомедицинские исследования.

Клиническое исследование препарата Тегенеро1412

Не всегда моральное обязательство соотносится с возможностью гарантировать полную безопасность участникам исследования. Как показывает практика, возможны такие ситуации, когда исследования, не являющиеся потенциально опасными, могут наносить сильнейший вред людям, принимающим в нем участие. Пожалуй, одно из таких неудачных исследований имело место марте 2006 г. в Англии.

Во время проведения клинического испытания первой фазы вещества TGN1412⁶ (первое испытание данного вещества на человеке) – моноклонального антитела, предложенного в качестве лекарства для лечения лейкемии и таких аутоиммунных заболеваний, как ревматоидный артрит, произошло сильное побочное воздействие лекарства на организм человека. Во время проведения клинического испытания шесть человек, получившие субстанцию, испытали на себе побочный эффект в виде массового выброса цитокинов. Испытуемые были переведены в реанимацию. Несмотря на последующее лечение, один из них остался инвалидом.

Конечно, клинические исследования первой стадии потенциально опасны сами по себе, поскольку их цель – обнаружение побочного влияния испытуемого вещества на человека. Из-за опасности клинические исследования первой стадии проводятся на добровольцах, к участию в исследованиях допускаются только здоровые люди. Для повышения безопасности таких исследований сначала проводятся испытания на животных, в данном случае на обезьянах, и только потом разрешаются испытания таких лекарств на человеке. Случай с TGN1412 показывает, как незначительные аналитические недоработки стали причиной трагедии.

Согласно заключению экспертов МНРА⁷, причиной развития заболеваний у людей, принявших участие в исследовании, стала «непредсказуемая биологическая реакция на человека», поскольку эксперименты, которые проводились на обезьянах, имели положительный результат.

Однако независимые эксперты дополняют это заключение выводами, согласно которым были основания для того, чтобы предположить возможность опасного влияния исследуемого вещества на человека. Но из-за того, что исследователи не уделили проекту достаточно внимания и времени, они не смогли оценить степень риска своего исследования.

Также имело место отсутствие важной информации в документах: не было сделано заключение о возможности неодинакового влияния вещества на животных и человека. Без этой информации исследование было разрешено.

В отношении как разработки TGN1412, так и допуска этого вещества к исследованиям с участием человека были совершены ошибки, в результате которых не все особенности действия препарата на человека были учтены. И как следствие — участники биомедицинского эксперимента серьезно пострадали.

Рут Маклин в своей статье «Об этике не-проведения научного исследования»⁸ говорит о непредсказуемости течения исследования, что делает невозможным его оценку как этического или не-этического. Таким образом, возникает дилемма: «Должно ли общество ошибаться, следуя предосторожности, или поддерживать оптимизм в отношении этичности проводимых исследований?» Безусловно, общество нуждается в медицинских исследованиях, и, следовательно, принцип предосторожности не должен приостанавливать исследовательские проекты в целом. Однако случай с Тегенеро 1412 показывает, что контроль исследовательской деятельности, в особенности исследований с участием человека, должен быть хорошо организован и документирован.

Мониторинг исследований этическими комитетами как гарантия безопасности людей, принимающих участие в исследованиях.

Сам по себе случай с испытанием TGN1412, конечно, не имеет прямого отношения к другим медицинским испытаниям, которые проходят не столь драматично. Вместе с тем этот

случай во многом показателен в том, что, несмотря на множество процедур, которые должны были гарантировать безопасность участникам исследования, трагедия все равно произошла.

Осуществляют такой контроль, помимо организаций, выдающих лицензии на подобные биомедицинские испытания, и этические комитеты. Конечно, мониторинг клинических исследований как функция этических комитетов — во многом идея спорная, и существуют сильные возражения против того, чтобы этические комитеты получали такие полномочия. Среди этих возражений низкая эффективность мониторинга, проводимого этическими комитетами, подрыв доверия исследователей к членам этических комитетов и высокие затраты, необходимые для проведения процедуры контроля. Однако и самоконтроль ученых, и контроль организации, выдающей лицензию на проведение исследования, в случае с препаратом TGN1412 оказались недостаточными.

Как правило, этические комитеты используют четыре типа мониторинга исследований⁹: ежегодный отчет, контроль за процедурой получения информированного согласия, мониторинг следования протоколу во время проведения исследований и проверка подлинности данных (подобный мониторинг проводится в тех случаях, когда данные не проверяются каким-либо иным проверяющим органом). Возможно, особое значение среди видов мониторинга имеет контроль за получением информированного согласия. Часто волонтеры и пациенты не до конца осознают риски, которым они подвергаются, участвуя в медицинских исследованиях. Члены этических комитетов могут разъяснить, насколько то или иное исследование может быть опасным, гарантируя тем самым относительную подлинность информированного согласия.

Лишь в случае гарантии полной безопасности любых исследований с участием человека, будь то клинические испытания первой фазы или забор крови в рамках рутинных процедур, выполняемых в процессе биомедицинских экспериментов, можно рассматривать участие в исследовании в качестве морального долга.

Примечания

- ¹ Declaration of Helsinki, WMA, 1964, 1975, 1983, 1989, 1996, 2004.
- ² Convention on Human Rights and Biomedicine, Council of Europe, 1997.
- ³ International Ethical Guidelines for Biomedical Research Involving Human Subjects, CIOMS, 1993.
- ⁴ *Harris J.* Scientific research is a moral duty // *Journal of Medical Ethics*. 2005. 31. P. 242–248.
- ⁵ *Ibid.* С. 248.
- ⁶ Материалы об этом исследовании можно найти в интернете по адресу: <http://www.circare.org/foia5/tgn1412.htm>
- ⁷ Medicines and Health care products Regulatory Agency, UK.
- ⁸ *Macklin R.* On the Ethics of Not Doing Scientific Research // *The Hastings Center Report*. Vol. 7. № 6. (Dec., 1977). P. 11–13.
- ⁹ *Weijer C., Shapiro S.H., Fuks A., Glass K.C., Skrukowska M.* Monitoring Clinical Research // *Ethical and regulatory aspects of clinical research*. The Loh Hopkins University Press, 2004. P. 426.

Угроза множественности и идея гуманитарной экспертизы

5. Всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни.
6. Увидев же Иисуса издалека, прибежал и поклонился Ему,
7. И, вскричав громким голосом, сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? Заклинаю Тебя Богом, не мучь меня!
8. Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из этого человека.
9. И спросил его: как тебе имя? И он сказал ему в ответ: легион имя мне, потому что нас много.

От Марка, Святое благовествование, 5:5–9

Предварительное рассуждение. Много раз цитированное, помянутое и упомянутое как различающее в некоторой общепонятности добро и зло, в моем частном понимании — против как традиционалистов, так и постмодернистов (типа Р.Барта) — более чем непонятно и неочевидно. Конечно, как частное лицо, весьма удаленное от интересов богословских и не посягающее на их особую достоверность, могу дать отчет лишь о результатах своего особенного прочтения того, что сказано всем в небольшом фрагменте библейского текста. Прочтения из особой перспективы, из среды особого опыта — опыта биоэтики.

Начало. Мать погибшего солдата требует права на клонирование сына из сохранившихся в банке крови образцов его тканей. Причем, сама хочет «его» второй раз родить. Дело благое, поскольку облегчит страдание от потери самого близкого человека. Но клонирование, если будет допущено в качестве массовой репродуктивной технологии, снимет различие между мужским и женским, которое на протяжении тысячелетий вы-

ступало основой культурной динамики, важнейшим механизмом социальной стратификации и индивидуального самосознания человека...

Больной, испытывающий нестерпимую боль, требует права на эвтаназию — права на получение помощи со стороны врача, которая заключается в его «гуманном» (быстром, комфортном и безболезненном) убийстве. Но эвтаназия, если будет допущена, преобразует убийство из преступления в разновидность медицинской помощи — разновидность рутинных социальных механизмов милосердия, разрушив тем самым еще одно из оснований культуры, основополагающий запрет «Не убий!»...

В этих, как и тысячах других случаев, работает один и тот же механизм, который в этике считается «аргументом наклонной плоскости». Для достижения, с «моей особой» точки зрения, благой цели нужно совершить небольшой шагок в сторону от того, что традиционно рассматривается в качестве моральной ценности, определяющей собственно человеческое в человеке. Но в результате этого шага, сколь бы малым он ни представлялся, человек оказывается на скользкой наклонной плоскости. Причем благодаря позволению преступить он лишает себя точки опоры, чтоб иметь возможность остановиться. Он лишает себя сопротивления совести, которое может быть неудобным для достижения желаемой благой цели. Тем более, что шагок мал... В результате начинается неуклонное скольжение вниз, по ту сторону человеческого в самом себе...

Явление это не ново. Более того, оно изначально для человеческой культуры. Библейский рассказ о грехопадении вкупе с многообразием аналогичных повествований иных древних источников — тому в свидетельство. Новейшие достижения биотехнологий инвестируют в существо человека лишь *еще одну* (из бесчисленных бывших, наличных и будущих) тенденцию «преступить себя». Еще в одном плане своего существования человек находит себя стремительно *скользящим по ту сторону человеческого в человеке*.

Подобная точка зрения на прогресс технологий формирует мощное *антисциентистское настроение в обществе*. Его альтернативой являются многочисленные варианты современного *технократизма*, установки которого не менее фундаментальны

для новоевропейской культуры. В самом деле, на прогресс технологий, трансформирующий и сущность, и формы существования человека, можно взглянуть с прямо противоположной точки зрения.

Собственно человеческое в человеке — это не некая предсуществующая сущность, выражением которой являются традиционные запреты и моральные ограничения, но именно сама тенденция к пре-ступлению любой готовой формы жизни. Тенденция к само-преобразованию, творчеству новых и новых форм человеческой сущности и существования. Т.е. *собственно человеческое в человеке — это и есть сам порыв к новому*, к открытию «мира впервые» (В.С.Библер). Собственно говоря, эпоха Нового времени, еще дрящущаяся, несмотря на глубинные преобразования, сама себя и узнает только в «новом», еще небывалом. Герои этой эпохи — первооткрыватели, изобретатели, новаторы, неважно в какой области: политике, художественном творчестве, науке, технике и т.п. «Каждое поступить, — свидетельствует Марина Цветаева, — есть преступить чей-то закон: человеческий, божеский или собственный». Из этой перспективы культурного видения становление человека иным под действием биотехнологического прогресса является наиболее аутентичным выражением его творческой самости. Тот, кто выступает против новых, более совершенных технологий преобразования человеческой сущности и форм существования, движим предрассудками, от которых человечество должно освободиться, чем раньше и радикальнее, тем лучше.

Иными словами, необходимой противоположностью анти-сциентизма является технократический прогрессизм, который увлечен рискованной *игрой в бога* — попыткой собственными силами, на основе собственного знания и по своему образу и подобию производить, выражаясь голливудским языком, наделенные *новыми*, улучшенными биологическими и психическими качествами *новые* и *новые* серии «римейков» человека. Принципиальная неконтролируемость и непредсказуемость последствий радикальных манипуляций на фундаментальном биологическом (включая геномный) уровне превращает *игру в бога* в своеобразную русскую рулетку.

Крайности антисциентизма и технократизма выражают глубоко укорененную в сознании современного человека апорию. Человек продолжает уповать на науку и технологии как на средство решения многих острейших проблем. Как на источник качественного улучшения своей жизни, расширения возможностей самореализации. Но чем больше власти он приобретает, тем опаснее становится эта власть для него самого. Как реакция на эту угрозу растет ценность всего природного, натурального, естественного, экологически чистого, традиционного и т.п.

Опасность вырастает именно из того источника, в котором новоевропейский человек черпал средства своего спасения.

Этот парадокс является специфическим, постоянно воспроизводимым *началом* острейших дискуссий относительно допустимости или недопустимости разработки тех или иных технологических новаций — *началом биоэтики, идеи гуманитарной экспертизы*, которые представляют собой особые идеологии и практики, призванные дать обоснованный ответ на угрозы современной исторической ситуации.

Начало биоэтики и проблема множественности моральных позиций. Возникновение биоэтики связано с двумя фундаментальными открытиями. Во-первых, столкнувшись с острейшими проблемами, порождаемыми научно-техническим прогрессом, ученые — врачи, биологи, экологи и т.д. — постепенно стали приходить к осознанию ограниченного характера научного разума. Возникла острая необходимость призвать на помощь экспертов в области гуманитарного знания. Не случайно, что изобретатель термина «биоэтика», американский онколог Ван Ренселлер Поттер, как раз и пытался выработать «новую мудрость», объединяющую биологическое знание и знание гуманитарное, в широком смысле — этическое. Две составные части — «био» и «этика» — в контексте целостного понятия «биоэтика» как раз и призваны были выразить отмеченную установку.

Однако целостности в классическом понимании не возникло. Сразу же было обнаружено (в этом и заключается второе открытие), что «этик» в современном мире слишком много¹. Причем по своим основаниям, оценкам ситуаций в области биомедицины и разрабатываемым рекомендациям они слиш-

ком часто занимали диаметрально противоположные позиции. Одной, единой для всех моральной перспективы в современном обществе не оказалось.

Не случайно, что предисловие к своему фундаментальному труду «Основания биоэтики» один из наиболее оригинальных и авторитетных американских философов Тристрам Энгельгардт-младший назвал «Биоэтика — существительное во множественном числе». Первое же предложение этого введения поясняет проблему: «Множественность моральных позиций — реальна. Она реальна фактически и в принципе»². Причем эта множественность особого рода — не множественность мнений, а *множественность оснований* философских, богословских, научных и иных попыток дать ответ на возникающие проблемы. Поэтому осмыслить эту множественность нужно серьезно — не как временное недоразумение, удручающее разум обстоятельство, а как важнейшее условие особого опыта мысли, который специфически структурирует поле биоэтических обсуждений.

Энгельгардт видит основание этой множественности в особенностях современной культуры. Распад христианства на конфликтующие конфессии определил отсутствие единой религиозной канонической позиции в отношении новых угроз, с которыми столкнулось человечество в сфере биомедицины. В свою очередь, «попытка создать секуляризованный эквивалент западного христианского монотеизма путем рационального раскрытия единственной моральной и метафизической перспективы понимания реальности обернулась фрагментацией мысли, политеизмом перспектив, хаосом морального многообразия, какофонией множества конкурирующих моральных повествований»³.

Множественность истолкований и направлений поиска ответов удваивается за счет метафизического разлома, который создает нерв современной исторической эпохи. Речь идет о парадоксальной экзистенциальной игре страха и надежды, конституирующей базисные структуры современной культурной идентичности — специфический ритм *экзистенциального повтора*. Науки и технологии в сознании современного человека — это одновременно защита и угроза, путь спасения и опасное скольжение по наклонной плоскости, ведущей к гибели.

Как возможно мыслить эту множественность серьезно? Можно ли разрешить исходную парадоксальность ситуации и содержательно удержать множественность в мысли? Возможно ли плодотворное инако-мыслие? Именно из настоятельной нужды разрешения этой проблемы, не только теоретической, но и практической, постепенно сформировалась биоэтика не просто как одно из направлений в этике, но как особая форма современного рационализма – рационального общения инако-мыслящих. Причем в эту сферу *инако-мыслия* традиционно ориентированное мышление «заносит» именно тогда, когда оно, сталкиваясь с биоэтическими проблемами, пытается наиболее последовательно высказать именно свою истину, научно, богословски, юридически, философски, политически, экономически или даже житейски обоснованную. Поэтому биоэтика представляет собой сферу дисциплинированной мысли, которая в особых условиях вынуждена осознавать себя иначе, чем в условиях нормальной (в смысле Т.Куна) науки или этики. Не случайно биоэтику создавали профессионалы – врачи, биологи, философы, богословы, юристы и т.д.

Биоэтика как форма философской мысли развивается в значительной степени как попытка разрешить проблему необходимости серьезно мыслить о множественности в указанном выше смысле. Посмотрим, как с этой проблемой пытается справиться уже упомянутый Тристрам Энгельгардт-младший.

«Биоэтика для друзей» и «биоэтика для посторонних» Тристрама Энгельгардта-младшего. Как возможно серьезно мыслить множественность? Энгельгардт прекрасно понимает, что с древнейших времен мысль привыкла узнавать себя именно в актах обнаружения единства в множественности, относимой к «миру по мнению»⁴. Однако он считает, что множественность для биоэтики основополагающа и не может быть снята чистым актом осмысливающего обобщения. Будучи одновременно светским философом и православным богословом (ему принадлежит фундаментальный труд «Христианская биоэтика»), Энгельгардт далек от постмодернистской моды, эпатазирующе выпячивающей идею множественности. Как верующий, он верит в единого Бога, единого Отца и Творца мироздания. Он не случайно цитирует знаменитый фрагмент из Евангелия от Марка (Марк

5:8,9)⁵ для того, чтобы ясно обозначить свою личную, глубоко традиционную позицию⁶. Но при этом, говоря о современном светском государстве, отказывает ему по уже указанным основаниям в возможности быть выразителем воли Бога в форме конкретной исторической, поэтому имманентно ограниченной идеологии. По своей природе современные сообщества политеистичны. Поэтому необходимо искать светский подход к решению проблемы множественности моральных перспектив в биоэтике. Он так пишет об основной установке своей книги: «Этот том не является апологией хаоса или даже простого разнообразия в данной области, тем более не оправдываются в нем моральные извращения или моральная пустота. Вместо этого предлагаются светские средства для разрешения проблем множественности и разнообразия, которые были поставлены постмодерном»⁷.

Для того чтобы в рамках биоэтического рассуждения сохранить место для разума и не потерять в полаганиях всеобщего содержательной множественности, Энгельгардт разбивает биоэтику как бы на две половины. Одну он называет «биоэтикой для друзей» (bioethics for friends), а другую — «биоэтикой для посторонних» (bioethics for strangers). Биоэтика для друзей — это сфера дисциплинарных исследований в рамках конкретного, идейно связанного сообщества. В нем возможно и необходимо чисто классическое движение мысли. К примеру, утилитаристы в рамках своего конкретного сообщества должны именно утилитаристски искать решения встающих в биоэтике проблем. В свою очередь сторонники кантианской деонтологии имеют то же право и даже долг — именно по-кантовски осмыслять и предлагать свои решения как всеобщие. Аналогично могут и должны поступать католики в рамках католической общины, мусульмане — в рамках мусульманской, православные — православной и т.д.

Внутри конкретного морального сообщества возможна и необходима выработка *содержательного* (всеобщего) ответа, к примеру, на вопрос, является ли клонирование человека злом или благом. То же и по всем остальным биоэтическим проблемам. Биоэтика для друзей, релевантная для конкретных моральных сообществ, содержательна. Акт установления этого содержания снимает множественность наличных истолкований в

единстве философски, богословски, научно или иным образом обоснованного знания. Множественность, существующая за счет непродуманности собственной содержательной позиции, ценностью не обладает. Не продумав собственных оснований, некоторые люди, считающие себя православными или католиками, к примеру, могут согласиться с эвтаназией или клонированием человека и тем самым породить множественность позиций внутри религиозных общин. Но это, как сказал бы Гегель, — дурная множественность, снятие которой с помощью корректного богословского или философского истолкования является благом.

Реальна и принципиальна множественность иного рода — множественность возможных обоснований, множественность конкретных моральных сообществ, множественность самих единств. Энгельгардт настаивает на том, чтобы именно эту множественность серьезно рассматривать в биоэтике, понимаемой как «биоэтика для посторонних». Первый шаг на пути к моральному сообществу «посторонних» заключается в *отказе от насильственного навязывания собственной моральной перспективы тем, кто придерживается иной позиции.*

XX век дает слишком много кровавых примеров фашистских, нацистских, коммунистических, националистических, религиозных, этнических и иных практик насильственного достижения морального единства общества. Если «мы» обладаем Истиной (неважно, какого рода), то она уже не может стать предметом политического выбора, народного волеизлияния. Она есть. И единственное, что следует делать, — заставить общество принять ее. Причем принять насильственно. Массы, публика и народ — все это сообщества индивидов, не понимающих своего блага или погрязших во всевозможных пороках. Мир катится к гибели. Его надо спасти. Промедление смерти подобно. Нужны чрезвычайные меры: комиссии, трибуналы, цензура, лагеря для тех, кто иначе мыслит суть проблем, а главное — насилие, насилие и еще раз насилие для достижения «единства». В результате — горы трупов, миллионы искалеченных судеб, а также полнейший маразм власти и претендующей на единственную истинность идеологии, от которой люди с брезгливостью отворачиваются, предоставляя ей возможность

в подходящий исторический момент рухнуть. Так было у нас в феврале 1917 г. и августе 1991 г. Так было во многих других странах. И так с неизбежностью повторится, если мысль снова трусливо отшатнется от множественности во имя насильственного насаждения единства. Поэтому американский православный философ Тристрам Энгельгардт-младший, с моей точки зрения, совершенно прав. *Отказ от насилия является условием не только физического, но и морального выживания современных сообществ.*

Иными словами, мирное сообщество различно мыслящих граждан является условием биоэтики для посторонних. Но как возможно само сообщество инако-мыслящих? Как возможна биоэтика как форма рационального мышления и действия? Вспомним, в отношении содержания осмысления биоэтических проблем единства быть не может. Содержательное моральное истолкование возникающих биоэтических проблем с неизбежностью порождает множественность ответов. Следовательно, биоэтика для посторонних должна быть бессодержательной, чисто формальной, или, как предлагает Энгельгардт, процедурной.

«Вне конкретного морального сообщества невозможно существование никаких содержательных руководств к действию, никакой содержательной биоэтики. Однако можно показать, что информированное согласие, рыночный обмен и решения ограниченных демократий могут создать структуры, обладающие моральным авторитетом. Они не произведут субстантивированных, непроцедурных правил. Например, нельзя будет заранее определить, правильно или неправильно производить эксперименты на эмбрионах. Единственное, что необходимо сделать — это выполнить адекватную процедуру: получить согласие от тех, чьи это эмбрионы, и действовать так, чтобы была минимизирована опасность нанесения ущерба будущим личностям»⁸.

Разум сохраняет для себя место в биоэтике для посторонних за счет самоограничения. Во-первых, он отказывается от претензий, навязывающих «свое» понимание всеобщего инако-мыслящим. Во-вторых, для различения добра и зла в рамках сообщества людей, мыслящих различно, он видит свою задачу в том, чтобы разработать такие формальные демократические процедуры, которые бы именно за счет своей пустоты и бессодержательности оставляли место для собственного содер-

жательного морального ответа каждого индивида, вовлеченного в ситуацию. К примеру, эти правила не могут основываться на некоторых основоположениях православия, но они должны быть такими, чтобы дать возможность и православному, и католику, и протестанту, и буддисту, и марксисту — каждому поступить в конкретной биоэтической ситуации именно в меру себя, сохранить свои особые ценности при одном единственном условии — отказе от насилия в отношении мыслящих иначе.

Тогда, когда подобные процедуры будут введены в действие, у представителей «конкретных сообществ» возникает возможность не просто для разработки содержательных истолкований проблем и для создания содержательных рекомендаций, но и для отстаивания их в открытом публичном пространстве, т.е. вне круга единомышленников, единоверцев и т.д. Внутри конкретных сообществ возможна содержательная «биоэтика для друзей». В публичном пространстве релевантна процедурная «биоэтика для посторонних». Для Энгельгардта «биоэтика для посторонних» является единственным мирным путем разрешения конфликтов в области биомедицины без насилия и обмана.

Но как при этом формируется в рамках ограниченных демократий⁹ коллективная воля, обладающая моральным авторитетом и являющаяся (по крайней мере, локально) законодателем, устанавливающим конкретные моральные правила реализации тех или иных биомедицинских технологий? Множественность, по Энгельгардту, разрешается в некоторую, *на время* стабилизированную позицию коллективной воли на «рынке» идей. В публичном пространстве происходит обмен идеями и их конкуренция за «покупателя». Идеи, отражающие в наибольшей мере интересы публики, лучше «покупаются» и становятся определяющими для формирования той или иной позиции всего общества. Благодаря конкуренции идей общество постоянно пробует те или иные моральные решения, сохраняя те, которые удовлетворяют запросам «покупателей», и отклоняя неудачные. Рынок действует как научное сообщество или биологическая эволюция, отвергая неудачные гипотезы и сохраняя удачные. Но и удачные идеи открыты постоянной критике и переутверждению. Хорошо покупаемые идеи сегодня завтра могут быть отвергнуты «покупателями» и исчезнут с рынка идей. Тем самым фор-

мирующаяся коллективная воля — решения ограниченных демократий — постоянно уточняется, настраивается на новые обстоятельства существования людей.

Однако нетрудно заметить (это замечает и сам Энгельгардт), что процедурное решение биоэтических проблем выглядит не столь уж бессодержательным. Ответы на встающие вопросы по своему виду оказываются слишком похожими на идеи англо-американского либерализма. Так, основной для Энгельгардта *принцип разрешения* (principle of permission), возникающий как естественный ответ на доминирующую в современном обществе ситуацию, апеллирует к изолированному индивиду как последнему основанию морального авторитета в обществе. «Принцип разрешения выражает главное обстоятельство: когда Бог не слышен всеми одинаково (или не слышен некоторыми вообще), и когда все не принадлежат к одному сплоченному коллективу, и когда разум не в состоянии открыть единственную каноническую, конкретную мораль, то в этой ситуации обоснование морального авторитета происходит не от Бога, не от авторитета конкретного сообщества и не от разума, но от разрешения индивидуумов. Из неслышания Бога и неудачи разума посторонние моральные субъекты встречаются друг друга как индивидуумы»¹⁰.

В этом суждении, на первый взгляд, Энгельгардт начинает противоречить сам себе. Оказывается, что бессодержательная биоэтика для посторонних покоится на вполне определенном содержании — либеральной идее индивида как источника морального авторитета. Собственно иного, если вспомнить Гегеля, ожидать не приходилось: форма в силу диалектической необходимости становится содержанием. Процедура получения согласия от индивида предполагает его присутствие и полагает как ценность общее основание для всех инакомыслящих. Человек может быть или не быть православным или католиком, но в любой ситуации он опознается именно как индивид. Множественность вновь снимается в некоторой истинной идее, в данном случае — идее англо-американского либерализма. За это Энгельгардта неоднократно критиковали американские и европейские коллеги.

Правда, осуществленное им снятие множественности в идее индивида особого рода. Для того чтобы яснее понять особенность рассуждений Энгельгардта, необходимо рассмотреть,

в чем он видит одну из ошибок Канта, этика которого в некотором смысле также имеет процедурный характер. По утверждениям Энгельгардта, Кант не видит различия между свободой как моральной ценностью и свободой как условием морали вообще. Любая содержательная ценность, включая кардинальную ценность свободы индивида, взятая как основание, предопределяет содержательный характер этической системы. Она исходно исключает из морального сообщества всех, для кого эта ценность ценности не представляет. По Канту, человек, к примеру, не имеет морального права отказаться от свободы, т.е. от самого себя. Свобода в форме идеи автономии определяет собственно человеческое в человеке. Одновременно он не признает в другом равного себе, если это «собственное» в этом другом не обнаруживает. Когда Кант утверждает, что совершеннолетним (т.е. по сути – свободным) человек становится лишь тогда, когда имеет решимость думать сам, то одновременно он отказывает этому «самому» самому решать, в чем его «самость» состоит и что означает само требование думать. Всеобщее содержание уже раскрыто Кантом. Другим попросту делать нечего – только усвоить его и уточнить в отношении бесконечных вариаций эмпирического опыта. Никакого места инако-мыслию просто нет в силу полагания всеобщности собственного содержательного истолкования и свободы, и мысли.

Поэтому свобода как ценность не может, по Энгельгардту, претендовать на решающую роль в построении этики для посторонних. Свободу в последнем случае необходимо рассматривать не как ценность, но лишь как граничное условие мирного морального сообщества. Человек свободен, в том числе свободен быть несвободным, отказаться от своей свободы или понимать саму свободу совершенно иначе. Он так разъясняет это положение: «Уважение к свободе как необходимому условию взаимного уважения индивидов и самой возможности для них пользоваться одним языком морального порицания или одобрения не зависит ни от каких конкретных ценностей или ранжирования добродетелей, но предполагает лишь заинтересованность в мирном разрешении проблем без обращения к насилию»¹¹.

Этот поворот мысли адекватно выражает одну из особенностей биоэтического мышления. Свобода как условие биоэтики для посторонних предполагает уважение к праву другого индивида самому решать, в чем эта свобода заключается. В том числе уважать решение другого отказаться, к примеру, от самостоятельного свободного выбора, положиться на мнение врача, учителя, священника, книги или другого авторитета. Если свобода рассматривается как центральная моральная ценность (как это имеет место в идее автономии у Канта), то подобный отказ следует рассматривать как морально предосудительный. Человек не свободен отказаться от себя как автономного субъекта, видя свою свободу в чем-то ином. Поэтому он не должен, к примеру, совершать самоубийства. Ведь самоубийство уничтожает свободу, которая является собственно человеческим содержанием живого индивида. Но, осуждая другого за отказ от свободы как ценности, как это имеет место в случае морального осуждения самоубийц, кантианец отрицает за ним свободу быть другим, придерживаться любых других ценностей: философских, культурных, партийных, семейных, церковных и т.д.

В биоэтике смысл свободы как *граничного условия* морального сообщества инако-мыслящих людей является определяющим. Поэтому, к примеру, когда утверждается право пациента знать правду о состоянии собственного здоровья как условие для принятия свободного решения, то одновременно подчеркивается, что он в той же степени обладает правом и не знать эту правду, а, следовательно, отказаться от таким образом понимаемой свободы в принятии решения. Полностью передоверить решение врачу. Иными словами, свободно определяющий свою моральную позицию индивид является не теоретической ценностью, а эмпирическим условием биоэтики для посторонних. Именно за счет подобного рода различения Энгельгардт пытается удержать «бессодержательность» биоэтики для посторонних, удерживающую в мысли возможность множественности моральных перспектив.

Однако даже с учетом высказанных уточнений критики Энгельгардта остаются правы. Дело в том, что противопоставление свободы как ценности и свободы как граничного условия мирного морального сообщества людей как раз и является

одной из центральных идей англо-американского либерализма, например, в интерпретации Дж. С. Милля. Первая же фраза его фундаментального труда «О свободе» практически вводит аналогичное различие. Имея в виду того же Канта, Милль пишет: «Предметом данного эссе не является так называемая Свобода Воли, к несчастью, противопоставленная неудачно названной доктрине философской Необходимости. Им является Гражданская, или Социальная свобода: природа и границы использования власти общества над индивидами». Свобода понимается как формальное право на сопротивление внешнему авторитету. Право на защиту «своего», как бы это «свое» ни понималось. Источник этого понимания свободы Милль непосредственно находит в истории борьбы граждан против попыток вторжения в их частную жизнь со стороны церкви и государственных институтов. Право быть другим для гражданина не выдумка, а результат кровавых религиозных и гражданских войн. Оно возникает, по Миллю, из чувства благоразумия людей, еще недавно желавших насильно заставить друг друга принять именно «наши», а не иные ценности. На пепелище, оставленном гражданскими и религиозными войнами, индивид оказывается единственным источником морального авторитета, права и власти.

Но и у Милля понимание свободы индивида как формальное условие гражданского мира незаметно становится содержательным. Свобода не признается за теми людьми, которые не умеют ею пользоваться. То есть различие переносится с содержательного истолкования смысла общей ценности на содержание в виде общего навыка использования демократических процедур. От знания теоретического на знание-умение. По Миллю: «Свобода как принцип неприменима к положению вещей, которое существует в обществе до того момента, пока человечество не окажется способным к самосовершенствованию путем свободных и равных обсуждений»¹². Пока подобного навыка у людей нет, вполне допустим и даже необходим, по Миллю, деспотизм как «образ правления, легитимный в отношении варваров, единственно способный исправить их природу...»¹³. За этими формулировками нетрудно увидеть либеральное оправдание колониальной политики Великобритании XIX

в. То есть принцип свободы даже в смысле граничного условия вполне легитимен лишь для этики друзей, сообщества образованных — в смысле владения навыками использования демократических процедур — граждан, но совсем не обязателен в отношении сообщества посторонних. В отношении последних вполне оправдано и даже желательно насилие, в том числе и военное. Если вспомнить современную ситуацию, то защиту «прав человека» в странах «оси зла» можно вполне осуществлять и с помощью ковровых бомбардировок, деспотично насаждая в них демократические ценности, которые для самих «варваров» ценностью не обладают. Сами «варвары» мирным путем исправить собственную природу с тем, чтобы она соответствовала ценностям либерализма, не могут. Это долг цивилизованных стран и национальных авторитарных правительств, которые ими поддерживаются (примером может служить модель ограниченной демократии алжирского типа).

Энгельгардт вполне понимает эту опасность и стремится максимально либерализовать либеральную идею, т.е. максимально расчистить основание возможностей мирного сотрудничества людей, представляющих различные культуры и традиции. В произведениях последних лет он пытается показать невозможность глобализации принципов биоэтики, выработанных западной культурой. В этом смысле он критикует декларации международных организаций (например, декларацию ЮНЕСКО) за использование универсальных принципов. С точки зрения Энгельгардта, международное мирное сотрудничество возможно лишь при условии, если *национальные индивидуальные сообщества (социальные индивидуумы)*, обладающие каждый своим собственным пониманием блага — своей собственной биоэтикой, действуют в отношении друг друга без насилия на основе принципа разрешения. Причем механизмом, обеспечивающим кооперацию и соревнование многочисленных национальных концепций блага, является уже упоминавшийся рынок идей.

Таким образом, отказ от глобализации содержательных истолкований западных вариантов биоэтики одновременно сопровождается у Энгельгардта допущением в сфере мирной конкуренции идей глобализации рыночных механизмов, призна-

ние центральной роли которых в обеспечении человеческой кооперации как раз и составляет еще одну характерную черту англо-американского либерализма. Достаточно вспомнить идеи Дж. Бентама в XIX в. или идеи Ф.А. фон Хайека в XX в. То есть и в данном случае процедурная форма с диалектической необходимостью оборачивается идейным содержанием. А следовательно, по мысли самого же Энгельгардта, уже не может быть основанием «биоэтики для посторонних». Становится, позволю себе шутку, «биоэтикой для друзей англо-американского либерализма».

Однако является ли данное обстоятельство аргументом, опровергающим идеи Энгельгардта? Мне кажется, что необходимо освободиться от предрассудков холодной войны и подойти к либеральным идеям прагматически. Любая философская или моральная идея становятся в обществе значимыми лишь тогда, когда начинают помогать людям осмыслять и разрешать проблемы, связанные с их конкретными жизненными ситуациями. Либеральная идея вполне адекватна тем современным структурам, которые реально формируются в отечественном здравоохранении.

Общие ценности «сообщества посторонних» выражаются в законодательных актах, регламентирующих производство аборт, запрет эвтаназии, нормы взаимоотношений врачей и пациентов, принципы проведения биомедицинских исследований и т.д. За каждым из них стоит содержательное истолкование ситуации, ранжирование затронутых ценностей, определение основных понятий и т.д. Причем с диалектической необходимостью формирование содержательных ответов определяет поле допустимых или недопустимых процедур, а процедурное нормирование предполагает определенное истолкование ценностного содержания. Например, введение во многие формы научной и практической медицины процедуры обязательного получения добровольного информированного согласия от пациента или испытуемого в научном эксперименте по сути означает, что в соответствующих областях социальных взаимодействий действуют либеральные ценности, основанные на идеях прав человека и предполагающие, что именно индивид является последней авторитетной инстанцией в определе-

нии «блага» для данной ситуации. Причем действие этого правила не связано с бездумным копированием чужих идей и процедур или тем более чьей-то злонамеренной «идеологической диверсией». Просто либеральные ценности и процедуры оказываются востребованными как практически полезные именно в тех областях биомедицины, характер социальных взаимодействий в которых оказывается однородным с отношениями в западном здравоохранении. Правовое оформление отношений врач-пациент, в отличие от внеправового в советской медицине, превращает их из «вертикальных» (патерналистских) отношений зависимости и подчинения в «горизонтальные» отношения граждан, равноправных в защите своих ценностей и интересов. В аналогичном направлении действуют и тенденции коммерциализации медицинской деятельности. Чем больше отношение врач-пациент будет строиться на основе «договора на обслуживание», тем более адекватной для нее будет этика контрактной модели, по Р.Витчу. Усиление значимости либеральных ценностей происходит синхронно с развитием правовых и рыночных отношений в медицинской науке и практике.

На пути к идее гуманитарной экспертизы. Идея гуманитарной экспертизы находится в процессе становления, как свидетельствуют ее разработчики: «Когда мы переходим к характеристике гуманитарной экспертизы, то оказываемся в ситуации значительной неопределенности»¹⁴. Эта неопределенность, с моей точки зрения, имеет необходимый характер. Она обусловлена, с одной стороны, богатством заключенных в данной идее возможностей, а с другой — недостаточной сформированностью гуманитарной экспертизы как практики. Задачей предлагаемой вниманию читателя статьи является попытка осмыслить некоторые философские основания идеи гуманитарной экспертизы и предложить, исходя из полученного основания, набросок ее возможной идеологии.

Что в современной исторической ситуации делает идею гуманитарной экспертизы актуальной? Справедливо отмечают уже процитированные авторы: «Пока мир не вышел на рубежи глобального взаимодействия людей, пока эксперименты с человеческим телом, мозгом, поведением не стали угрожать самому существованию человеческого рода, пока наука представ-

лялась независимой от субъекта и свободной от нравственных ценностей, для гуманитарной экспертизы место оставалось в довольно ограниченных сферах. Но на переломе XX и XXI вв. эти сферы срастаются в нечто столь грандиозное, что человечество рискует окончательно потерять контроль над последствиями своей деятельности»¹⁵.

Вдумаемся в это интересное рассуждение. Что стоит за тезисом о глобальности взаимодействия людей? Во-первых, это новая ситуация экономической и культурной связанности человечества, активно развивающиеся структуры отношений, которые строятся как бы поверх национальных границ, размывающая национальные особенности, обусловленные различиями местных традиций. *Результатом этой тенденции является формирование общих для всего человечества структур жизненного мира.* Они включают общие эстетические (телевидение, кинематограф, музыка, архитектура, литература и др.), морально-политические (международное право, международные системы моральной нормативности), экономические (региональные и всемирные), научные, информационные, коммуникационные и жизненно-практические компоненты — общность технологий удовлетворения базисных потребностей человека: в одежде, еде, транспорте, бытовых и т.п. Тем самым происходит формирование некоторой обобщенной идеи «человека», значительно более универсальной и эффективной, чем существовавшие в предшествующие эпохи, но потерявшей национальные особенности. Реакцией на эту тенденцию является столь же глобальная политика антиглобализма, пытающегося сохранить барьеры национальных особенностей, укрепить или возродить традиционные моральные ценности, формы быта, народного искусства и т.д. *Глобальный конфликт глобализма и антиглобализма формирует внутреннее напряжение многих национальных и международных инициатив в политике, экономике, образовании, здравоохранении и т.д.*

Второй аспект глобализации связан с новым пониманием человеческого действия. Начиная с Аристотеля, действие человека трактовалось как локальное, ограниченное рамками непосредственных последствий. Столь же локальна была и ответственность за совершенное или не совершенное деяние.

Традиционную точку зрения выражает академик А.А.Гусейнов. Говоря о специфике этических проблем, он пишет: «Здесь есть, однако, один специфический момент, в силу которого этическая проблема и именно потому, что она этическая, не может приобрести статус вечной — постоянно разрешаемой и никогда не разрешимой — проблемы. Открытость, принципиальная антитетичность выводов, вполне терпимая и, может быть, даже желательная в гносеологии, оказывается недопустимой и просто невозможной в этике, поскольку здесь, как установил еще Аристотель, целью является “не познание, а поступки”. Поступки же требуют определенности, однозначности»¹⁶.

Но определенность и однозначность возможны лишь при понимании самого поступка как ограниченного конкретными, ближайшими последствиями. Экологическая этика поставила вопрос о необходимости мыслить о последствиях человеческих действий «глобально», учитывать отдаленные, трудно предсказуемые эффекты. Эта установка становится доминирующей для современного мышления в целом. Поэтому гуманитарная экспертиза предполагает новое понимание моральной ответственности. Ее начинает беспокоить контроль человечества над последствиями деятельности в глобальном масштабе. Дело в том, что сохранение рационального контроля над конкретными действиями, которое ориентировано только на ближайшие последствия, не гарантирует спасения от отдаленных негативных эффектов.

В свое время на это обстоятельство обращал внимание американский (до 1934 г. — немецкий) философ Ганс Йонас. Характеризуя классический подход к этическим проблемам техники, он подчеркивал, что «традиционная идея *техне* ... является этически нейтральной и в отношении объекта, и в отношении субъекта действия». Взрывы ядерных бомб уничтожили миф моральной нейтральности науки. Одновременно в традиционной этике «само моральное действие сводилось к непосредственному взаимодействию одного человека на другого человека». В современной ситуации природа, жизнь, окружающая человека и являющаяся условием его собственного существования, благодаря развитию экологического движения приобретают статус моральных ценностей. При этом классическая моральная философия предполагала, что «в контексте

совершаемого действия в конкретном домене реальности сущность человека и базисные условия его существования рассматриваются как константные по природе вещей и не преобразуются за счет внедрения технологий». Однако современные технологии начинают радикально трансформировать не только условия существования человека, но и его сущность. Возникает проблема кризиса самоидентичности человека. И, наконец, четвертая метафизическая черта традиционной этики заключается в том, что «добро и зло, по поводу которых реализует себя моральная забота, связаны либо с самим действием, либо с его ближайшими последствиями и никогда не становятся предметом отдаленного планирования»¹⁷. В новых условиях необходима иная этика, иное понимание ответственности, которое Йонас сформулировал в виде особого «императива ответственности»: «Действуй так, чтобы результат твоего действия обеспечивал непрерывность человеческой жизни»¹⁸. Как нетрудно заметить, Йонас фактически сформулировал в начале 1960-х гг. те идейные предпосылки, из которых сейчас вырастает идея гуманитарной экспертизы. Но должно было пройти время, чтобы его мысли оказались востребованы в новой исторической ситуации начала третьего тысячелетия.

Ответственность в современную эпоху и содержательный ответ на вызовы современной ситуации должны учитывать: а) моральную нагруженность современных технологий; б) понимание того, что технологии способны трансформировать сущность и формы существования человека; в) необходимость включения в предмет моральной заботы, помимо личности человека, его жизнь, представляющую частицу природной жизни как глобального целого; г) необходимость осмысленного учета отдаленных последствий действий человека. Забегая вперед, отмечу, что последний аспект получает особо оригинальную и интересную разработку в гуманитарной экспертизе в связи с использованием «принципа опережающего реагирования»¹⁹.

Эти связанные с идеями Г.Йонаса аспекты должны быть дополнены одним весьма существенным уточнением, которое качественно отличает стратегию гуманитарной экспертизы от подхода американского автора. Дело в том, что Йонас полагал, что возможно надежное стратегическое научное прогнозирование

вание последствий тех или иных действий и их однозначная моральная оценка. То есть, несмотря на расширение круга последствий, определяющих ответственность человека, они оставались для него достаточно определенными в двух планах: а) в плане возможности их точного научного описания и предсказания, а также б) в плане возможности их однозначной моральной оценки.

В современной ситуации идея ответственности должна работать в условиях принципиальной непредсказуемости отдаленных и не очень отдаленных последствий. Достаточно напомнить о конфликте между различными группами ученых относительно оценки рисков генетически модифицированных продуктов. Одновременно множественность дескриптивных научных представлений возможных рисков дополняется множественностью их моральной оценки. С этим обстоятельством столкнулась в свое время биоэтика, и характер ответа на вызов множественности представлен выше со ссылкой на работы Тр. Энгельгардта-младшего. Но не только теоретическое обоснование серьезного отношения к множественности представлено в биоэтике, но и чисто практическое.

Практика гуманитарной экспертизы, развивая прагматику биоэтики, усваивает прежде всего идею этических комитетов. 9 ноября 1962 г. в журнале «Лайф» опубликована статья журналистки Шаны Александр (Shana Alexander) «Они решают, кому жить, кому умирать». Статья была посвящена важному и неординарному событию, с которого, по мнению некоторых философов, начинается история биоэтики. В 1961 г. д-р Белдинг Скрайбер (Belding Scriber, Сиетл, США) создал эффективно работающий аппарат искусственной почки. Метод хронического гемодиализа значительно продлил жизнь больных с почечной недостаточностью. Однако на начальной стадии применения этого метода существовал острый дефицит аппаратов. Для принятия решения, кому предоставить возможность выжить, а кого этой возможности лишить, был создан в клинике г. Сиетла первый этический комитет. Комитет включал группу граждан, среди которых было лишь несколько врачей. Цель комитета заключалась в выработке конкретных правил отбора пациентов для гемодиализа. Впервые в истории науки и меди-

цины врачи осознали ограниченность собственных возможностей в различении добра и зла. Они призвали на помощь священников, юристов, философов и представителей общности (lay people). Более того, они ясно осознали, что распределение дефицитной помощи — это не только техническая процедура, но и решение моральной проблемы справедливости, что ее неверное решение может привести к созданию новой (в сравнении с расовой и гендерной) политики дискриминации людей. Несмотря на то, что принципы, разработанные комитетом, в дальнейшем неоднократно подвергались критике, сама модель комитета как практического ответа на ситуацию принятия решений в условиях реальной множественности моральных оценок оказалась жизнеспособной.

3 декабря 1967 г. южноафриканский хирург Кристиан Бернард первым в мире пересадил сердце от одного человека другому. Он спас жизнь неизлечимому больному, изъяв бьющееся сердце у женщины, мозг которой был необратимо поврежден в результате автомобильной катастрофы. Но действие Бернарда вызвало неоднозначную реакцию: одна часть мировой общественности восприняла сообщение об успешной пересадке сердца как триумф науки, а другая — как информацию о недопустимом убийстве одного человека (у донора еще билось сердце) во имя спасения другого. Так вот, для того, чтобы разрешить эту сложнейшую моральную и антропологическую проблему, жив или мертв человек с бьющимся сердцем, но погибшем мозгом, в 1968 г. в Гарвардской медицинской школе был создан этический комитет по образцу комитета, работавшего в Сиетле. Его создателем стал влиятельнейший американский анестезиолог Генри Бичер. В состав комитета входили помимо врачей юристы, богословы, философы. В результате деятельности комитета был разработан так называемый «гарвардский критерий смерти мозга», который до настоящего времени определяет важнейшую антропологическую границу между жизнью и смертью. В условиях множественности моральных перспектив наиболее оптимальной формой принятия решений становится мультидисциплинарное обсуждение проблем и поиск согласованных решений. Следующей вехой развития идеи этического комитета как способа разрешения острейших проблем технологичес-

кого прогресса в условиях неустранимой множественности моральных позиций стала работа «Национальной комиссии по защите человеческих субъектов в биомедицинских и поведенческих исследованиях» при Конгрессе США («National Commission for Protection of Human Subjects of Biomedical and Behavioral Research»). Она была построена аналогично комитету Бичера, проработала с 1974 по 1978 г. и создала систему морально обоснованных правил проведения научных исследований на человеке, которая с небольшими изменениями адаптирована многими национальными и международными стандартами в данной области. Ее принципы работают и в российском законодательстве.

К настоящему времени этические комитеты превратились в сложно организованный социальный институт. Они существуют при а) многих научных и учебных институтах, а также медицинских центрах; б) профессиональных медицинских и биологических организациях, национальных и международных; в) фармацевтических и биотехнологических компаниях; г) государственных организациях: академиях, министерствах, правительствах, президентских администрациях; д) международных организациях: ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы и др.

Позволю себе дать истолкование смысла комитета как некоторой идеи решения проблемы множественности, которая практически полностью заимствуется идеей гуманитарной экспертизы. Прежде всего необходимо понять возможность и необходимость множественности моральных позиций в подходе к оценке последствий технологического прогресса. Эта множественность не является субъективным следствием «эклектики» мышления или неумения моральной философии дать конкретное всеобщее истолкование идеи блага. Проблема только в том, что есть много возможностей философского или богословского истолкования идеи блага.

В философии, социологии и психологии науки растет число исследований, доказывающих, что характер мышления и приверженность определенным ценностным ориентациям обусловлены не столько слабостью мысли, сколько объективными факторами, связанными с языком, гендером, традициями, социальным и экономическим положением, различными

видами коллективного и индивидуального бессознательного, политическими предпочтениями и т.д. Ликвидировать эти различия не только невозможно, но и неверно по существу. Идея прав человека, которая кажется ревнителям традиций «пустой», «формальной» и «бессодержательной», как раз и призвана сохранить и защитить множественность, а следовательно, сложность и богатство морального мира от вырождения.

В этом контексте должно быть ясно парадоксальное требование: важнейшим шагом на пути к некоторому общему решению в отношении сложнейших проблем, порождаемых научно-техническим и социальным прогрессом, является не сглаживание и игнорирование, а обнаружение различий и предоставление им возможности адекватно выразить свое содержание. Без выявления различий интересов и ценностей нельзя строить процедуры их согласования путем обсуждений. В нашей стране широко распространено недоверие к «говорильне» демократических обсуждений. «Люди дела» во власти, бизнесе, науке, здравоохранении и других областях общества видят в дискуссиях пустую растрату времени. Надо действовать, а не болтать. Но действие, не учитывающее сложности интересов и ценностей в обществе, ничем кроме как насилием быть не может. *В идее этического комитета как раз и предположена необходимость обсуждения различий и поиска согласованных решений.*

Гуманитарная экспертиза заимствует эту биоэтическую идею и радикализирует ее в двух направлениях. Во-первых, она расширяет сферу экспертизы далеко за рамки биомедицины. С моей точки зрения, многие политические, экономические, педагогические и иные проекты требуют комплексной гуманитарной экспертизы. Во-вторых, гуманитарная экспертиза в большей степени учитывает сложность моральных и антропологических проблем, порождаемых научным и социальным прогрессом. Обычно практика этических комитетов ограничена принятием конкретных решений, нормирующих реализацию тех или иных инноваций. Это важный элемент экспертной деятельности, который гуманитарная экспертиза не упускает. На основе выявляемой сложности и проблем, и самих моральных сообществ граждане используют легитимные механизмы фор-

мирования коллективной воли для принятия конкретного морально обоснованного решения в форме закона, декларации принципов, административных норм и т.д.

Но принятие конкретного решения не снимает самой проблемности. Несмотря на десятилетия обсуждений таких проблем, как эвтаназия, клонирование человека, аборт и т.п., они не становятся проще или понятнее. Не снимают их и принятые решения в виде мораториев, запретов или правовых регламентаций. Вновь и вновь приходится к ним возвращаться, поскольку меняется представление человека о самом себе и смысле этих проблем. Проблемы связывают индивидов и сообщества, не посягая на их особенности, не навязывая искусственного единства, серьезно удерживая и сберегая множественность. Идея гуманитарной экспертизы как длящегося мониторинга проблем, принятых решений и отслеживания отдаленных последствий как раз и учитывает данное обстоятельство.

Таким образом, ответом на фундаментальные проблемы является не только конкретное решение, но и саморазвитие общества, сохранение и обогащение в нем зоны открытости фундаментальным проблемам современности. За счет этого общество находится в состоянии нравственного бодрствования, не впадает в спячку иллюзорного идейного единства.

В каком-то смысле в идеологии гуманитарной экспертизы меняется сама идея «решения» проблемы. Оно заключается не в фальсификации одних моральных установок в пользу других и не в снятии их всех в некотором диалектическом синтезе на гегелевский манер. *Решение заключается в сложном движении мысли. Во-первых, в прояснении всей глубины и парадоксальности встающих проблем за счет мультидисциплинарного обсуждения. Во-вторых, в поиске таких идейно нейтральных «развязок», которые давали бы возможность каждому индивиду, оказавшемуся в ситуации выбора, поступить так или иначе именно в силу своих особых этических предпочтений. И, наконец, в сохранении и постоянном углублении самой проблемности.* Последнее обстоятельство существенно важно в ситуации неопределенности и непредсказуемости последствий многих социальных и научно-технических инноваций.

Возвращение вопросу. Чтобы внять сказанному в Писании, еще раз процитирую главное: «8. Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из этого человека. 9. И спросил его: как тебе имя? И он сказал ему в ответ: легион имя мне, потому что нас много (От Марка, 5:5–9)». Истина ближе к буквальности. А буквально сказано следующее: Иисус обращается к «нечистому духу» как одному. Он не спрашивает толпу бесов: «Как ваше имя?», — но лишь одного. И отвечает на вопрос не хор множества бесов, но опять же один. Иными словами, и «нечистый» причастен единству. Значит, проблема в характере единства. Более того, множество само по себе также не может претендовать на признак, квалифицирующий «нечистоту». Достаточно вспомнить о сонме ангелов, троичности Бога, да и божественном завете человеку: «Плодитесь и размножайтесь». То есть и множественность может быть «чистой». *Тогда в чем дело? Ответ на поверхности: дело во множественности, имя которой «легион». То есть военное подразделение. «Нечистота» во множественности обезличенных, связанных формальным «единоначалием» единиц.*

В пифагорейской традиции существовало различие между сущей единицей как элементом ряда и сверх-сущей единицей, которая придает единство двум элементам, делая их двойцей, три — тройцей, четыре — четверицей и т.д. Дурная множественность возникает тогда, когда на место сверх-сущей единицы претендует единица сущая. Тогда тройца рассыпается на три обезличенные единицы, четверица — на четыре, десятирица — на десять и т.д. *Когда некая идеология рассматривает себя в качестве меры единства и насильственно пытается навязать эту меру другим, вот тогда мы и имеем дело с «нечистым духом» — множественностью, единственной скрепой которой является автомат Калашникова.*

Примечания

- ¹ Да и сама наука оказалась не столь единой, разобщенной в понимании эволюционных основ жизни, а также принципиально важных для медицины понятий «норма» и «патология».
- ² Engelhardt H. Tr., Jr. The Foundations of Bioethics. 2nd ed. N. Y., 1996. P. 3.
- ³ Ibid. P. 5.
- ⁴ Ibid.

- ⁵ «8. Ибо *Иисус* сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека.
⁹ И спросил: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много».
- ⁶ *Engelhardt H.Tr., Jr. The Foundations of Bioethics. P. 10.*
⁷ *Ibid.*
⁸ *Ibid. P. 14.*
⁹ Термин «ограниченная демократия» имеет два смысла: а) это демократия, при которой некоторые элементы либо отсутствуют, либо присутствуют в ограниченном виде (например, в России резко ограничена свобода средств массовой информации при наличии других признаков демократического правления); б) демократия, ограниченная рамками конкретного исторического сообщества, не переносящая свои принципы на человечество в целом.
- ¹⁰ *Engelhardt H.Tr., Jr. The Foundations of Bioethics. P. xi.*
¹¹ *Ibid. P. 106.*
¹² *Mill J.St. The Philosophy of John Stuart Mill. N. Y., 1961. P. 198.*
¹³ *Ibid.*
¹⁴ *Юдин Б.Г., Луков Вал. А. Гуманитарная экспертиза. К обоснованию исследовательского проекта. М., 2006. С. 15.*
¹⁵ Там же. С. 3.
¹⁶ *Гусейнов А.А. Обоснование морали как проблема // Мораль и рациональность. М., 2005. С. 48.*
¹⁷ *Jonas H. The imperative of Responsibility: in search of an Ethics for Technological Age. Chicago, 1984. P. 4.*
¹⁸ *Ibid. P. 11.*
¹⁹ *Юдин Б.Г., Луков Вал. А. Указ. соч. С. 23–27.*

**Опыт гуманитарной экспертизы социологического
исследования поведения подростков
(материалы Круглого стола)***

В материалах представлены дискуссия и итоги гуманитарно-этической экспертизы проекта НМЦ «ДАР» «Социологический мониторинг поведения подростков, связанного с риском заражения ВИЧ/СПИД», проведенной на базе сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН.

В процедуре гуманитарной экспертизы участвовали:
со стороны экспертной комиссии:

Юдин Борис Григорьевич (председатель) – чл.-корр. РАН, доктор философских наук, зав. отделом комплексных проблем изучения человека РАН;

Тищенко Павел Дмитриевич – доктор философских наук, зав. сектором ИФ РАН;

Ашмарин Игорь Иванович – кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник ИФ РАН;

Степанова Галина Борисовна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник ИФ РАН;

Юдина Елена Григорьевна – кандидат психологических наук, зав. лабораторией Московского городского психолого-педагогического университета;

Кузнецова Светлана Николаевна – социальный педагог, специалист-валеолог;

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 06-06-80340а.

Калюкина Ирина Васильевна – зам. директора школы № 335 по социальной защите детей, учитель биологии;

Смей Людмила Григорьевна – представитель родителей.

Со стороны разработчиков проекта:

Чечельницкая Серафима Моисеевна – доктор медицинских наук, директор НМЦ «ДАР»;

Михеева Анастасия Анатольевна – кандидат психологических наук, зам. директора НМЦ «ДАР»;

Орленко Светлана Анатольевна – психолог (проводила групповые интервью с подростками);

Розанова Галина Владимировна – зам. директора НМЦ «ДАР».

Юдин Б.Г. В стране это, пожалуй, первый опыт гуманитарно-этической экспертизы исследовательского проекта, который не относится непосредственно к сфере биомедицины. Там, где речь идет об исследованиях новых препаратов, такая деятельность более или менее оформилась. Особенно это касается западных стран, где фармацевтические фирмы спонсируют экспертизы, а сама процедура определена и законодательно закреплена. В ряде стран мира существует этическая экспертиза не только биомедицинских, но и других исследований, которые проводятся с участием человека в качестве испытуемого, в частности психологических, социологических и т.п. Таким образом защищаются права и интересы испытуемых. Речь идет о том, что исследования с участием человека практически всегда связаны с определенными рисками. Очень важно, чтобы здесь соблюдалось два условия. Во-первых, минимизировать риски, а во-вторых, соизмерить их с выгодой, пользой, которые могут принести результаты исследований. В процессе проведения этической экспертизы этот момент имеет решающее значение – соотношение риска и пользы. В биомедицинских исследованиях, например, нового препарата возможен риск для физического здоровья, а в случае социологического исследования риск носит скорее психологический характер. Это может повлечь дискомфорт для испытуемого вплоть до стресса, а некоторые вопросы могут показаться шокирующими. Этическая экспертиза связана в первую очередь с защитой прав и интересов испытуемых. Поэтому появилось даже такое условие: коль скоро проводится научное исследование с участием человека, то оно

должно быть состоятельным. Иначе непонятно, какой смысл подвергать риску людей, если достоверность и значимость результатов ставится под сомнение. А сейчас я предлагаю Степановой Г.Б. сделать сообщение о сути представленного для экспертизы исследования.

Степанова Г.Б. В связи с распространением среди подростков социальнообусловленных заболеваний, таких как ВИЧ/СПИД, ИППП, наркомания, разработана программа и методика социологического исследования поведенческих рисков и социальных установок детей в возрасте 14–17 лет. Одной из целей данного исследования является создание эффективной профилактической программы для общеобразовательных учреждений. Актуальность такого рода исследования и программы определяется тем, что в последние годы выросло число заболеваний, передающихся половым путем, в том числе ВИЧ/СПИД.

В такой ситуации становится все более необходимой разработка программ, направленных на формирование у подростков социальных установок на здоровый образ жизни. Для этого необходимо выяснить уровень осведомленности подростков по вопросам ВИЧ/СПИДа, для чего будет проведено анкетирование.

Предлагаемая анкета содержит 11 разделов:

1. Общие характеристики выборки.
2. Сексуальный анамнез и практика использования презервативов.
3. Представление об ИППП.
4. Представление о ВИЧ/СПИДе.
5. Представление о презервативах и отношении к их использованию.
6. Представления о риске заражения ВИЧ и отношении к способам его минимизации.
7. Употребление наркотических веществ, отношение к их потреблению.
8. Отношение к охранительному поведению.
9. Отношение к рискованному поведению.
10. Жизненные навыки, необходимые для минимизации риска заражения ВИЧ.
11. Источники информации.

Исследование будет проведено с помощью социологического опроса на улице подростков 14–17 лет. Опрос будут проводить волонтеры примерно такого же возраста, как и испытуемые, для установления доверительного контакта между интервьюером и интервьюируемым. Анкета анонимная, в каждом вопросе есть вариант ответа «ответа не получено», то есть подросток может не отвечать на определенные вопросы.

Хотелось бы подчеркнуть, что инициатива проведения гуманитарно-этической экспертизы исходит от разработчиков. Очень важно то, что авторы проекта осознают возможные отрицательные последствия для подростков, несовершеннолетних проведения такого рода опроса. В связи с этим они провели пилотажный опрос школьников того же возраста с целью апробации анкеты на понимание и корректность вопросов, их эмоциональную нагрузку. Некоторые из вопросов на основании пилотажа были скорректированы, изменена последовательность разделов. Кроме того, был осуществлен опрос родителей с целью выяснения их отношения к такого рода исследованию в целом и конкретно по вопросам, которые могут вызывать дискомфорт и эмоциональную напряженность. Таким образом, у нас сформирована сфера нашей экспертной деятельности, представлена сама анкета и основные материалы, необходимые для проведения гуманитарно-этической экспертизы.

Тищенко П.Д. У меня такой вопрос для уточнения. Если речь идет о профилактике, то как вы мыслите связь между результатами этого исследования и возможными профилактическими мерами?

Чечельницкая С.М. Это связано с тем, что в настоящее время профилактические программы, которые внедряются в стране, направлены на формирование так называемых «жизненных навыков», которые свелись к умению сказать «нет». Результаты многих исследований показывают, что подростки часто и спокойно могут сказать «нет». Вопрос, про что сказать. В быту они умеют отстаивать свое право, например, не заниматься, не выполнять домашние задания, не ходить на какие-то мероприятия. А те формы поведения, о которых мы говорим, не являются для них поводом сказать «нет». Поэтому вопрос стоял шире: изучить другие жизненные навыки, которые считаются

более или менее актуальными для решения проблемы поведенческих рисков. Например, насколько сформирован навык осознания социального влияния. То есть, кто оказывает на них влияние, какое, ради чего. Или навык обращения за информацией и критичность в осознании информации, которой очень много, в том числе и негативной. Целый ряд жизненных навыков, которые мало изучались до сих пор. Для того, чтобы ввести эти темы в профилактические программы, мы должны понимать, насколько эти навыки объективно сформированы. Второй вопрос: поскольку наше поведение регулируется в основном установками, то о его компонентах не достаточно только знать. Мы должны изучить, какие элементы установки не срабатывают, поскольку известно, что информированы подростки достаточно хорошо. Основная масса знает, но это знание не становится представлением и не приводит к отношению. А несформированность отношения к той или иной информации отражается на реальном поведении. Таким образом, мы пришли к выводу, что надо меньше уповать на чистую информацию, а в большей степени – на отношение к ней и выработку стратегий поведения. Анкета и строилась, исходя из этой логики.

Тищенко П.Д. На решение каких задач направлена анкета?

Чечельницкая С.М. Анкета направлена на решение двух задач. С одной стороны, это рекомендации по выбору или уточнению профилактической программы. А, с другой, результаты отслеживания поведенческих практик станут основой мониторинга поведения подростков в этой сфере: когда начинают половую жизнь, используют ли презервативы и т.п. Репрезентативная выборка – подростки Юго-Восточного округа. Работа будет проводиться два года. Через два года мы должны зафиксировать изменение поведенческих практик. Это то направление, которое касается поведения. Что касается формирования представлений об ИППП, мы должны понять, в каком объеме нам необходимо давать информацию на занятиях, посвященных этим инфекциям. То есть, давать ли базовую информацию или, если базовая уже имеется, то акцент нужно делать на формировании отношения. А это уже работает на профилактическую программу.

Юдин Б.Г. Какие занятия имеются в виду?

Чечельницкая С.М. В рамках проекта сформирована городская экспериментальная программа – 12 школ ЮВАО. Эти школы будут работать по общему протоколу. В этих школах будут проводиться занятия по профилактике наркомании, ВИЧ, ИППП и формированию здорового образа жизни.

Юдин Б.Г. Есть ли уже какая-то отработанная схема, процедура, определенное количество часов и т.п.?

Чечельницкая С.М. Есть отработанная схема, но при этом у администрации есть возможность выбора. Есть вариант интеграции в программу базисных вопросов, есть вариант проведения модульных занятий, есть – селективных (когда ребенок сам выбирает темы).

Михеева А.А. Кроме того, можно совмещать классные часы и тренинги. Есть базовые часы, есть примерный план, который заполняется в том числе и нашими темами, а также осуществляется тренинговая поддержка.

Ашмарин И.И. Многие вопросы анкеты носят щекотливый характер. Какое предварительное исследование вероятности того, что ребята будут на них отвечать, вы проводили? И второй вопрос: как исследовалась возможность, оценивался риск спровоцировать подростков на раннее начало половой жизни?

Чечельницкая С.М. Здесь есть два варианта ответа. Во-первых, проводилась апробация в процессе группового интервью с подростками, которым предлагалось ответить на эти же вопросы и выразить к ним свое отношение.

Орленко С.А. Действительно, выходя к подросткам с подобными щекотливыми вопросами, надо быть готовым к тому, что встретишь отвержение либо сопротивление в любых формах. Однако именно эти вопросы, касающиеся сексуальной практики, даже не столько ВИЧ/СПИДа, вызвали самый большой интерес и самое большое возбуждение подростков. И в конце каждого группового интервью как отдельными группами, так и целыми классами было высказано большое удовлетворение и четырнадцати-, и пятнадцати-, и шестнадцати-, и семнадцати-летними ребятами. Можно отметить их особую заинтересованность именно в подобных занятиях и беседах. Конечно, если задаешь сразу в лоб такие щекотливые вопросы, ребята смуща-

ются, наблюдается очень сильная реакция. Учитывая просьбы ребят о том, чтобы в начало анкеты были поставлены вопросы об инфекциях, передающихся половым путем, ВИЧ/СПИДе, а уже потом задавались щекотливые вопросы, мы переформировали порядок расположения блоков в анкете. После этого, когда еще раз провели опрос, все было просто замечательно. Дети сказали, что совершенно спокойно эти вопросы можно задавать на улице, более того, их радует то, что опрос будет проводить не взрослый человек, а волонтер примерно их возраста. Их успокаивает то, что они имеют полное право отказаться от ответов на любой вопрос. Это создает атмосферу безопасности в процессе опроса, которая позволяет им отвечать достаточно искренне и честно.

Юдин Б.Г. А были такие случаи отказов? И как часто?

Орленко С.А. Да, были единичные случаи. Я считаю, что отказы были связаны с тем, что интервью проходило в группе.

Юдина Е.Г. Насколько я поняла, ваш пилотаж не включал в себя непосредственно ответы на вопросы, а касался оценки опросника. Это немного другая ситуация. То есть подростки, с которыми было проведено интервью, участвовали в обследовании в качестве экспертов?

Орленко С.А. Дело в том, что если вначале, первые десять, пятнадцать минут они говорят о своем мнении, как бы ответил их друг, сверстник, то через некоторое время ребята начинают говорить о своем личном.

Михеева А.А. НМЦ «ДАР» проводит достаточно большое количество аналогичных исследований, и мы сталкиваемся с возможными вариантами ответов. Нас больше интересовала проблема, насколько корректно задан вопрос, насколько он понятим респондентом данного возраста. Однако речь шла и о прояснении вариантов ответов с тем, чтобы мы что-нибудь не забыли. Или, особенно в случае, когда дело касается психоактивных веществ, чтобы нам было понятнее, чтобы мы говорили на одном языке. Да, действительно, были случаи отказов от ответов на такого рода вопросы. Большой плюс состоит в том, что волонтер в вводной части сразу объявляет права респондента на отказ от ответа, на ответ «не знаю» и т.п. В этом смысле достаточно быстро создается безопасная ситуация.

Орленко С.А. Я бы хотела еще дать разъяснения. Если мы первые два этапа проводили, выясняя экспертное мнение, то в последнем сделали реальный опрос. Нам было важно понять, удовлетворяет или нет этот порядок, создает ли атмосферу безопасности. Совершенно спокойно отвечали, ни один не отказался. Причем эти дети меня не знали.

Ашмарин И.И. Я все-таки хотел бы получить ответ на мой второй вопрос по поводу провоцирования раннего начала половой жизни.

Чечельницкая С.М. Мы уточняли анкету в том числе по данным предварительных исследований, в которых проводились аналогичные опросы с участием школьников. Правда, не всех, а тех школьников, которые социальным педагогом отнесены к группе риска. По результатам обработки анкет получилось мало пропущенных вопросов.

Юдина Е.Г. Поясните, пожалуйста, что за группа риска.

Чечельницкая С.М. Это была группа риска, включающая безнадзорных детей. Отвечаю на вопрос И.И.Ашмарина. По нашим данным, около 60% школьников, я это подчеркиваю, из группы риска безнадзорных детей имели половой контакт.

Ашмарин И.И. Но ведь остается 40%?

Чечельницкая С.М. Мы надеемся, что возможной провокации удастся избежать, если в случае получения отрицательного ответа на вопрос: «Вы живете половой жизнью?» — интервьюер сразу переходит к другому блоку вопросов. В анкете предусмотрены переходы. Больше на эту тему не задается ни одного вопроса.

Орленко С.А. В среде пятнадцатилетних ребят, окончивших 9-й класс, а это был целый класс, 25 человек, один мальчик спросил: «Как же вы можете задавать такой вопрос пятнадцатилетним детям, вопрос о постоянных половых партнерах?». Он был реально возмущен, т.е. протест был. Однако, когда ему разъяснили, что при первом отрицательном ответе других вопросов на эту тему задано не будет, он успокоился.

Степанова Г.Б. Существует ли какая-нибудь дифференциация вопросов для четырнадцати- и семнадцатилетних? Это все-таки разный возраст. И если для 14-летних детей из группы риска такое раннее вступление в сексуальные отношения доста-

точно распространено, то для обычных детей — не думаю. Что касается волонтеров: мальчики будут задавать вопросы мальчикам, а девочки — девочкам?

Чечельницкая С.М. Среди волонтеров 50% мальчики, а 50% — девочки.

Юдина Е.Г. Я хотела бы вернуть разговор в общий контекст. Вы упомянули о том, что в анкете заложены две процедуры, т.е. ожидается два результата, на которые она работает. Меня сейчас интересует второй результат, на который как раз работает тот блок вопросов, вызывающих наибольшие сомнения. Это мониторинг. Что меня смущает? Смущает отсутствие конкретной задачи. Если этот блок вопросов относительно сексуальных контактов работает на мониторинг, т.е. на получение информации о поведенческих моделях, то вопрос — «зачем»? Понятно, что мы работаем в очень рискованной сфере, вторгаемся в интимную сферу подростков, в личное, приватное пространство. Встает вопрос о соразмерности целей и средств исследования, о чем говорил Борис Григорьевич. Какую задачу мы решаем, так сильно рискуя? Вроде на профилактические программы этот опрос не работает.

Чечельницкая С.М. Должен работать, точнее, так мы планируем. Это можно обозначить как ВВП — «верность, воздержание, презервативы». Мы планируем, во всяком случае мы на это надеемся, что, если наша программа будет работать, нам удастся достичь повышения возраста начала половой жизни, ограничения случайных сексуальных связей, т.е. хотя бы перехода к ориентации подростков на постоянных партнеров, и не на трех, а на одного. Сейчас количество постоянных партнеров у них доходит до трех, а то и до пяти. И, наконец, использование презервативов. Таким образом, вопросы, представленные в поведенческом блоке, были направлены на прояснение таких моментов, как начало половой жизни, количество партнеров и практика использования презервативов. И программа также будет направлена через формирование системы установок, ценностных ориентаций, в особенности семейных ценностей, на решение трех задач: «воздержание, верность, презервативы».

Орленко С.А. Интересно, что наибольшие затруднения у ребят вызывал невинный вопрос об источниках информации, вернее, о критичности к информации, которую они получают

на эту тему, о доверии и верности. У подростков нет четкой картины по этим вопросам. Реально ценность верности как будто есть, но это представление смешивается с позицией доверия. Я говорю о доверии именно в сфере сексуального поведения. Если мы не будем эти две ценности разводить, т.е. формировать установки на каждую в отдельности, то мы будем опять же рисковать, поскольку смешение этих двух социальных позиций не поможет улучшить результат.

Юдина Е.Г. Я хочу продолжить тему, о которой здесь говорили. Вернусь к тезису о том, что на основе получения некоторой информации об информированности невозможно построить профилактическую программу. Четвертый блок анкеты, о сексуальных контактах, какую задачу он решает? Зачем нужен мониторинг этой сферы жизни подростков?

Чечельницкая С.М. Мониторинг нужен, поскольку мы собираемся оказывать воздействие, нам надо оценивать его эффективность и вносить какие-то коррективы, если оно окажется низко эффективным по сравнению с прогнозом. Мониторинг будет работать эффективно только в том случае, если пойдет профилактическая программа. Мониторинг будет отслеживать качество работы программы.

Юдина Е.Г. Тогда мне непонятно, зачем он нужен сейчас.

Михеева А.А. Программа начнет работать в сентябре. Мы должны поставить первую точку, определить временные промежутки для регулярных замеров, т.е. получать промежуточные срезы, которые позволят нам уточнять программу.

Чечельницкая С.М. Правительство Москвы выбрало Северо-восточный округ в качестве пилотного. В этой программе будет участвовать Управление социальной защиты, сектор культуры со своими библиотеками, создаются специальные центры, будут участвовать органы образования и здравоохранения. Поэтому проект заложен не по отдельным школам, которые будут проводить занятия и заниматься профилактикой, а будет осуществляться общий подход, включающий работу разных ведомств в этом направлении. Мы делаем модель этой деятельности, когда каждое ведомство вносит свою лепту. Смотрим, насколько объединение усилий позволит нам все-таки воздействовать на ситуацию.

Юдин Б.Г. Раньше Вы говорили, что в основу будут положены занятия в классах. Сейчас говорите о другом.

Чечельницкая С.М. Это – наша мечта. Однако то, что программа реально начнет работать, это мы гарантируем, это в наших руках. То, что сложится такая большая программа, есть предпосылки, но нет гарантии. В системе образования она будет реализоваться, это точно, есть двенадцать школ, которые к этому готовы.

Юдина Е.Г. Можно вопрос? Эти профилактические программы будут осуществляться на добровольной основе?

Чечельницкая С.М. В них предусмотрено право отказа от участия. Также и при проведении диагностических процедур.

Орленко С.А. Получение информированного согласия от родителей обязательно. У нас были прецеденты, когда ребенок хотел участвовать в тестировании, но у нас был письменный отказ родителей, и он выходил из класса.

Юдин Б.Г. А у вас есть какая-то информация о том, как эти отказы потом сказываются на взаимоотношениях?

Михеева А.А. Никак. Иногда возникают проблемы у ребенка с родителями. Были случаи, когда, например, с середины исследования в процессе мониторинга психологи или социальные педагоги убеждают родителей, которые подписали отказ, в полной безопасности диагностического тестирования, и те пытаются включить своего ребенка в обследование. Но мы не можем включить его в процедуру с середины. Да, такие случаи были. А вот нарушений межличностных отношений в классе не наблюдалось.

Чечельницкая С.М. У нас есть позитивный опыт, когда родители детей, участвовавших в таких программах, испытывали чувство благодарности, поскольку сами не решались заговорить на эти темы с ребенком. Ребенок приносит информацию об исследовании домой, возникает разговор, и таким образом снимается табу на обсуждение этих тем в семье. У Светланы Анатольевны есть опыт обратного взаимодействия.

Орленко С.А. Да, у нас есть опыт проведения в школе таких программ, направленных на профилактику социально-обусловленных заболеваний. В частности, я могу рассказать про Самарскую область, где мы внедряли одну из наших про-

грамм, которая тоже была направлена на изменение социальных установок у детей и формирование установок на ответственное поведение в отношении собственного здоровья, здоровый образ жизни. Когда мы оценивали эффективность реализации проекта на основе сравнения двух классов, ученики одного из которых участвовали в программе, а другого – составляли контрольную группу, мы обнаружили, что ребята из контрольного класса были обижены своим неучастием. Содержание занятий, темы, вопросы широко обсуждались в школе, и дело доходило до того, что некоторые материалы переписывались, выкрадывались диски с видеоматериалами и т.п. Они хотели это все знать. Отклик был такой, что профилактическая программа, можно сказать, расширилась, выйдя за границы собственно профилактики и включив в себя тренинги мотивации и коммуникативные тренинги. Был получен очень богатый материал. Дети были благодарны за то, что у них есть возможность внутри школы с взрослым человеком побеседовать на эти темы. Не было такой возможности разговора ни с родителями, ни с учителями, а в ходе занятий такая возможность у детей появилась. Их выслушали, им дали высказаться и узнать. Дети говорили: «Правда, вот если бы мне сказал кто-нибудь об этом, кто-то из моих сверстников, то я бы не поверил. А вот когда Вы мне об этом говорите, я Вам верю». Я была удивлена, потому что обычно взрослым они не доверяют. В этом случае у ребят возникает ощущение, что к ним пришел человек-эксперт, специалист, и тогда они действительно получают достоверную информацию о волнующей их теме. А то ведь в их представлении для заражения СПИДом самое страшное животное – комар. И другие такие вот мифы.

Юдина Е.Г. Место проведения ваших профилактических программ – это школа. Возникает методический вопрос о валидности информации, которую вы получаете на улице. Опрос анонимный – вы не спрашиваете на улице, откуда ребенок. Может быть, он из Пскова, а не из Юго-восточного округа.

Чечельницкая С.М. Как раз это мы спрашиваем. Интервьюер опрашивает только того ребенка, который живет или обучается в школах Юго-Восточного округа. Такое требование вхо-

дит в инструкцию опрашивающего. То есть интервьюер сначала спрашивает: «Ты живешь в этом округе, ты учишься в школе этого округа? Если да, то расскажи мне...».

Юдина Е.Г. Форма личного опроса была выбрана для усиления анонимности?

Чечельницкая С.М. Да, для обеспечения безопасности.

Ашмарин И.И. Интересно послушать маму. Не может быть такого, чтобы Вас здесь все удовлетворяло. Что вызывает опасения?

Смей Л.Г. Ничего не вызывает. Я мама многодетная, и даже я не знаю ответы на некоторые вопросы. То есть для меня, а для ребенка тем более эта анкета носит информативный характер. У меня есть единственное пожелание: больше внимания уделить разделу, в котором говорится о доверии, о верности, чтобы дети все-таки понимали, что секс — это не доказательство верности.

Юдина Е.Г. Вы говорите об анкете или о программе?

Смей Л.Г. Я не могу говорить о программе, я знакома только с анкетой. И, мне кажется, надо сделать акцент на этих вопросах. Очень своевременная анкета. Может быть, стоило даже раньше начать такое обследование.

Юдин Б.Г. У меня два вопроса. Первый: в какой степени можно рассчитывать на искренность ответов? Второй: насколько важно это обследование для построения профилактической программы, чтобы была точность, абсолютная правда? Может быть, более важны какие-то другие критерии? Было бы хорошо, если бы была возможность измерять какие-то отклонения, их систематизировать и т.п.

Смей Л.Г. Я хочу привести пример подобного исследования в другом городе, даже в другой стране. Дочь моей знакомой, у которой с мамой очень доверительные отношения, что само по себе редкость в наше время, поделилась с ней своими впечатлениями об обследовании. Сейчас дети более замкнуты в отношениях с родителями, они со своими сверстниками, с посторонними людьми раскрываются больше, чем дома, в семье. И вот эта девочка после исследования, где задавались вопросы об употреблении алкоголя и наркотиков, занятиях сексом, с возмущением сказала маме: «Какие они все глупые, они ничего не говорят об этом дома маме, а пришла какая-то чужая тетя, они ей все выложили». Хорошо, что есть такая девочка, но большинство тех, которые откроются «чужой тете».

Чечельницкая С.М. У нас есть некоторый «измеритель» воспроизводимости. Так или иначе, все эти вопросы задаются и в наших, и в других исследованиях. Мы, может быть, их и не повторяли бы, какие-то цифры взяли бы оттуда. Но, когда мы говорим о взаимодействии с властями по поводу сложившейся ситуации, эта анкета, ее результаты выполняют еще и функцию лоббирования в Администрации Юго-Восточного округа внедрения профилактических программ. Когда мы проводили исследование по безнадзорным детям, нам говорили, что в школах, на школьниках нельзя проводить подобные обследования. Директорат стоял насмерть. Наши доверенные директора разрешили. Когда мы им показали цифры, у них волосы дыбом встали. Они были уверены, что про своих детей все знают. «Да у нас все в порядке, у наших детей все нормально», – говорили они. Такой опрос, его достоверность оценивается в сравнении с результатами других исследований. Нет таких, в которых были бы представлены какие-то «революционные» цифры. В свое время И.С.Кон, наряду с другими, задал в своем исследовании два вопроса: «Живешь ли ты половой жизнью?» и: «Как ты думаешь, сколько процентов твоих сверстников живут половой жизнью?». Получилось, что подростки думают, что этот процент приближается к девяноста, а фактически – 35%. То есть про себя сказали, что живут половой жизнью 35%, а в качестве экспертов – 90%.

Юдина Е.Г. Здесь есть некая проблема. Сопоставление данных исследований, проведенных одним и тем же методом, как вы понимаете, говорит лишь о добросовестности исследователя или ни о чем. Ответ на этот вопрос может быть недостоверен не только в сторону увеличения, но и в сторону уменьшения. Здесь и половые различия имеют значение. Не думали ли вы о том, чтобы вводить какие-то процедуры, может быть, в сам инструментарий для того, чтобы «отлавливать» эти отклонения. Есть такие возможности. Конечно, это сильно осложняет жизнь исследователя, но вероятность получения достоверных ответов при этом повышается на порядок, а то и на два. Нужно фиксировать отклонения, а в анкету заложить некий инструментарий, который укажет вам на причину появления такого отклонения. Это сложные инструменты, но они существуют.

Орленко С.А. Если ставить «кольцевые» вопросы, дети сразу реагируют: «Вы меня уже об этом спрашивали». И тут же возникает кризис недоверия.

Чечельницкая С.М. Мы подумаем над этой проблемой. Мы здесь все время говорим, правда или неправда получается в результате. Но, с другой стороны, мы их (подростков) ставим еще в положение экспертов. Даже если он и обманывает, он обманывает так, как надо для его поколения. Если он и не имел полового контакта физически, он представляет, что это и есть норма, его отраженная норма.

Юдина Е.Г. Таким образом, мы имеем здесь две проблемы. Первая, которую мы уже обсудили, — это вторжение в интимную сферу. Вторая — это проблема социальной желательности. Что нужно на выходе, реальная информация или их представления?

Чечельницкая С.М. На самом деле реальную информацию мы можем получить только у гинеколога. Мы и не утверждаем, что получаем реальную информацию. Как и при любом социологическом опросе, все очень приблизительно. И в этом смысле для нас не принципиально важно, действительно ли подросток имел сексуальный контакт или он считает, что это нормальное поведение. Мы работаем на установку.

Михеева А.А. Я в своем комментарии не претендую на высокую научность относительно трактовки шкалы лжи. Хотелось бы сказать о подготовке волонтеров-интервьюеров. У нас есть некоторый опыт подготовки волонтеров, правда, из студенческой среды. Мы учили их распознавать лживые ответы и, когда их слишком много, прекращать анкетирование. То есть в случае получения неопределенных ответов («не знаю», «ответа не получено») на *n*-е количество вопросов нет смысла в дальнейшем анкетировании. Если мы у пятнадцатилетнего подростка в ответах получаем 15–20 постоянных половых партнеров, то дальше опрашивать тоже нет смысла. Волонтеров учат распознавать достаточно эпатажные вещи, даже неплохо закамуфлированные. С этой позиции, это не совсем научный подход, но в плане подготовки какие-то начальные знания из области психологии, касающихся распознавания такого рода эпатажных ситуаций, они получают. А чаще всего мы сталкиваемся именно с эпатажем.

Юдин Б.Г. Сколько по времени занимает подготовка волонтера?

Михеева А.А. Много. Кроме того, существует отбор. Мы не всех берем в волонтеры. Они должны обладать определенными качествами, в том числе внешними. Они должны располагать к разговору. Есть определенные требования к психологическому портрету. Это отсутствие склонности к агрессивным формам поведения, к отстаиванию своего мнения, даже высказыванию своего мнения в рамках такого опроса. Требуется от пяти до семи встреч с волонтерской группой, определенное количество часов занятий. Кроме того, возможны индивидуальные консультации. Это, как правило, ребята, которые уже принимали участие в подобных обследованиях или имеют склонность к такого рода деятельности. Количество занятий зависит от успешности продвижения группы, а сейчас мы ввели практику разделения групп по гендерному признаку, т.е. девочки готовятся отдельно, мальчики – отдельно. Есть специфика проведения интервью, поэтому мы попробуем их готовить раздельно.

Юдин Б.Г. Сколько волонтеров потребуется для проведения обследования?

Михеева А.А. Десять человек. Но у нас есть резерв.

Степанова Г.Б. Меня смущает возраст интервьюеров, тот же, что и у обследуемых. Может быть, студенты, обладающие большим опытом и какими-то знаниями в этой сфере, были бы более полезны? Я дала посмотреть анкету своему сыну, которому восемнадцать лет. Это, конечно, не совсем корректно, но такие вопросы обсуждались и обсуждаются в среде его сверстников. Он сказал, что в письменном виде он ответил бы правдиво на все вопросы, а вот глядя в глаза постороннему человеку, сомнительно. Жаль, что здесь не присутствует никто из подростков, участвовавших в апробации. В школе моего сына проводили такого рода обследование. Ребята на смущавшие их вопросы отвечали классическим «уходом». Например, на вопрос: «Ты живешь половой жизнью?», – следовал ответ «нет», и происходил переход к следующему разделу. А ведь если говорить о достоверности, то ответ «нет» на вопрос, касающийся факта половой жизни для подростка 15 лет, вполне достоверен. Или ответ «нет» на вопрос об употреблении наркотиков.

Орленко С.А. Если мы видим такое количество уходов, ответов «нет», мы прекращаем интервью.

Степанова Г.Б. То есть это означает, что вы заведомо считаете, что каждый подросток пятнадцати лет, отвечающий на такие вопросы, может жить половой жизнью и/или употреблять наркотики.

Орленко С.А. Да, считаем.

Степанова Г.Б. Я, например, считаю, что это уже вторжение и подозрение, т.е. вы заранее подозреваете каждого в возможности такого поведения.

Орленко С.А. Я их подозреваю на основании своей практики.

Степанова Г.Б. Отделить здесь «уходы» от правдивых ответов «нет», мне кажется, очень трудно, во всяком случае в представленной анкете.

Чечельницкая С.М. Мы считаем «уходом», получив «нет» или «не знаю» в ответах на большинство вопросов. Если ребенок на вопросы о сексуальной практике говорит «нет», мы это абсолютно принимаем и переходим к другому разделу. Примерно 50% не имеют такой практики, и это нормально.

Юдина Е.Г. Смотрите, что получается, мы все время обсуждаем одно и то же. Это вопрос о достоверности полученной вами информации. Если этот раздел вставлен в анкету для того, чтобы отслеживать эффективность программы, а его информативность вызывает сомнения, то что же это за инструментарий?

Чечельницкая С.М. Довольно высокая вероятность достоверности. Мы проводили исследования совместно с ЮНИСЕФ, и про то, что касается конкретных практик, люди отвечают, и отвечают правду.

Юдина Е.Г. Это довольно обычная история в организации и проведении социологического исследования. Насколько вам сказали правду? Но значение этого момента удваивается или учетверяется, если речь идет о социальной желательности затронутой темы. Все остальные разделы проходят более или менее нормально. И второе – это вторжение в личное пространство. Это единственный раздел, который вызвал и у детей, и у родителей массу вопросов.

Орленко С.А. Много вопросов, горячность и возбуждение вызвал раздел, касающийся отношений доверия и верности, а не только вопросы о сексуальном поведении. У ребят горели глаза, и они с такой искренностью обсуждали эти темы.

Юдина Е.Г. Совершенно естественно, что вы получаете такой отклик, достаточно хоть немного знать этот возраст. Любое обсуждение, связанное не только с сексом, но и другими темами на грани «фола», действительно будет вызывать эмоциональную реакцию. Им не с кем обсуждать эти вопросы. И то, что вы эти темы поднимаете, это хорошо.

Чечельницкая С.М. Можно встречный вопрос. Как еще в этой области можно получить достоверную информацию?

Юдина Е.Г. Вы имеете в виду методом анкетирования?

Чечельницкая С.М. Нет, вообще. Как иначе мы узнаем про сексуальную практику?

Юдина Е.Г. Есть другие методы, но они не работают на большие выборки. Есть личная беседа, вхождение в доверие, групповые тренинги.

Чечельницкая С.М. Это все равно опрос. Кроме того, при любом доверии, при любом контакте вы никогда не будете уверены, что вам говорят правду. Это всегда вам человек рассказал сам о себе, а насколько он правду рассказал? На смертном одре не всегда правду говорят. Мы понимаем, что все это более или менее приближенно.

Ашмарин И.И. Знаете, у нас все-таки этическая экспертиза, поэтому вопрос о достоверности не является магистральным. Давайте вернемся к другим аспектам.

Юдина Е.Г. Я не соглашусь с этим утверждением. Вопрос о достоверности является магистральным постольку, поскольку на этой информации будет строиться конкретная практическая программа.

Ашмарин И.И. Тогда будет проведена гуманитарно-этическая экспертиза программы. А сейчас давайте вернемся к вопросам вторжения в личную жизнь, к тактичности и т.п.

Юдин Б.Г. У меня еще есть вопрос. Относительно того, что говорилось о «ВВП». По поводу «П» (презервативы) у меня вопросов нет. А вот «ВВ», воздержание и верность, здесь есть некоторые вопросы. «П» – это имеются в виду сугубо медицинские вещи. А «ВВ» относится к сфере, связанной с ценностями. Мне трудно четко сформулировать вопрос. Есть некоторые сомнения. В какой мере мы можем выступать в качестве силы, ориентирующей подростка в эту сторону?

Чечельницкая С.М. Мы в свое время бились над этим. Если мы разрабатываем программу, которая ведет человека к чему-то, к формированию хорошего человека, эталона, то кто сказал, где он, этот эталон. Наши нынешние программы не рисуют никакой модели. Идет обсуждение в группе, там выступает тренер, модератор, психолог, социальный педагог, т.е. тот, кто подготовлен вести эту программу. И группа вырабатывает свое мнение. Здесь не выставляется эталон, к которому ведется группа.

Орленко С.А. Программа строится на основании очень важного принципа, того, с которого началось наше обсуждение. Соблюдение прав детей. А у них самое главное право на тот момент – это право выбора. «И не навязывайте нам свое мнение, у нас есть право выбора», – говорят они. «Так какое же у вас мнение, и что вы выбираете? И вот на этой грани... да, вы можете поступать так, как вы поступаете, но в результате будет вот это, может быть и такой случай, а кончится вот этим. А ваше право выбирать», – говорим мы. В этой ситуации право выбора хорошо работает. Естественно – максимальная искренность, правдивость и т.д. Никаких манипуляций.

Чечельницкая С.М. Отвечая на вопрос Бориса Григорьевича, еще раз подчеркиваю, что мы не ставим никаких эталонов.

Юдин Б.Г. Но ведь Вы же говорили, что через два года по мере реализации программы вы ждете улучшения показателей.

Чечельницкая С.М. Мы полагаем, что раннее начало половой жизни, смена партнеров – все это происходит необдуманно. Это не выбранная позиция: «Я буду так себя вести», а спонтанное поведение, за которым не стоит осмысления. И наша задача – заставить их задуматься и принять решение. Кто-то пойдет в проститутки осознанно, а кто-то станет наркоманом осознанно – это их право. Мы ничего здесь не делаем. Повторяю, наша задача – заставить задуматься и сделать свой выбор.

Тищенко П.Д. Такой вопрос. Зачем в протоколе опроса родителей вам нужно было указывать фамилию, имя, отчество принявших участие? Насколько они согласны с тем, что эти сведения указаны? Обычно показывают гендерно-возрастную структуру тех, кто принял участие в такого рода исследованиях.

Чечельницкая С.М. Родители своей рукой написали эти данные. Предполагалось, что это нужно для работы этической комиссии. Кроме того, мы взяли координаты с тем, чтобы можно было в дальнейшем связаться с родителями и получить дополнительные комментарии. Это подстраховка, и, может быть, она излишняя.

Юдин Б.Г. Некоторая проблема здесь все-таки есть. Насколько было необходимо раскрывать эти данные для посторонних? Есть еще вопросы? Нет? Тогда переходим к следующему разделу. Вопросы можно будет задавать и по ходу обсуждения. Давайте теперь высказываться. Кто начнет?

Юдина Е.Г. Мне очень нравится ваш подход. Я часто сталкиваюсь с подобными проектами, поэтому могу оценить различия. Важно ваше мнение относительно того, что нельзя строить никакое обучение, основываясь на информированности, в том числе и в особенности связанное с профилактическими программами, потому что оно затрагивает интимно-личностную сферу людей. Это очевидно, для психологов во всяком случае. А вот за то, что вы несете эту позицию в недра управленцев, вам большое спасибо. Если они вас услышали — это большое достижение. Второе, что мне импонирует, это то, что вы организовали процедуры экспертизы. Экспертиза самой анкеты проведена достаточно корректно. Были выбраны два основных субъекта участия: ребенок и родитель. Есть еще третий, это учитель, и мы надеемся услышать мнение присутствующих здесь учителей. Такой подход встречается редко, и будем надеяться, что вокруг него зародится что-нибудь позитивное. С методической точки зрения анкета тоже построена грамотно. Теперь относительно того, что здесь обсуждалось в качестве проблемы. Я немного зацеплюсь за вопрос Игоря Ивановича, который может иметь некое продолжение, не прозвучавшее здесь. Это вопрос о провокации, т.е. не может ли вопрос анкеты провоцировать на то или иное поведение. Провокация может возникнуть, когда мы не знаем, какова реальная возрастная норма. Какова групповая норма для этой школы, для этого округа, для Москвы и т.д.? Задавая такой вопрос, мы, возможно, ставим под сомнение некую существующую норму. Мало того, что здесь с достоверностью есть некоторые проблемы, мы

еще можем скрытым образом эту норму испытывать. Возможный ход рассуждений понятен: мне задают вопрос, который, на мой взгляд, невыносим. У человека такая строгая норма, а ему задают вопрос, который показывает, что такое поведение возможно. Из этого не следует, что этот вопрос нельзя задавать.

Орленко С.А. Может быть, дать поддержку?

Юдина Е.Г. Поддержку чего? А Вы уверены, что интервьюер сможет? Это уже очень серьезный навык: понять, когда дать поддержку, какую конкретно и индивидуально. Что касается возраста. Возрастной диапазон в вашем обследовании от 14 до 17 лет. Психологи хорошо знают, что между 14 и 17 годами — целая эпоха. Действительно, в формулировках должно звучать какое-то возрастное различие. В 13—14 лет — это ребенок, а в 17 — это уже и не ребенок. Итак, на мой взгляд, есть две проблемы. Одна проблема, звучавшая в самом начале, это проблема соотношения, соизмеримости того риска, который мы имеем, с результатом. Я в основном говорю о разделе, уже обсужденном нами. Мне непонятно, зачем он там нужен. Все остальные разделы могут быть исправлены даже в тех моментах, которые напрягают. А здесь весь раздел. Поговорить с ребятами можно на эту тему и без анкеты, даже нужно. И с определенностью можно сказать, что этот раздел нужен в профилактической программе. Может быть, как-то переформулировать эти вопросы. Очень жестко они поставлены. Виды секса, я не очень понимаю, зачем там эта расшифровка: анальный, оральный и т.д. Они с интервьюером, что, беседуют в свободной форме на все эти темы?

Михеева А.А. У волонтеров будет несколько стратегий проведения интервью. Есть категория респондентов, с которыми интервью проводится по схеме «вопрос — ответ, вопрос — ответ, вопрос-уточнение — ответ». А есть респонденты, с которыми интервью будет проводиться в мягкой форме. Как Вы и говорите, в форме беседы. Поэтому в процессе подготовки волонтеров предусмотрено несколько стратегий поведения. С кем-то нужно помягче, а с кем-то — немного пожестче. Особенно, когда начинаются долгие рассказы о том, где, когда, сколько и что произошло. Эта информация не нужна для анкетирования. Так или иначе интервьюер добывается ответов на поставленные вопросы.

Юдина Е.Г. Продолжу по поводу этого раздела. Вы ответили, и, на мой взгляд, хорошо относительно того, насколько информация, которую вы получаете, нужна, важна, достоверна. Вы сказали, что для вас скорее важна позиция. А почему бы так не спросить? Это менее травматично и является меньшим вторжением в личную жизнь. Ну, например: «Как ты думаешь...?». Не задавать вопрос: «Живешь ли ты половой жизнью?», а «Как ты думаешь, с какого возраста можно ...?».

Чечельницкая С.М. Это уже будет ответ на другой вопрос. И мы не получим представления о реальном состоянии дел.

Юдина Е.Г. Мы вроде договорились до того, что реальное вы и не особенно исследуете.

Чечельницкая С.М. У нас есть ситуация, когда мы ставим ребенка в позицию эксперта, и там все получается достаточно достоверно. Но что касается этого раздела, нам надо знать практику поведения с тем, чтобы через два года посмотреть, меняется что-нибудь или нет. Нам с точки зрения эпидемиологии важно, чтобы половая жизнь начиналась с 16–17 лет, не раньше, чтобы использовался презерватив и партнеры были постоянными. И здесь меня мало волнуют морально-этические аспекты. Если раньше наркоманы составляли обособленные группы, то сейчас идет объективный процесс комбинирования групп и распространения инфекции. Я подчеркиваю, с точки зрения эпидемиологии важно, чтобы каждая проститутка — с презервативом, а каждый наркоман — с отдельным шприцем. Тогда в отношении распространения ВИЧ проблема будет решена, в отношении наркомании — нет. С морально-этической точки зрения — нет. Но мы говорим о пандемии. Здесь мы не можем себе позволить долго подстраиваться, как это лучше сделать. Мы вынуждены пойти на достаточно жесткие вещи, иначе будет поздно.

Юдина Е.Г. Да, Вы правы совершенно, масштаб проблемы хорошо известен. Ваша позиция также понятна. Однако мне кажется, что действия не совсем адекватны. Цели и задачи понятны. Может быть, можно улучшить средства? Вот Вы говорили, что Вас не волнует морально-этическая сторона. Понятно, что Вы имели в виду некоторую истерию вокруг этой проблемы. Но ведь морально-этическая сторона — это часть

человека. И там лежит мотив воспроизведения того поведения, которое вы хотите как-то корректировать, как-то выстраивать иначе. Не учитывать это — абсолютно неправомерно.

Чечельницкая С.М. Конечно, и поэтому этот раздел мы включаем. Измерять и работать только через ценности надо, через формирование моральных ценностей, восстановление ценности семьи, нравственности.

Ашмарин И.И. Можно мне сказать пару слов со стороны? Я сейчас объясню почему. Я до сегодняшнего дня рассматривал, изучал эту анкету как эксперт. А сегодня задумался обо всем этом как бывший мальчик. Возраст, который здесь обозначен, это применительно ко мне — начало шестидесятых. Полное отличие того времени от нынешнего. Был непреодолимый барьер во всем, что касается возможности обсуждения сексуальных проблем с учителями, еще более непреодолимый — с родителями. Отсюда в среде мальчиков — скабрзность, похабность и полный разгул. Не знаю, что было у девочек. Я сейчас не собираюсь анализировать то время. Задумался о том, насколько было бы мне легче, как будущему мужчине, отцу, мужу, если бы со мной обсуждали эти вопросы: и использование презервативов, и — тогда, правда, СПИД — да не было — другие венерические заболевания. Поэтому в этой анкете, поскольку у нас гуманитарно-этическая экспертиза, я вижу еще такое неявное влияние старшего поколения на ребят. Трудно было вникнуть в каждый вопрос, варианты ответа, но при анализе ответов, при построении программы, во всем, что последует за технической частью, мне кажется, надо учитывать, и сегодня это прозвучало, что они с интересом обсуждают эти темы. Им этого не хватает. То есть и при анализе, и при построении программ должно присутствовать наше отношение и к ним, к ребятам, и к сексу. Важно отношение для них. Что я имею в виду? Мы все сегодня внутренне готовились. С одной стороны, самое понятное из того, что мы сегодня обсуждали, — это деликатность: насколько можно глубоко вторгаться. Для меня было неожиданно, что ребята с удовольствием, всерьез и с интересом это могут обсуждать. Для меня неожиданно, что интерес взрослых к сексуальным проблемам детей им нужен.

Чечельницкая С.М. Они готовы говорить на любую тему, если разговор искренний. Мы сейчас поменяли модель школьного врача. Он выступает еще в роли консультанта, ведет занятия отдельно с девочками, отдельно с мальчиками. После первых занятий наш врач была потрясена, что такие вопросы могут задавать дети: о гигиене, о строении половых органов и т.п. Она рассказывала мальчикам о строении женских половых органов, потому что они должны знать, как происходит созревание человека. Причем вопросы задавались без малейшего стеснения. Потому что они понимали, что они обсуждают жизнь. Здесь важна позиция взрослого. Если у него эти вопросы вызывают смущение, если он считает их непристойными, то и реакция ребят будет соответствующая. Если у взрослого нет своих проблем, которые мешают ему обсуждать эти темы, то дети разговаривают. У них нет такого табу на тело, на телесные проявления, которое когда-то было.

Ашмарин И.И. То есть Вы считаете, что искреннее внимание взрослых к сексуальным проблемам ребят может решить эпидемиологическую проблему? Ну не решить, а способствовать ее решению?

Чечельницкая С.М. Абсолютно уверена, потому что многое происходит от того, что они не владеют информацией.

Ашмарин И.И. Резюме такое, что во всей этой деятельности важен не только исследовательский, предпрограммный аспект, но и какая-то тренировка, отработка подходов, практики этого искреннего внимания. Искренность, конечно, субъективна. Всех не научишь быть искренними. Но эта тема должна звучать во всех отчетных материалах.

Чечельницкая С.М. Небольшой комментарий по поводу возраста. Те подростки, которым сейчас 16—17 лет, через два года уйдут от нас. Для того, чтобы оценить динамику, нам надо сейчас обследовать четырнадцатилетних.

Орленко С.А. Они более восприимчивы и идут на контакт, скорее чем шестнадцатилетние. Они адекватно воспринимают информацию и готовы обсуждать эти темы. Информированность у них потрясающая.

Юдина Е.Г. Я бы это объяснила тем, что для подростков этого возраста обсуждение носит более теоретический характер, чем для старших, которые уже имеют некоторую практику.

Смей Л.Г. У меня хорошие доверительные отношения с дочерью. Я не могу сказать, что о сексе мы говорим часто. Когда она мне принесла показать анкету, это было косвенным приглашением к разговору. Получается, что это не инициатива ребенка, но тем не менее звучало как «папа, мама, давайте поговорим».

Юдин Б.Г. Как получилось, что дочь показала Вам анкету? Она решила сама, или Вы попросили?

Смей Л.Г. Она сама решила. Я не знаю почему, но она принесла ее домой.

Юдин Б.Г. Хорошо бы послушать учителей.

Калюкина И.В. Я – учитель биологии в школе, на базе которой проводилось обследование. Мы на уроках поднимаем эти вопросы. Мы говорим про гаметы – половые клетки, про растения, про животных и т.п. ВИЧ, СПИД – эти проблемы мы тоже обсуждаем. Дети с интересом на уроках включаются в обсуждение. В целом я считаю, что анкета достаточно своевременна. Хорошо, что в ней поднимаются такие вопросы. Вопросы защиты, например. Вот вы говорили о некорректности некоторых вопросов. Но ребенок, который не имеет половых связей, может быть, о чем-то задумается. Не в смысле вступить в них, а, например, о средствах защиты. А может быть, он почитает какую-то дополнительную литературу про болезни, которые передаются половым путем. В Интернете посмотрит, сейчас же много источников информации. В целом анкета хорошая, нужная. А те ребята, которые ведут половую жизнь, а такие есть и в 9-ом классе, может быть, тоже о чем-то задумаются.

Ашмарин И.И. А за рубежом есть опыт таких обследований: в США, в Европе?

Чечельницкая С.М. Да, конечно. Мы и не скрываем, что какие-то вопросы переносятся из зарубежных опросников. В нашей анкете есть несколько вопросов, которые никогда нигде не задавались, а основная масса уже прошла апробацию, и на них отвечают. Причем, судя по распределению ответов, – адекватно. Нас и приглашают в качестве профессионалов, потому что на нашем счету уже десятки анкет. Просто под каждую задачу анкета модифицируется, уточняется, блоки меняются.

Степанова Г.Б. Я полностью согласна с тем, что здесь говорила Елена Георгиевна о позиции разработчиков анкеты. Меня радует тот опыт небезразличного отношения к этическим проблемам самих разработчиков. Важно, что они озабочены возможным вторжением в личную сферу, возможными рисками. Все же хотелось бы высказать некоторые замечания, в том числе и на примере конкретных вопросов. Первое — это тот факт, который здесь был озвучен, что к детям изначально относятся с подозрением.

Орленко С.А. Это позиция моя.

Степанова Г.Б. Я не говорю сейчас, Ваша это позиция, всего коллектива разработчиков, интервьюера. Главное то, что такая позиция может существовать. То есть изначальная подозрительность при первом контакте с ребенком с этических позиций, на мой взгляд, некорректна. Второе, об этом говорили, моменты провокации есть. С этой точки зрения желательно скорректировать некоторые вопросы. Здесь много говорили о сексуальной сфере, о возможности спровоцировать раннее вступление в половые связи. Я хотела бы сказать о разделе, посвященном употреблению наркотиков. Меня почти как подростка «возбудил» весь этот перечень, который предлагается в ответ на вопрос: «Некоторые люди пробуют всевозможные наркотические средства. Вы когда-нибудь пробовали какие-нибудь из наркотических средств, которые я назову?». И предлагается десять наименований, о которых далеко не все из присутствующих слышали. Может быть, предоставить самому ребенку назвать или не назвать то, что он пробовал. По поводу вторжения в личную, очень интимную сферу ребенка, я думаю, что в ходе пилотажа некоторые вопросы можно будет скорректировать. Например, перечисление близких людей — родственников, друзей — как возможно больных СПИДом может привести к психологической напряженности. Это особенно важно, так как в нашей стране отношение к таким больным преимущественно негативное. И последнее замечание касается раздела, посвященного личностным установкам, критичности в восприятии информации, уверенности в себе и т.п. Этот раздел достаточно абстрактен. Хотелось бы, чтобы в нем были вопросы, непосредственно направленные на те проблемы, которым, соб-

ственно, и посвящено исследованию. То есть, если говорить об устойчивости, то об устойчивости не вообще, например, к рекламе, к СМИ, мнению сверстников, а конкретно к употреблению наркотиков, беспорядочным половым отношениям и т.п. В целом, я считаю, анкета профессионально грамотная, актуальная, даст хорошие результаты, а ее коррекция может быть осуществлена по материалам пилотажного обследования.

Юдина Е.Г. У меня дополнение к тому, о чем говорила Галина Борисовна. В одной из экспертиз, предложенных нам для анализа, встречаются комментарии самих ребят. Например, на вопрос «Доверяете ли Вы информации?» — следует комментарий: «Смотря какой информации» — «Доверяете ли Вы мнению?» — «Смотря о чем это мнение» и т.д. Они сами вас приближают к конкретике.

Чечельницкая С.М. Мы хотели выявить общие, не специфические установки. Нельзя говорить, что по отношению к ВИЧ я критичен, а по отношению к яблокам — не критичен. Это навык, это манера поведения, стереотип. Сегодня ВИЧ, завтра что-то другое. Мир меняется, и дети должны научиться в этом мире жить. Те, кто их сейчас учит, в этом мире, строго говоря, жить не умеют. Мы все, даже молодые родители современных детей, росли в мире однотипных социальных влияний. Дети сейчас не распознают влияния. Мы подумаем над этой рекомендацией.

Юдина Е.Г. Есть тот и другой аспект. Есть общий фон, а есть конкретные проблемы, которые надо выяснять.

Тищенко П.Д. Уважаемые коллеги, здесь много и подробно говорили, в частности Елена Георгиевна, о профессиональных вопросах. Это важно и интересно. Небольшое пояснение для того, чтобы ввести в контекст, было бы полезно. Как эти анкеты будут работать, какой есть фоновый уровень знаний, какие аспекты будут решаться относительно этого знания и как это будет практически использовано? Тогда многие вопросы уже были бы прояснены. Что касается каких-то недостатков, я не думаю, что вам следует в документах, распространяемых публично, в том числе и на наших совещаниях, указывать фамилии реальных людей. Достаточно дать гендерный (там же в основном женщины) анализ, возрастной, семейный (благополуч-

ные-неблагополучные семьи) и т.д. Еще один важный момент следующего рода. Я думаю, что противодействие распространению СПИДа имеет два аспекта. Первый, на который вы обратили внимание, связан предотвращением, профилактикой. Но, с другой стороны — и в анкете есть блок вопросов на тему — знают ли дети о симптомах заболевания, знают ли они об опасности? Однако защищенность человека зависит не только от знания симптомов, но и от знания своих прав как зараженного ВИЧ-инфекцией. Знают ли дети о том, что права инфицированных, зараженных чем бы то ни было, права пациента — они так или иначе, пусть плохо, но защищаются? Есть ресурсы общества, общественные, в том числе анонимные организации и т.д. Ты не знаешь, что у тебя ВИЧ, но ты должен знать о своих правах, правах пациента. О том, например, что, если ты пришел к врачу, врач не имеет права позвонить твоим родителям и сообщить о поставленном диагнозе банального или не банального заболевания, передающегося половым путем. Мне кажется, что этот правовой аспект, наряду с психологическим и медицинским, должен внедряться. Поэтому для меня не очень аккуратно звучит вопрос: «Знаете ли Вы о том, что кто-то из ваших близких болен?». А откуда вы это знаете? Кто вам об этом сказал? Только если кто-то сам поделился, тогда это понятно. В принципе это конфиденциальная информация, защищаемая законом. Вторжение в эту область, в диагноз, — это вещь очень сложная и опасная. Тем более, что вы берете период перехода из детства, в котором родители имеют определенные права на знание о том, что происходит с их ребенком, к взрослому состоянию, где они уже никаких прав не имеют. Элементарную правовую информированность тоже надо каким-то образом тестировать. Я считаю, что этот «блок прав» должен быть каким-то образом усилен. Что касается моральности. Насколько сильно представление о том, что раннее начало половой жизни является фактором риска? Мне не кажется это очевидным. В разные времена и в разных культурах этот момент по-разному манифестировался. Махатма Ганди был женат с двенадцати лет. Ромео и Джульетта — это возраст вашего контингента. Но тогда была другая структура семьи. Сейчас семья еще является контрагентом, который выталкивает в одиночество и самосто-

тельность в отличие от тех патерналистских семей. Мое общее соображение состоит в том, чтобы усилить правовой блок как в исследовании, так и в программе.

Чечельницкая С.М. Мы не вставили такой блок в анкету, потому что априори мы считаем, что об этом надо рассказывать. У нас правовая неграмотность — очень высокая. Мы не будем вставлять в анкету разделы типа: «Если Вы заболете ВИЧ, то тогда Вы будете защищены...». Нам кажется, что это некорректно. В тех программах, которые мы реализовали до сих пор, у нас есть блок «Жизнь с ВИЧ». Мы показываем детям моральные, социальные, правовые аспекты, которые возникают при инфицировании человека, с целью формирования толерантности, сопереживания, эмпатии. Косвенно их готовят к тому, что есть и какие-то права.

Тищенко П.Д. Я думаю, что это будет свидетельством позитивной или негативной динамики изменений правосознания ребенка. Это будет полезно. Ребенок, у которого возникли какие-то подозрительные симптомы, не должен бояться врача. Он должен обратиться к нему. И существует серьезный барьер страха, что о его визите к врачу узнают учителя, тем более — родители, тем более — о диагнозе. Дело не только в ВИЧ, важно донести до ребенка весь комплекс прав человека в отношении здоровья.

Юдин Б.Г. Я тоже хочу сказать несколько слов. Хочу повторить то, о чем говорил вначале. Это первый опыт, как первый опыт, он оказался с некоторыми огрехами и недочетами. Я хотел бы поддержать такой общий, высказанный здесь всеми позитивный настрой. Я хотел бы отметить такую важную черту всего проекта — не директивность. Есть такой термин в биоэтике. Это, когда человеку предлагаются различные варианты, объясняется, какой вариант к чему может привести. А человеку предоставляется право выбирать. Щепетильность в организации исследования произвела на меня сильное впечатление, но я опасаясь, что, когда проект будет выходить на уровень управленцев, она долго не продержится. Здесь было много разговоров о провокации. Эта проблема, наверное, стара как мир. Всегда есть две стороны медали. Дальше я хотел бы сказать по поводу того, что это не только анкета, но целое исследование. Здесь уже промелькнуло, что нам для экспертного анализа не

хватало «инструкции для волонтера». Ее было бы хорошо посмотреть и с ней поработать. Есть такая проблема – проблема информирования респондентов о целях исследования, о рисках, связанных с ним, и т.д. Хотелось бы, чтобы был такой материал странички на полторы. Есть еще одна деликатная проблема, которую я не знаю, как решать. Это проблема информированного согласия испытуемого, в данном случае респондента, на участие в исследовании. Ваши респонденты в таком возрасте, что они не могут давать такое компетентное согласие. За них должны давать согласие законные представители, в данном случае – родители. Здесь эта сложность возводится в квадрат, поскольку вся ситуация переворачивается, если начинать разговор с родителей. Это вопросы, которые в любом исследовании стоят, но им надо уделить внимание. Подводя формальные итоги, комиссия пришла к такому заключению: «Данный исследовательский проект одобрить с некоторыми замечаниями, которые предлагается устранить в рабочем порядке».

Нравственно-психологические аспекты работы с убеждениями

Убеди меня, но без убеждений.

Убеждения меня больше не убеждают.

Антонио Поркья

Психологические проблемы, мешающие человеку жить полноценной жизнью, нередко имеют своей причиной страхи, травмы из раннего детства. У взрослого человека, даже относительно хорошо помнящего свое детство, часто имеет место искажение в восприятии событий, произошедших в детстве: одни события полностью забываются (вытесняются), другие запоминаются в весьма видоизмененном виде. Впрочем, по большому счету, все, что хранится в человеческой памяти, подвергается обработке и изменению, так что задача воспроизводства событий прошлого в точности такими, как они произошли когда-то, да и вообще поиск истины в таком понимании не представляется нам плодотворным.

Даже в самый момент переживания событий человек воспринимает их не непосредственно, а через призму своих представлений о мире, и наличие этой «средней зоны» — зоны интерпретаций — мешает восприятию мира так такового. Те моменты, когда человек выходит из «средней зоны», помнятся ему как моменты подлинного переживания жизни. Но большую часть своей жизни мы находимся именно в ней, именно там все «понимаем», там познаем и анализируем себя и других, постепенно привыкая понимать те или иные вещи строго определенным способом.

Если источник страданий лежит не столь далеко в детстве, можно предположить, что человек сам помнит и знает, почему он страдает, — во всяком случае, выяснить это оказывается не

так сложно. Любая проблема, с которой человек приходит к психологу, имеет свою историю, можно даже сказать, момент рождения, и клиент, склонный к размышлениям и самоанализу, уже до беседы с психологом наполовину знает, откуда у него эти постоянные негативные переживания: он помнит какое-то травмирующее событие в жизни, которое повлияло на него настолько, что сама жизнь делится на все, что произошло «до» этого события и «после».

К сожалению, все те негативные переживания, сопровождающие травмирующий опыт, столь болезненны еще и потому, что человек добавляет к этим страданиям терзающие его воспоминания, муки совести и раскаяния. Феномен «больной совести», столь широко описанный в русской литературе, видимо, весьма близок и понятен менталитету российского человека, особенно интеллигенции, выросшей на произведениях Достоевского и Толстого. Часто приходится сталкиваться со своеобразной связкой в убеждениях клиентов: только тот, кто страдает, является воистину интеллигентным, глубоким человеком. Как ни странно (хотя, учитывая наш менталитет, это как раз не странно), многие предпочитают страдать, нежели расстаться с мнением о себе как о глубоком, интересном человеке.

Может, потому иногда и «не работают» столь удачные методы и техники, разработанные западными психологами, не учитывающие в полной мере систему убеждений «нашего», российского клиента.

Убеждения представляют собой наиболее ригидную, жесткую часть личности. Можно предположить, что подобное отношение к убеждениям в большой степени обусловлено нашим бывшим социальным строем: твердость и непреклонность в убеждениях считалась положительным качеством и воспитывалась с детства на примерах положительных героев. Так как отношение к убеждениям в целом — тоже своеобразное убеждение (независимо от содержания), то получается, что требовательность к себе как к носителю убеждений включает еще и их жесткость и постоянство. Известно, что человек, меняющий свои убеждения, будет получать низкую моральную оценку, а кто хочет ее получить, хотя бы даже от самого себя? Даже если никто не узнает о том, что я поменял свои убеждения, главный

источник моральных оценок — моя совесть — осудит меня жестче, чем целый коллектив товарищей. Таким образом, жесткость и непреклонность — это характерная черта любых убеждений, усвоенных личностью. Эта поправка важна потому, что далеко не все убеждения становятся достоянием личности, входят, как говорится, «в плоть и кровь». На том этапе, когда убеждение только формируется, и человек не столько убежден, сколько склонен или готов убедиться, отношение к содержанию убеждения гораздо более критичное, чем впоследствии. В этот период человек прислушивается к информации, поступающей извне, обрабатывает ее, взвешивает на внутренних весах все «за» и «против», и лишь потом делает шаг от состояния готовности убедиться к тому, что принимает высказанное убеждение как свое, «убеждается». После того как этот процесс усвоения завершен, содержание нового убеждения уже представляется человеку настолько очевидным, что ему уже кажется, что он всегда так считал, ведь это само собой разумеется... Многие убеждения, усвоенные в относительно сознательном возрасте, проходят все эти этапы, и это еще раз доказывает, что убеждения не являются чем-то раз и навсегда данным, хотя и представляются такими, а могут видоизменяться в течение жизни. Это либо достаточно медленный, постепенный процесс, либо результат какого-то сильного эмоционального потрясения, которое «все в жизни перевернуло».

Что касается убеждений, усвоенных в раннем детстве, скорее всего, они усвоены разом, минуя критическую фазу, так как у детей еще отсутствует способность осмысленно обрабатывать информацию. Часто добавочным фактором является сильное эмоциональное потрясение, полученное ребенком в том возрасте, о котором он сам ничего не помнит, кроме убеждения, вынесенного из этого опыта. Другие же убеждения, усваиваемые ребенком в процессе социализации, которые взрослые старательно внедряют в его сознание, проходят те же этапы, что и у взрослого человека. «Упрямство» детей относительно простейших, с точки зрения родителей, вещей зачастую объясняется именно тем, что для детей вовсе не является бесспорным и очевидным то, что представляется обязательным их родителям. Последним важно помнить, что источником убеждений стано-

вятся не столько вербальные сообщения взрослых, сколько их поведение в целом. Когда взрослые декларируют какие-то убеждения, а сами своими поступками их же отрицают, ребенок получает весьма неожиданное (и весьма объяснимое) убеждение, что в мире взрослых надо говорить одно, а делать другое...

Нередко бывает, что человек сам себе как будто «не разрешает» добиться успеха, стать более общительным, уверенным, привлекательным и т.п., потому что его желания, цели противоречат его убеждениям. Может оказаться, что в глубине души он считает, что «надо быть скромным», «нельзя требовать ничего для себя», «порядочные девушки не заигрывают с мужчинами», «я ни на что не способен», «я не заслуживаю счастья» и т.д. Такие убеждения называют *ограничивающими*, так как они уже давно не выполняют свою полезную функцию, которую когда-то выполняли, а стали, наоборот, препятствием на пути развития и достижений личности. Именно с такими убеждениями, которые мешают личности стать зрелой, ответственной и счастливой, и можно работать и изменять их.

Переживания клиента Р. по поводу разрыва с любимым человеком усугублялись также целой совокупностью убеждений, которые буквально консервировали его состояния острого горя. Выяснилось, что в основе его представлений о любви лежит убеждение, что «встретить человека, с которым можно построить по-настоящему близкие, теплые отношения, очень трудно, почти невозможно». Из этого убеждения следовали другие: «тот человек, который его покинул, — единственный, уникальный, встреча с ним была чудом» и «надежды встретить такую любовь еще раз нет». Таким образом, непоколебимое представление о том, как устроен мир, в частности о том, каковы люди, его населяющие, имело самое негативное влияние на ход его «выздоровления» после эмоциональной травмы.

Прежде чем приступать к работе по изменению убеждений, необходимо выявить, какие же из них полезны и необходимы, так что их нельзя трогать, а какие стали «вредными», или *ограничивающими*. Для этого от психолога требуется максимально точный сбор информации о структуре убеждений клиента и умение абстрагироваться от собственной системы убеждений как от единственно верной. Ведь у **консультанта тоже могут быть**

свои собственные ограничивающие убеждения (в том числе неосознанные). В частности, решение о том, какие убеждения для клиента хороши, а какие нет, принимает все-таки клиент, а не психолог, хотя со стороны, может быть, и «виднее». Здесь должно действовать жесткое правило: кому жить с этим, тот и решает, и профессионализм психолога состоит в том, чтобы видеть не только свою правду, но и правду другого человека, и не внедрять насильно свои убеждения, хотя, конечно, абсолютно исключить влияние и взаимовлияние в таких случаях невозможно. В частности, некоторые положения гуманистической психологии и философии, на которых основывается вся работа психотерапевта, тоже представляют собой систему убеждений, уже профессиональных, и вряд ли стоит от них отказываться. Даже сама идея о том, что с убеждениями можно работать и их можно менять, в свою очередь в сознании репрезентируется как убеждение, которое не каждый клиент готов принять на веру. Кому-то это может показаться нереальным, фантастическим, а кому-то — кошунственным.

Поэтому **работа с убеждениями затрагивает еще и убеждения насчет убеждений, так называемые мета-убеждения.** Можно ли вообще менять убеждения? Возможно ли сознательно выбирать себе убеждения? Если да, то как тогда относиться к идее личности, которая во многом ассоциируется именно с системой ее убеждений и ценностей? Получается, что можно менять саму личность. Насколько это допустимо с нравственной точки зрения? Как я буду относиться к себе, если я буду менять свои убеждения так, как мне удобно, пусть даже от этого выиграю не только я, но и мои родные и близкие, — как это будет сочетаться с моим представлением о себе? Все эти и многие другие вопросы с неизбежностью возникают, когда приходится работать с убеждениями.

ПРОБЛЕМЫ ВИРТУАЛИСТИКИ

М.А. Пронин, В.А. Завьялова

Философские и теоретические основания биорациональности в средневековом каноне тибетской медицины «Чжуд-ши» и виртуалистика

Сравнительное исследование парадигматической системы традиционной тибетской медицины в каноне «Чжуд-ши» [1, 16 и 17] и современной медицинской виртуалистики (МВ) с целью описания и сопоставительного осмысления теоретической структуры, лежащей в основе биорациональности древности и нашего времени, имеет важное философское, теоретическое и прикладное значение.

Некоторые результаты сопоставления парадигматических подходов современной медицины и традиционной тибетской (канона «Чжуд-ши»), были опубликованы нами в 2003 году [6].

Компаративистика современной виртуальной философии и философии традиционной тибетской медицины проводится в рамках исследования «Трансдисциплинарные измерения биорациональности», поддержанного РГНФ, проект № 07–03–00169а.

Научно-исследовательский проект направлен на обсуждение и решение проблемы «постнеклассической рациональности» (термин В.С.Степина. [8]) в биомедицинской этике – в этике медицины, психологии и биологии. Такой тип рациональности Л.П.Кияшенко и В.И.Моисеев предлагают обозначить термином «биорациональность». Формирование последней с точки зрения предлагаемого проекта созвучно с наметившейся в отечественной биомедицинской этике тенденцией осмысления, обсуждения и разрешения моральных проблем, порожденных новейшими достижениями науки и практики. В проекте

ставится проблема экспликации теоретических оснований и структур биорациональности на материале биомедицинской этики, ее философского обоснования; планируется провести сопоставительный анализ основных мировых и отечественных тенденций развития биомедикоэтического знания.

Медицинская виртуалистика

Виртуалистика – новый парадигматический подход, развивающийся в рамках постнеклассической картины мира, основанный на идеях полионтизма и полионтологичности (т.е. множественности) любой реальности. Относительно психики виртуальный подход был оригинально воплощен Н.А.Носовым (1952–2002) – родоначальником данного направления и создателем Центра виртуалистики Института человека РАН (ЦВ ИЧ РАН) – в концепции виртуальной психологии [3], которая оказалась одним из оснований психологии постнеклассической науки и практической философии.

Виртуальность в виртуалистике противопоставляется не субстанциональности, как в схоластике, а константности. *Константность-виртуальность* являются категориальными оппозициями. Эта оппозиция относительна, т.к. виртуальная реальность может стать константной для следующей виртуальной реальности. Ограничений на количество порождений и свертываний реальностей нет.

Феноменология проблем практики в силу своей природы характеризуется полионтологичностью, что затрудняет ее концептуализацию в рамках моноонтической науки. Как следствие, по поводу одного и того же объекта (феномена) создается масса частных теорий, пытающихся свести полионтологичный мир к какой-то одной реальности. Виртуалистика помогает снять данное противоречие.

В частности, виртуалистика помогает снять проблему экстернализма и интернализма в понимании механизмов (инструментов) научной деятельности, т.к. направлена на сопряжение антропоцентрической и космоцентрической перспектив при решении теоретических проблем постнеклассической ан-

тропологии – проблем понимания теоретической структуры внутреннего пространства человека, как бы мы его ни называли: психологическим, духовным, субъектным и т.д.

Виртуалистика, опираясь на свою теоретическую модель *виртуального человека*, полагает, что любой объект внешней реальности должен быть представлен в реальностях сознания, телесности, личности и воли *внутреннего* человека. Только тогда объект может не просто отражаться человеком, но переживаться человеком актуально, т.е. порождать у него виртуальные реальности, в которых человек может реализовать себя как целостная личность – реализовать свой человеческий потенциал [15] во *внешнем* человеке.

Здоровье и болезнь как состояния человека обладают всеми *объективными атрибутами (признаками) виртуальной реальности*, описанными Н.Носовым и О.Генисаретским [2], а именно: *порожденностью, автономностью, интерактивностью и актуальностью*.

Подчеркнем, виртуальная психологическая реальность рассматривается виртуалистикой не как потенциальная, надуманная, а как актуально существующая и переживаемая человеком. Исходя из факта ее существования, онтологичности, в порожденной реальности действуют свои собственные законы (т.е. она характеризуется *автономностью*) и человек способен, в случае обладания волей, действовать в данной реальности адекватно, т.е. согласно ее законам. Более того, он может *интерактивно* изменять и порожденную, и константную (порождающую) реальность, и даже *модифицировать* самого себя.

Выделяется два типа виртуальных психологических состояний: *гратуалы* и *ингратуалы*, которые порождаются из обыденной (*консуэальной*) реальности человека. Гратуальные состояния («*гратус*» в переводе с лат. означает приятный; грациозная <женщина>, харизматичный <мужчина> – однокоренные слова) переживаются как необычные, в которых человеку удается все с легкостью, практически без усилий. Ингратуальные состояния связаны с развалом текущей деятельности и переживаются как утрата возможности что-либо сделать для коррекции наступившего состояния. Соответственно, здоровье и болезнь можно рассматривать как видовые проявления

гратуальных и ингратуальных состояний человека, обладающие известной устойчивостью, в отличие от других, более скоротечных состояний, таких как утомление или вдохновение.

Для понимания природы виртуальной психологической реальности важно понятие самообраза.

«*Самообраз* – динамический образ, в котором отражается процесс актуализации образа. Самообраз, в отличие от образа и близких ему понятий, таких как: план, функциональный орган, когнитивная карта, паттерн, энграмма и т.д. – отражает в психике ее же текущие, актуальные состояния. В самообразе, в отличие от образа самого себя, представлено не все содержание психики (мировоззрение, самооценка и т.д.), а только выполняемый акт деятельности независимо от того, является ли этот акт внешним или чисто психическим. Самообраз – это табло, на котором отражено текущее, актуальное состояние разворачивающегося образа. Если “образ” и близкие ему понятия вводились в психологический оборот для описания свойств психического отражения внешнего мира, то понятие самообраза важно прежде всего с точки зрения идеи отражения в психике состояний психических же образований. Ощущения характера протекания, актуализации психических процессов в самообразе и есть виртуальные переживания, и эти переживания образуют виртуальную реальность» [9].

Заметим, что раз виртуальное состояние есть состояние, отражающее в самообразе процесс актуализации образа конкретного акта деятельности (совокупности актов) – образа, регулирующего протекание деятельности, то тем самым есть показатель качества протекания и самого процесса деятельности. Поэтому, кстати, эти состояния и были названы *индикативными*.

Итак, виртуальный человек в качестве онтологической структуры представлен реальностью сознания, реальностью телесности, реальностью личности и реальностью воли. Каждая из реальностей в свою очередь также полионтологична (полионтична), автономна, порождается другими реальностями, находясь с ними в актуальных, интерактивных – *динамических* – отношениях.

Поэтому здоровье и болезнь – это виртуальные состояния (виртуалы), которые порождаются непрерывным динамичным взаимодействием реальностей сознания, телесности, воли и

личности человека в ответ на изменение внешней среды, внешних виртуальных реальностей: виртуальная реальность в виртуалистике может быть любой природы.

Данные динамичные взаимоотношения порождают личность здорового или больного человека. В свою очередь, его новая *актуализированная* личность предопределяет чувства, мысли и поведение в реальностях здоровья или болезни. Иными словами, порожденная реальность, здоровье или болезнь, начинает развиваться по своим собственным внутренним, *автономным* законам, которые не могут быть сведены к законам породившей ее реальности.

Понимание природы здоровья и болезни в «Чжуд-ши»

Оговоримся, что согласны с мнением С.М.Николаева – редактора издания первого полного перевода «Чжуд-ши» (см. статью от редактора [17]), что «путь к адекватному пониманию феномена тибетской медицины лежит через введение в научный оборот источников на основе кропотливого, максимально полного определения и идентификации всех понятий и реалий и последующего их комплексного изучения. В то же время *попытки теоретизирования и построения различных, порой весьма привлекательных концепций относительно тибетской медицины без достаточного источниковедческого фундамента не только малопродуктивны, но зачастую могут принести вред, приписывая объекту не свойственные ему качества* (выделено нами. – М.П.)».

Тем не менее С.М.Николаев указывает там же, что «исследование тибетской медицинской литературы обнаруживает в ней значительное число жанров, в большей или меньшей степени связанных со структурой и содержанием канонического трактата «Чжуд-ши». Эта обширная литература, сложившаяся *как комментарий всего текста канона* (выделено нами. – М.П.) или отдельных разделов и глав, свидетельствует о тенденциях распада некогда единого свода теоретических и практических знаний, которым не протяжении многих столетий был «Чжуд-ши», на ряд специализированных дисциплин» [17].

Собственно, позволяя себе некоторый комментарий канонического текста, мы не считаем, что тем самым реализуем «тенденцию распада» единого знания: скорее, работаем в уже сложившемся жанре комментария, пытаюсь осмыслить научное, культурное и историческое значение канона.

Признаемся, работа эта не простая: наше первое прочтение 1988 г., понимание, как легко догадаться, связанное с первым изданием, и современное значительно разнятся. И дело не только и не столько в том, что мы получили в распоряжение первый полный перевод канона, сколько в том, что за эти годы развился наш парадигматический аппарат: был создан виртуальный подход и разработаны его приложения в психологии и медицине.

Коллеги из Сибирского отделения РАН, ведущие данный многолетний переводческий проект, в качестве приоритетных к введению в научный, медицинский, культурный и исторический оборот называют источники по лекарствоведению, объясняя это тем, что *содержащийся в них материал характеризуется наибольшей доступностью для идентификации и экспериментального апробирования* (выделено нами. — М.П.).

Поэтому мы полагаем целесообразным в данной краткой работе-комментарии привести наши соображения, подтверждения и данные по *наименее* доступным для идентификации и экспериментального апробирования положениям канона. Особенно по таким, которые имеют расхождение с преобладающей точкой зрения современной медицины. Из последних выберем также не все, но лишь имеющие отношение к фундаментальным — философским — основаниям биорациональности.

Речь пойдет прежде всего о сопоставлении религиозно-мировоззренческих установок, предопределяющих биорациональность канона, — фундаментальных теоретических построений тибетской медицины — и современного понимания природы болезни и здоровья, разрабатываемого в рамках виртуалистики.

При сопоставлении двух типов биорациональности — виртуальной и средневековой тибетской в каноне — просматриваются некоторые парадигматические аналогии и параллели. Как, впрочем, и с некоторыми установками современной медицины.

Так, близкий к виртуальной парадигме тип соотношения здоровья и болезни постулируется в «Чжуд-ши» (далее цитаты даны по [16]).

Например, «наивысший (лекарь. — *М.П.*) — это тот, кто лечит болезни, являющиеся *плодами* (выделено мной. — *М.П.*) трех ядов», где три яда — страсть, гнев и невежество, которые называются также «болезнями души» и «болезнями причины». Производными от этих «трех ядов» считаются «пороки» в телесной природе человека в виде ветра, желчи и слизи. Последние называются «болезнями тела» или «болезнями следствий».

Этико-соматические рассогласования — давний объект исследований ЦВ ИЧ РАН, а после присоединения Института человека к Институту философии РАН (ИФ РАН) — исследовательской группы «Виртуалистика» как на философском, теоретическом, так и на методологическом и прикладном — практическом, технологическом — уровнях работы [10–12]. Сегодня уже возможно измерение — объективизация — таких рассогласований с помощью эгоскопии [13] — инновационного инструмента эгосоматической медицины [14].

В каноне «Чжуд-ши» говорится, что «цветками» (виртуальными, порожденными реальностями) медицины являются «здоровье» и «долголетие», которые в свою очередь сами могут рассматриваться как константные (порождающие) реальности для трех «плодов» (преуспеваний в жизни): дхармы, богатства и счастья — виртуальных реальностей следующего уровня.

Сегодня общеизвестно, что Всемирная организация здравоохранения, давая определение здоровья, вполне закономерно пытается выйти за пределы оппозиции — отсутствия болезней или физических дефектов — и включает в определение здоровья состояние полного физического, психического, социального и нравственного благополучия человека. По сути определение здоровья, даваемое ВОЗ, полионтологично, что вызывает вполне закономерные нарекания современной медицины: на неопределенность (неопрационализированность определения) для практикующего врача, деятельность которого сведена к реальности телесности и отчасти к реальности сознания больного; на декларативность — идеалистический статус такого определения, не подкрепленного соответствующим ин-

струментарием; на «выход» определения здоровья за рамки социально признанной ответственности медицины (духовное и социальное благополучие лежит вне реальности воли медицинского сообщества).

Данный факт отражает редуцированность мировоззрения современной медицины. По классификации лекарей в «Чжуд-ши», это всего лишь лекари обычные: *«Друзьями живых существ являются те, которые следуют традиции сострадания и имеют в этом опыт, а враги жизни те, которые ради наживы приобрели какие-то (знания)»*.

К слову, классификация лекарей в «Чжуд-ши» полионтологична, потому что включает и *этическое* основание для такой, имеется в виду следующая сентенция: *«Вообще лекари делятся на хороших и плохих»*.

Кроме объективных признаков виртуальной реальности, имеются 8 субъективных (Т.В.Носова, [5]), переживаемых человеком, попавшим в виртуальную психологическую реальность. Это так называемые *субъективные свойства виртуала*: его непривыкаемость, спонтанность, фрагментарность, объективированность, а также измененность статуса телесности, статуса сознания, статуса воли и статуса личности попавшего в него человека.

Статус личности больного человека, согласно канону «Чжуд-ши», характеризуется «плачем, стенаниями и бессилием больного», то есть измененными статусами телесности (плач), сознания (стенания) и воли (бессилие). Данная феноменология вроде бы подтверждается и современной медицинской, использующей для описания клинической картины заболевания жалобы больного и изменения нормальных характеристик течения психофизиологических процессов в организме.

Кстати, обращаем внимание, что сама структура канона тибетской медицины построена по полионтологичному принципу и в виртуальной логике. Она состоит из трех основных разделов (тантр): *«Тантры основ»* (статус телесности врача, т.е. мировоззрение), *«Тантры объяснений»* (статус сознания врача), *«Тантры наставлений»* (статус воли врача) и одной *«Дополнительной Тантры»* (личность врача), что в совокупности должно ввести молодого специалиста в виртуальную реальность врачевания, т.е. породить его новую добродетель (*virtus* – лат.). Рит-

мический — поэтический — характер самого текста канона также способствует порождению виртуальных событий (состояний) у будущих врачей, помогает им входить в подобающее рабочее состояние — в состояние врачующего.

Вот одна из профессиональных мировоззренческих установок для начинающего врача, касающаяся как канона, так и профессии в целом.

«Эти слова не следует записывать, а надо усвоить их смысл (реальность сознания — статус сознания; здесь и далее в скобках примеч. наши. — М.П.).

И смысл этот бережно хранить в сердце (реальность телесности — стать / быть врачом в психофизиологическом плане).

Наставления не делай упражнением для языка, а усваивай их суть (дается характеристика результата — эффекта обучения: события во внутреннем пространстве обучающегося человека).

Не удовлетворяйся знанием только лекарств и процедур, а занимайся глубочайшим изучением (теории) (многие увидят параллели с современными принципами проблемного обучения, недопустимостью «фельдшерского» подхода в подготовке врачей и т.д.).

Никогда не считай себя старым для постижения истины» (реальность личности, можно сказать, установка на эпистемологическое — профессиональное — долголетие).

Тем не менее современная массовая медицина полагает существующей только патоморфологическую картину болезни (вспомним известную медицинскую шутку: «Патологоанатом — лучший диагност»), т.е. статусом существования (онтологией) обладает только реальность телесности, в которой отражаются и болезнь, и здоровье обследуемого и к которой пытаются свести все заболевания, в том числе и психиатрические. Конечно, тело, на первый взгляд, наиболее константное образование в человеке.

Сознание больного рассматривается в основном как вспомогательная реальность для диагностики (жалобы больного), оценки степени тяжести неотложных состояний, связанных с нарушениями сознания, и проведения некоторых медицинских процедур, например психотерапии. Здесь-то и возникает многообразная казуистика современной медицины, связанная с теорией нормы, когда нормирование здоровья как полионтологического объекта пытаются провести по одному онтологиче-

скому основанию, стараясь разрешить данное качественное противоречие статистическими методами за счет закона (феномена) перехода количества наблюдений в новое качество — выявление общей закономерности.

В отличие от современной медицины, тибетские врачи, имея в основе полионтологичную парадигму медицинского знания, считали возможным постановку диагноза через оценку состояния родственника больного. То есть по оценке статуса телесности родственника, по его пульсу, в котором отражался семейный виртуал болезни, они могли поставить диагноз больному. Наши исследования это подтверждают.

Метафорически можно утверждать, что соматическое заболевание — это член семьи больного. Вокруг этого «невидимого» члена семьи все и «пляшут». Болезнь для них — это реальность, обладающая статусом существования, которую они актуально переживают. Как только болезнь порождается, меняется семейная виртуальная реальность, которая интерактивно меняет статусы телесности, сознания, воли, личности всех близких больного. Поэтому через членов семьи страдающего тем или иным соматическим заболеванием можно вести большинство возможных направлений медицинской и психологической работы.

Что более очевидно или менее спорно, так это то, что некоторые психосоматические расстройства требуют семейной психотерапии: данный факт стал общим уже местом и в современной медицине.

Пока вызывает недоумение или вопросы вот что: почему одно возможно рассматривать как объективную проблему, а другие феномены, на наш взгляд, той же природы следует трактовать или как архаичные, или как заблуждение средневековых врачей, тибетских в частности?

Вот некоторые примеры пульсовой диагностики из канона.

«Семь удивительных пульсов, которые о домашних делах, гостях, врагах, прибыли и демонах дают предсказания, по ним же гадают, меняя места Огня и Воды, и гадают о ребенке в утробе.

О первом <гадание о домашних делах>.

Уходит в глубь и слабеет — таков пульс скверны.

Словно туманом закрыт и доносится слабо — предвещает горе.

Пульс, как горчичное зерно , — от страдания не избавиться.*

Пульс, как бурлящий горячий источник, — к сплетням и пересудам.

Пульс, как рвущиеся языки пламени, — к убытку.

Если пульсы наблюдаются на сосуде самого, то эти предсказания относятся к тому, на чьей руке гадают.

При появлении их на сосуде матери предсказание относится к его матери или дяде,

На сосуде сына — к сыну и внуку, на сосуде друга — к имуществу, врага — к врагу.

О гостях гадают по руке того, кому дорог этот гость.

Сильно бьется пульс печени, легких, селезенки, почек — значит, гость совершенно еще не тронулся в путь, близко подъехал, скоро прибудет или же в гости едет враг — так это толкуется.

Или же бьется сильно пульс самого или матери — гость не тронулся с места, бьется пульс сына — выехал, врага — гость сейчас подъедет.

Гадание об исполнении задуманного дела.

Если усилены пульсы сердца, печени, почек, то (соответственно) будет помеха, исполнится дело, вернется с пустыми руками.

Если усилен пульс врага — дело не сбудется, друга — сбудется.

Гадание о враге.

Если при наступлении сильно бьется пульс легких — к победе, если почек — к поражению, дух врага будет выше.

Или же пульс врага бьется сильно — это к победе, а если пульс самого бьется, как должен биться пульс врага, — к поражению.

Если при вражеском наступлении пульс будет, как выше, — враг проникает (на территорию), а если сильны пульсы самого или матери — вторжения не будет.

Гадание о прибыти по пульсу владельца имущества.

Бьется сильно пульс печени — к прибыти, убытка не будет. Ослаблен пульс сердца и почек — ожидается убыток.

Очень хорошо, когда при гадании о прибыти бьется пульс друга.

Если бьется пульс матери — это посредственно.

Если пульс сына — прибыти нет; врага — прибыль присвоит враг.

Гадание о демонах.

Плохой пульс Дерева говорит о вреде со стороны гнийан и ргй-по.

* «Горчичное зерно» — пульс как будто остренько покалывает палец лекаря.

Плохой пульс Огня – вредят цан и бдуд; Железа – ргйал-по и дкор-бдаг; плохой пульс Земли – са-бдаг и ма-мо; плохой пульс Воды – клу, клу-срин и дам-сри.

Неровен пульс сына – вредят “дре со стороны отца и матери; неровен пульс сына – вредят “дре со стороны братьев матери, детей или внуков;

неровен пульс врага – вредят “дре, которого наслали враги; неровен пульс друга – “дре, который пришел в дом с какими-то вещами; неровен пульс друга – “дре, который пришел с другом.

Изменение места Воды и Огня <метод гадания по пульсу клиента о судьбе его близких>.

Болеет отец – гадают по руке сына.

Если полон пульс печени – выздоровеет, не полон – умрет.

Усилен пульс матери – выздоровеет, ослаблен – умрет.

Если болеет сын – гадают по руке отца.

Полон пульс сердца – выздоровеет, не полон – умрет.

Усилен пульс сына – выздоровеет, ослаблен – умрет.

Точно так же гадают по рукам матери и дочери.

При болезни мужа – смотрят пульс жены.

Не полон пульс печени – умрет, полон – выздоровеет.

Жена заболела – смотрят пульс мужа.

Не полон пульс печени – умрет, полон – выздоровеет.

Или же о муже гадают по пульсу друга, о жене – врага.

Если они усилены – выздоровеет, ослаблены – умрет.

Пульс беременных выпуклый и словно туго скрученный (шнур).

Если пульс правой почки сильнее – родится мальчик, если левой сильнее – девочка.

Пульс плода.

Если пульс матери бьется, как должен биться пульс сына, то этого ребенка будет легко вырастить, а если как врага – тяжело».

В большинстве случаев речь идет о семейном, групповом пространстве, на языке виртуалистики – о виртуале. О его измерениях. В каноне – с помощью пульса либо самого человека, либо пульса его родственника.

С одной стороны, данные измерения выглядят несколько «чудесно», с другой – этико-соматические проявления у участников социального, семейного и даже внутриличностного конфликта общеизвестны.

К сожалению, современная медицина виртуальные феномены либо не фиксирует, либо с ними не работает, либо не может объяснить их природу. В этом отношении мировоззрение современной медицины по сути своей ушербно.

Как показывают наши работы, впрочем, мы уверены, что к многим нижеприведенным примерам опытные коллеги присоединятся: виртуал болезни может быть развернут из реальности телесности в результате дисфункции любого из органов человеческого организма, что блестяще демонстрирует современная медицина. Из реальности сознания — всем известны ятрогении (болезни, вызванные неквалифицированным обращением медицинского персонала). Из реальности личности — можно взять наблюдения из сферы определения профессиональной пригодности человека. Достаточно типичны факты в военно-морской медицине, когда моряк признается военно-врачебной комиссией годным к службе на подводных лодках, но негодным к обучению на очном факультете военной академии: вся оставшаяся личная жизнь — сплошное отражение болезни. А личность — это уже и социальный контекст (реальность), поэтому можно сказать, что хрестоматиен случай, относящийся к 20-м гг. XX в., который произошел в результате события в статусе личности летчика: первый председатель первой врачебно-летной комиссии в СССР был застрелен летчиком, признанным комиссией негодным к летной работе.

Так вот, теоретическая виртуалистика полагает, что любой объект любой из реальностей может вызвать (породить) заболевание. Поэтому при разработке новых методов лечения алкоголизма [4] Н.А.Носов задался отнюдь не риторическим вопросом: «Если любой объект теоретически может вызвать алкогольный виртуал, то может ли, например, камень породить приступ (запой) при алкоголизме?» Как говорят, «не прошло и трех дней», Ю.Т.Яценко, с которой они делали первые шаги в направлении виртуальной медицины и психологии, описала случай течения алкоголизма, когда у больного императивный позыв к употреблению алкоголя вызывал вид бюста Ленина, т.е. камень. Данный факт был связан с тем, что пациент в начале течения болезни частенько распивал алкогольные напитки со своими товарищами после работы рядом с памятником Ленину.

Не менее важным считаем возможность решения обратной задачи: лечение многих заболеваний возможно из любой реальности человека. Установлено, что у человека имеется собственная «партитура» болезни и здоровья, которая может быть страдающим изменена с помощью аретевта. *Аретея* — это новый тип практики, в основе которой лежит виртуальная парадигма, рассматривающая здоровье и болезнь как порожденные виртуальные состояния, не сводимые к одной из реальностей человека. Так, достаточно эффективными показали себя методы аретей бронхиальной астмы. Устранение болезни, ее девиртуализация может быть проведена, например, из реальности сознания больного. *Аретевт* — человек, проводящий аретею, может помочь аретенту (больному) изменить собственный статус воли, который позволяет страдающему устранить свое заболевание или купировать приступ, не поддающийся лечению (купированию) современными медикаментозными средствами [7].

Мы использовали слово «страдание» вместо «заболевание», так как болезнь — нозология — отражает нозологический подход, сужающий виртуальную картину проявления тех или иных расстройств у человека до клинического течения болезни, имеющей патоморфологическое основание. Клиницисты тут, конечно, отмечают, что современная медицина уже выделяет донозологические состояния или предболезнь. Это, несомненно, шаг вперед, но, как мы теперь понимаем, исключительно в феноменологическую сторону... Приборы становятся точнее, методы обследования изощреннее, все это дает мощный феноменологический пласт, фиксируемый в статусе телесности человека, от которого современная медицина отмахнуться уже не в силах, но объяснить данные научные факты еще не в состоянии, ограничиваясь концепцией ничего не объясняющей «психосоматики».

Этические основания деонтологии в «Чжуд-ши»

Весьма интересны этические основания биорациональности, деонтологии в частности, в тибетской медицине.

Например, можно рассмотреть причины отказа больному в оказании медицинской помощи.

*«Отказаться от больных можно в двух случаях:
когда есть средства лечения и когда их нет.*

О первом случае: не братья за больных, которые ненавидят Будду, монахов и живых существ, неблагодарных, не отвечающих на заботу лекаря, торопливых, бедных, непослушных, исчерпавших срок жизни, подавленных духом, и врагов религии, ибо можно испортить свои отношения с другими.

Есть средства или нет — от таких лучше отказаться.

Отказываются, ссылаясь на отсутствие средств, от запущенных больных, от тех, у кого уже появились признаки смерти, от больных, охваченных девятью болезнями, обрывающими жизнь».

Если тезис, резон с отказом в оказании *лечебной* помощи умирающим больным в общем-то понятен, то отказ в оказании помощи по биоэтическим (социально-психологическим) основаниям представляется очень интересным и требующим прицельного рассмотрения и обсуждения.

Прагматичны и современны психологические стратегии взаимодействия врач-больной в каноне: лечение и само появление врача может (и должно быть!) подобающим образом «оставлено», преподнесено.

Вот еще одна иллюстрация.

«Уловки и хитрости, применяемые при обследовании, включают: “определение проявлений болезней”, “выяснение того, что случилось”, “тянуть время”, “обследовать последствия”, “заставить говорить”, “рот заткнуть”, «ясность вносить», “попал в тупик”.

Лекарю, знающему проявления общих и частных болезней, достаточно сказать: “Здесь болит”, — и он сразу же поймет, в чем дело.

Но для этого необходимы навыки и опыт.

Ведь умение разбираться в качестве драгоценностей зависит не только от книг, хотя без них не обойтись.

“Выяснение того, что случилось”. Лекарь может опросить гонца, что болит у больного, как болит, чем лечили, кто лечил, сколько дней прошло и т.д., чтобы потом сделать вид, что ему и без слов все ясно.

“Тянуть время”. Не торопясь, побыть около больного, словами и действиями выяснить в беседе все, что ему нужно.

“Обследование последствий”. Выявив, как действуют на больного кровопускания, прижигания и лекарства, назначенные ранее, можно определить, жар у больного или холод.

“Заставить”. Больной не хочет разговаривать. И если лекарь не может болезнь определить, то во избежание дурной славы пусть не делает больному еще хуже, а совершит обряд против демонов и пробормочет, что “ему могли бы помочь такие-то лекарства”.

Тут больной не выдержит и скажет: “Здесь болит, как лечить?”.

“Рот заткнуть”. Если, принимая некоторых больных, лекарь сразу определит болезнь, он может прервать больного словами: “Что и где болит – лекарю виднее, можете не продолжать”, – и ясно описать его болезни – все будут восхищены.

“Вносить ясность”. Лекарь может сказать: «При обследовании другие лекари используют много разных методов сразу, смотрят пульс, мочу, спрашивают: “Где болит?”, не то что я – я определяю болезнь только по одному методу».

Такой лекарь прославится как лекарь, который с одного только взгляда определит болезнь, или же как чрезвычайно искусный в тонких методах обследования.

“Попал в тупик”. Все вышеописанные методы могут оказаться тщетными – лекарь не разобрался в болезни; в таком случае он, не теряя достоинства, должен “отступить в свою крепость” двумя способами.

Первый: говорить, что у больного питание и образ жизни неподходящие, что вредят демоны, что болезнь от якобы несвежего, прокисшего, сырого, и назначить лекарства, не оказывающие действия на жар и холод.

Второй: сыпать названиями болезней и лекарств, о которых никто не слышал. Это вызовет удивление у больных и близких. Хотя они ничего не поймут, но лекаря сочтут толковым».

Рекомендации ясны, понятны и просты. Во многом не устарели до сих пор. Современность их связана с их «психофизиологичностью» – антропологической глубиной, неизбывной, – адекватной и современному человеку.

На этом фоне, на наш взгляд, вскрытие парадигматической системы древнетибетской медицины с использованием виртуального подхода может стать важным фактором развития постнеклассической биорациональности и философии современной медицины. Фактором, задающим понимание генеза и истории развития биорациональности.

Литература

1. Атлас тибетской медицины: Свод иллюстраций к медицинскому трактату XVII века. Альбом. М.: Изд-во АСТ-ЛТД, 1998. 592 с.
2. *Носов Н.А., Генисаретский О.И.* Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора // Тр. ГосНИИГА. Авиацион. эргономика и подготовка летного состава. Вып. 253. М., 1986. С. 147–155.
3. *Носов Н.А.* Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с. (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 6).
4. *Носов Н.А., Яценко Ю.Т.* Параллельные миры: Виртуал. психология алкоголизма. М.: ИЧ РАН, 1996. 128 с. (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 2).
5. *Носова Т.В.* Психологические признаки виртуального состояния в деятельности пилота // Авиамедицинские и эргономические исследования человеческого фактора в гражданской авиации. Тр. ГосНИИГА. Вып. 294. М., 1990.
6. *Пронин М.А.* Здоровье как онтологическая проблема // Здоровье человека: социогуманитарные и медико-биологические аспекты. М.: ИЧ РАН, 2003. С. 77–83. См. также: Устойчивое развитие. Вып. 4–5: Постнеклассическая наука: проблема человека. Материалы межрегион. Филос. семинара (8–9 окт. 2002 г.). Улан-Удэ, 2003. С. 285–297.
7. *Пронин М.А.* Случай Фаины // *Носов Н.А.* Виртуальный конфликт: виртуальная социология медицины. М., 2002. С. 105–135.
8. *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
9. *Носов Н.А.* Словарь виртуальных терминов. М.: Путь, 2000. 69 с. (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 7). *Примечание:* весь словарь можно найти на сайте: www.virtualistika.ru.
10. *Юрьев Г.П.* Виртуальный человек в экстремальных условиях // Тр. Лаб. виртуалистики. Вып. 9. М., 2000. 61 с.
11. *Юрьев Г.П., Юрьева Н.А.* Виртуальная медицина: теория и практика триалектической аретеи // Тр. Лаб. виртуалистики. Вып. 16. М., 2001. 102 с.
12. Виртуальная этика здоровья и страданий человека / *Г.П.Юрьев, Н.А.Юрьева, Е.И.Лебедь*; Под ред. Р.А.Вартбаронова; ИЧ РАН; Поликлиника № 1 РАН. М.: Наука, 2004. 359 с. (Тр. Центра виртуалистики. Вып. 25).
13. *Юрьев Г.П., Скоморохов А.А., Чеховский Л.В., Тищенко А.А., Буйнов А.А., Лебедь Е.И., Харламова Н.И.* Эгоскопия: смысло-физиологическая диагностика человека // Переход на новую модель здравоохранения: мед. и др. технологии: к 60-летию Поликлиники № 1 РАН / Ред.-сост. Г.П.Юрьев. М., 2006. С. 203–217.
14. *Юрьев Г.П.* Эгосоматическая медицина // Переход на новую модель здравоохранения: мед. и др. технологии: к 60-летию Поликлиники № 1 РАН / Ред.-сост. Г.П.Юрьев. М., 2006. С. 218–241.

15. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода /Под ред. И.Т.Фролова. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 176 с.

16. «Чжуд-ши» – памятник средневековой тибетской культуры /Пер. с тибет. Предисл. Д.Б.Дашиева, С.М.Николаева. Новосибирск: Наука, 1988. 349 с.

17. «Чжуд-ши» – памятник средневековой тибетской культуры /Пер. с тибет., предисл., примеч., указ. Д.Б.Дашиева. М.: Издат. фирма Вост. лит. РАН, 2001. 766 с.

Деторождение в народном мировоззрении

1. Об изучении женского знания

Наши исследования деторождения, начатые в 1980-х гг., в значительной мере были стимулированы изданием сборников по этнографии детства, составленных этнографами-специалистами по разным народам мира под руководством И.С.Кона¹. Большую роль в получении рабочих гипотез, с которыми автор выезжал «в поле» (народы северного и южного Кавказа, Сибири, восточнославянские народы), сыграли публикации по соответствующей теме вообще в отечественной литературе, впрочем, довольно разрозненные и получившие определенную проблемную направленность только в упомянутых сборниках, а также проработка соответствующей дореволюционной литературы. Из зарубежных исследований следует высоко оценить французские работы – целые монографии и статьи, отраженные главным образом в журнале «*Ethnologie française*».

Основные наши рассуждения, давшие предварительную ориентацию в собираемом материале, сводились к следующему. Представления и поведенческие акты, связанные с появлением на свет ребенка, в культурах разных народов, в том числе и в абхазо-адыгской, изучавшейся с особенным вниманием, обнаруживают разнохарактерные компоненты, которые трудно выстроить в какую-либо эволюционную линию. Среди самых развитых народов можно встретить бытование родильного представления или обряда, совершенно аналогичных тем, которые известны австралийцам или папуасам.

Вывод, который мы сделали из этого наблюдения, состоит в признании родильных представлений, поведенческих актов и обрядов относительно самостоятельным блоком традиционно-бытовой культуры. Само по себе это требует от этнографии разработки специальных методологических и методических приемов.

В биологической и психологической науках в последнее время происходит все большая ориентация на утробную, натальную и постнатальную фазы развития человека, в которых формируются многие детерминанты последующего поведения взрослого человека. Такие проблемы широко обсуждались на состоявшемся в 1980 г. в Тбилиси Международном симпозиуме по бессознательному². Исследования такого рода уже повсюду ведутся как в смежных с этнографией дисциплинах, так и в самой этнографии. Традиционная для мифологии тема соотношения сознательного и бессознательного на современном этапе выглядит как проблема пренатального, зародышевого сознания человека. Как констатирует Т.Я.Елизаренкова, «идея связи эмбриологии и космогонии, предчувствуемая и ранее, за последние 10–15 лет стала ведущей среди специалистов, занимающихся изучением древней культуры»³. Эти слова взяты из предисловия Т.Я.Елизаренковой к публикации трудов голландского индолога Ф.Б.Я.Кейпера на русском языке. Статья из сборника Кейпера – «Космогония и зачатие: к постановке вопроса» – была опубликована еще в 1970 г.⁴ и служила одним из оснований разработки нашей программы.

2. Рождение человека как предмет междисциплинарного исследования

Суть построений Кейпера вкратце такова. Он рассматривает ведийскую креационную мифологию, выразившуюся в борьбе Индры с Варуной, как отражение индивидуального человеческого телесного опыта, который имеет источником момент зачатия, развитие плода в утробе матери и появление его на свет. Один из моментов таких впечатлений – приближение мужского семени к женскому яйцу и их конфликтные взаимодействия⁵.

На абхазском материале, собранном в 1980–1986 гг., родильные представления стали обрисовываться для нас более сложно. Выявились два компонента со своей спецификой поведения. Один из этих компонентов сводится к тому, что плод внутри тела матери формируется из мужской субстанции, передаваемой семенем. При всей ошибочности это представление выглядит внешне *физиологическим*, так как касается процессов, идущих в человеческом организме. Поведенческие особенности этого компонента будут показаны ниже. Но наряду с таким «физиологическим» комплексом обнаружился другой, где представление о зачатии и соответствующее поведение основываются на идее *переселения зародыша жизни* в тело матери. Здесь представлен взгляд, аналогичный концепции непорочного зачатия. Эти компоненты переплетаются, они прослеживаются не всегда четко, и обрисовать их полнее на основании полевых материалов еще предстоит.

Оба компонента оказались связанными с комплексом специфических мер, направленных не только на ребенка, но и на родителей. Так, например, абхазо-адыгский свадебный ритуал с возвращением невесты в дом своих родителей на основе фольклорного (приход Сатаней к камню на берегу реки для рождения героя Сасрыквы) и сравнительно-этнографического материала (приход женщины у австралийцев в «центр размножения» вроде пещеры на берегу водоема) мы смогли реконструировать как один из актов родильной деятельности. Красноречивое доказательство того, что рождение человека не заканчивается родами, — разнообразные, способы воздействия на тело грудного ребенка, воспринимаемые как стремление к идеалу красоты, но по сути являющиеся «*доделыванием*» его тела. Эти и подобные факты подчеркивают культурологические аспекты темы рождения человека, которое, следовательно, не сводится только к зачатию и эмбриональному состоянию.

Отсюда возникает необходимость реконструировать всю антропологическую картину рождения человека, которая не сводится к единовременному акту родов. Появление ребенка на свет не завершает его рождение, а служит собственно начальной фазой цикла, который будет длиться до приобретения ребенком нормальной человеческой субстанции. Поэтому мы

должны говорить не просто о рождении человека, а о целом цикле порождения человека с момента родов до момента соматической зрелости, которая в системе каждого из компонентов наступает в разное время: в первом цикл рождения ритуально затягивается до половой зрелости индивида, во втором он заканчивается раньше, с выпадением у ребенка молочных зубов. Соответственно можно говорить о психологически-поведенческих установках восприятия зачатия в двух компонентах — мужском в первом случае и женском во втором. В данной работе мы касаемся главным образом последнего. Поведение, связанное с выпадением первого зуба, в достаточной мере доказательно, по нашему мнению, чтобы сформулировать проблему не как акт, а как цикл порождения человека.

3. Как говорить об эзотеричном?

Изложение материала по абхазо-адыгским народам: абхазам, абазинам, адыгейцам, черкесам и кабардинцам — требует несколько предварительных замечаний. Они касаются не просто запретности вопросов, связанных с рождением человека, для публичного обсуждения, хотя и это обстоятельство при учете традиционного ограничения поведенческого общения людей разных полов в данных культурах приходилось иметь в виду в нашей работе. Трудности такого рода в начале исследования в 1980-х гг. казались почти непреодолимыми. Естественно, что этнографу-мужчине было легче начинать беседы на данную тему с мужчинами. Но здесь известным препятствием оказалась непрестижность для мужчин разговоров на «женские» темы. Это обстоятельство смогли преодолеть интеллектуально развитые информанты-мужчины, быстро реагирующие на стремление со стороны этнографа вести разговор в серьезном тоне. По возможности глубокое и детальное рассмотрение темы этнографом всегда вызывает уважительную реакцию собеседников, будь то мужчины или женщины.

Тематика предшествующей беседы, посвященной проблемам здоровья и медицины, всегда способствовала переходу к вопросам, связанным с рождением детей. Положительно ска-

зывалось также то, что этнограф в данном случае по своему возрасту приближался к старшим возрастным группам информантов, для которых этикетная табуация запретных тем публично-го обсуждения снижена (но не при большом возрастном разрыве беседующих).

Обсуждение темы рождения человека считается монополией женщин, и получение информации от них — наиболее трудная, но и интересная сторона нашего исследования. Безусловно, что женщины более мужчин обеспокоены вопросами рождения детей, своим и детским здоровьем. Это принятые темы разговоров в женской среде. Вмешательство в эти сюжеты мужчины-этнографа может быть воспринято с недоумением. Но если у последнего обнаруживается серьезное и внимательное отношение, сопровождаемое уместной шуткой, это вызывает большое доверие. Оно бывает иногда удивительно большим. И здесь, по всей вероятности, может сказываться та же психологическая женская установка, по которой мужчина-гинеколог часто считается лучшим врачом, чем его коллега-женщина.

В нашем случае как положительный фактор действовало также то, что интервьюер является не местным жителем, а приезжим, занимающимся данным вопросом для науки. Одна из пожилых моих собеседниц, призывая своих подруг отнестись со вниманием к нашей работе, выразилась так: «Человек приехал издалека, все записывает, давайте относиться серьезно». Кстати говоря, эта старушка-кабардинка Маржанат Танова (ориентировочно 1905 г. рождения) из аула Карагач разрядила неловкую вначале атмосферу такой шуткой. Когда к нашей группе подошла Куна Цагова (ориентировочно 1915 г. рождения), еще ничего не знавшая о теме беседы, то Маржанат сказала, что «сейчас у нас молодые женщины стали мало рожать, вот из Москвы человек приехал — нас, старушек, обязывают».

Конечно, наша работа с женщинами шла успешнее при отсутствии мужчин. Это понятно и без особых объяснений. Но обнаружение факта, что материал дается полнее при отсутствии детей, требует того, чтобы на нем остановиться подробнее. Это возникает под воздействием двух причин. Одна из них — традиционное перекрывание в абхазо-адыгских культурах сексуальной и «родильной» информации на пути от старших род-

ственников к младшим. Здесь мать не выступает для дочери тем близким человеком, с кем можно поделиться заботами, связанными с половым созреванием. Мать может лишь косвенно, а не прямо узнать об этом и так же тактично чем-то помочь дочери. Это же распространяется на соответствующее отношение отцов к сыновьям. Другая причина обсуждаемого факта касается больше грудных детей, которые окружены как бы магически защищающей их сферой запретов и предосторожностей, и вторжение в эту сферу постороннего человека явно неуместно.

При всем этом вопросы этнографа-мужчины, скажем, о беременности и родах в конце концов считаются естественными, поскольку понятно его незнание, как и желание получить необходимую информацию. Это же желание объяснимо для молодого человека, особенно девушки-старшеклассницы, но воспринимается настороженно со стороны чужой замужней женщины, ведь она «все сама знает».

Вот эти предварительные замечания нужно закончить еще одним, а именно проявлением общекультурной грамотности и гражданственности, выражающихся в обеспокоенности падением рождаемости вообще в России и у данных народов в частности.

4. Идеал ребенка

Среди мер, направленных на достижение «красоты» ребенка, наиболее популярны у абхазо-адыгских народов разглаживание бровей ребенка, вытягивание его носа, прижимания ушей к голове с помощью косынки или шапочки, тугое пеленание ног — «чтобы прямые были» и т.п.

Подобные действия по отношению к новорожденному и грудному ребенку во французской литературе были определены как «*перделка тела*»⁶. Такой угол зрения первоначально казался правильным. Он как будто соответствовал хорошо известным в этнографии таким способам ритуального обращения с телом больного ребенка, как «перепекание» в печи и «перековка» в кузнице. Но конкретные наблюдения обращения родителей и взрослых вообще с ребенком в Абхазии в 1980—1983 гг. показали, что меры, направленные на здорового ребенка, не однозначны с ле-

чением и ритуальным обхождением с ребенком больным. Если в последнем случае налицо действия, имеющие характер «переделывания» тела ребенка, то обращение с нормально развивающимся ребенком можно скорее назвать «*доделыванием*».

В пользу этого свидетельствует, помимо самого характера воздействий, этимология названий новорожденного и грудного ребенка в абхазском и абазинском языках: апшка — «мягкий». Последующий рост и развитие ребенка — постепенное его «отвердение». Камень обычно в той или иной ситуации символизирует этот процесс. Так, у всех абхазо-адыгских народов считается, что у грудного родничок зарастает тогда, когда ребенок сможет выговорить слово «камень».

Обращение к этнографии других народов подтвердило символику такого характера. Так, у арабов Палестины новорожденного три дня натирают солью, а на четвертый и пятый день оливковым маслом с куском закваски. Закваска нужна, чтобы ребенок «закис» и хорошо спал. Эту закваску берут в семье, где имеется много мальчиков⁷.

Аналогичное символическое использование закваски у абхазо-адыгов нами пока не отмечено, хотя есть косвенные данные, подтверждающие вхождение закваски в семантический круг «твердого» и участие ее и приготовленного сыра в символическом поведении, связанном с детством. Так, у абхазов, чтобы закваска была сильная, «крепкая», нужно куском ее коснуться чьей-либо головы: взрослого, ребенка, даже собаки или кошки. Фигурки из твердого копченого сыра, обычно в виде кружков, баранок или даже изображений животных, абхазские пастухи приносили с гор после летнего пастбищного сезона и отдавали детям. В Музее этнографии народов СССР в Петербурге хранится изображение тура⁸. Такие фигурки были игрушками и пищей одновременно. У адыгов существовал обычай в случае рождения мальчика устраивать игру-состязание, называющуюся «подвязывание копченого сыра». Сыр подвешивали на перекладине, опирающейся на высокие, в 6 м и больше, столбы. Рядом с сыром прикрепляли промасленный кожаный ремень, по которому молодые мужчины должны были добраться до сыра и откусить кусок⁹. У шапсугов лезть за призом, куда входил и копченый сыр, нужно было по гладкому столбу¹⁰.

Очевидно, с метафорой рождения как акта еды был связан абхазский обычай в помещении, где происходят роды, подвешивать старинный медный котел для варки мяса. Он висел недели три до специального обряда, посвященного новорожденному.

Факты такого рода характеризуют восприятие младенческого возраста в культуре абхазо-адыгских народов как постепенного перехода из мягкого, неготового состояния в твердое, готовое. Поскольку такой «кулинарный код» — лишь один из способов превращения новорожденного в полноценное человеческое существо и он дополняется мерами прямой физической правки, то весь такой комплекс и соответствующий период следует охарактеризовать как «доделывание».

С выводом о «доделывании» детского тела сразу возникает уже отмеченная проблема: появлением на свет ребенка в изучаемой культуре еще не заканчивается его рождение. Осмысление этой проблемы потребовало обращения к изучению самых интимных сторон жизни, связанных со сближением полов и зачатием.

5. Натурфилософские взгляды, связанные с зачатием

Специфика сбора материала по рождению ребенка была достаточно обрисована выше. Собирать данные о половой жизни — еще более трудная задача, и вряд ли она доведена нами до необходимой полноты. Но достаточное основание для характеристики физиологических представлений наш материал дает.

Половая близость, отраженная в лексике абхазо-адыгских народов, может быть представлена терминами двух семантических кругов. Первый из них условно назовем женским, потому что данная терминология чаще встречается в речи женщин, и он семантически отражает приближение к женщине и такое воздействие на ее тело, которое мыслится «правильным», т.е. дающим ему какую-то переделку с улучшением или восполнением. Это термины сближения: «подошел», «приблизился», «попал вместе», «пожил». Все эти понятия этимологически близки к абхазскому слову для течки у животных: *апшьталара* (букв.

«догонять», «смыкаться»). Термины восполнения: «сделал», «насытил», «сделал правильным», «переделал», «обошелся по-мужски». В такой семантический круг входит обозначение полового акта в абхазском и абазинском языках термином с основой *ку*, входящей в состав слов, обозначающих архаические процессы обработки, вроде обтесывания камней, например *акуара* – «обтесывать жернова», второе значение «точить»¹¹. Сношение с женщиной без ее желания или даже насильное обозначается словами «поиграл», «подчинил», «сломал», «убил».

Второй семантический круг следует назвать мужским. Это, как правило, термины, встречающиеся в речи мужчин и обозначающие разъятие женского тела, нанесение ему ущерба. Термины разъятия: «пырнул», «пилил» (у абазин буквально «развалил на две части»), «поломал». Мужским эвфемизмом полового акта у кабардинцев является выражение «оседлал лошадь».

Два основных круга значений терминов полового акта объясняют теперь широко распространенное у разных народов использование термина «нога» для мужского члена. С этим фактом мы входим в область всемирно представленной универсалии, в которой мужской член выступает *отделяемым органом*. Эта универсалия имеется уже у австралийцев: в их тотемных мифах предок, возжелавший женщину, не нашел другого способа соединения с ней, как только отделить свой член, который как змея к ней приблизился¹².

Такая универсалия Жоржем Деверо была включена в более широкую категорию «изолированных органов». Он отнес в последнюю, помимо изображений мужского детородного органа, такие мифологические факты, как выращивание другой женщиной ребенка Рахили, один глаз и один зуб на трех грай-сестер горгон, передачу кентавром Хероном бессмертия Прометею и некоторые другие сюжеты¹³.

Все эти примеры прямо относятся к жизнедеятельности человека вообще и к порождению жизни в особенности. Представления об отделяемых органах восходят к палеолитической эпохе, о чем свидетельствуют сохранившиеся фаллические изображения. Абхазо-адыгский материал позволяет взглянуть на восприятие мужского члена в качестве отделяемого органа под новым углом зрения: это представление могло возникнуть

на основании женской точки зрения на зачатие как на такой акт, в котором организм женщины нуждается в восполнении, чтобы иметь целостную субстанцию. Эту точку зрения нельзя понять иначе как указание на осмысление детородной функции женщины.

Возраст терминов разъятия относительно проанализированных терминов соединения определить трудно. Передача значений разъединения через слова, означающие орудийную деятельность, может показаться вторичной. Она могла возникнуть в результате табуирования для мужчин женской терминологии. Возможно, отсюда огромное многообразие мужской лексики для обозначения полового акта с использованием разнообразных терминов орудийной деятельности (строгать, пилить, долбить, пахать и т.д.). Адыгское «оседлать лошадь» относится сюда же. Отметим также, что женская лексика более сконцентрирована понятийно, указывая только на акт соединения. Мужская лексика окрашена эмоционально, и в ней явно чувствуется принижение женского начала и определенный сдвиг семантики в сторону скабрёзности. Есть основания видеть во всем этом мужское подчеркивание своей личности, тогда как в женской семантике отражается сам по себе природный акт, дающий начало жизни. Эти заключения подтверждает эвфемическая лексика для мужского члена. Она довольно обширна. В этом качестве у абхазо-адыгских народов часто используются мужские имена. Интересен также другой факт — наименование члена (как правило, у мальчика) терминами оружия: «кинжал», «пистолет». Здесь тоже имеется указание на «отделяемость» органа. В этом смысле показателен архаический термин *акуампал* «стрела для птиц», записанный нами в Абхазии.

Если подойти ко всем сообщаемым фактам как отражению преодоления дистанции и в случае сближения полов, и в случае воздействия человека на объект труда, то между обоими выделенными нами семантическими кругами нет противоречия. Здесь просто две точки зрения — женская и мужская, которые исходят из одной предпосылки: акт зачатия аналогичен пространственному перемещению и сближению.

6. Представления о беременности

Абхазо-адыгская фразеология, обозначающая состояние беременности, в смысловом отношении близка двум группам терминов зачатия. Наиболее этикетными словами здесь являются такие, которые обращают внимание лишь на частичное изменение организма женщины и выражают смысл обычно указанием на состояние таких частей тела, как кожа и ноги. Таковы абхазские выражения *цэа тэым* «кожа не ее», *лцэа лтэылмкуа дыкоуп* «она имеет не свою кожу», *лцэа далаишеит* «в ее кожу попало», *зыбаокуа тэым* «кости не свои». Адыгские выражения подчеркивают, что беременная «ногами не несомая». Близко к этому выражение «лишенная сил». Адыгский термин *зэпкъадж* «не управляет своим телом». Вся эта фразеология подчеркивает так или иначе отчуждение части или всего тела беременной женщины от нее самой. Этикетность приведенных выражений позволяет видеть в них подход с женских позиций.

В другой группе терминов явно подчеркивается общее внешнее телесное изменение женщины. Таковы термины: *лду* «она большая», *анхюс ду* «большая женщина» у абхазов, *дымгаду мгаду* «большой живот», *дхьяланы* «тяжелая» у абазин. Большой живот подчеркивается в ряде фразеологизмов у адыгов. Эти термины считаются везде неприличными. Мы предполагаем, что такие термины, характеризующие не внутреннее состояние организма женщины, а внешнее изменение ее тела, причем с явной неэтикетной окраской, являются мужскими по источникам своего возникновения.

Передача смысла беременности у абхазов указанием на кожу, т.е. нечто вмещающее, значима уже тем, что существуют два будто противоположных варианта: «кожа не ее» и «в ее кожу попало». Использование семантики кожи для выражения кровного родства велико в абхазском языке. Сам термин *ажврацара* «родство» этимологизируется через «кожу» и «плоть», «мясо».

Абхазский этнограф и религиовед Л.Х.Акаба специально рассмотрела представления о коже (шкуре) как носителе жизненного принципа¹⁴. Она проанализировала такие ритуальные выражения, как: *Уцва цывахайт* «Чтобы твоя шкура (кожа) ста-

ла моей шкурой (кожей)!»), имеющее смысл «Чтобы я оказался таким же, как ты»; *Уцва уцвоуп, сцва сцвоуп* «Твоя шкура – твоя, моя шкура – моя», трижды произносимое при первом употреблении весной дикорастущих съедобных трав; *Уцва сайайаайам!* «Чтобы я победил твою шкуру (кожу)!»), произнесенное в мифической истории божеством охоты в адрес охотника, нарушившего запрет. Эти и другие речения и термины, а также абхазские охотничьи обряды приводят Л.Х.Акабу к выводу, что в древних абхазских представлениях понятия «шкура», «шерсть», «волосы», «пух» синонимичны акту рождения. В подтверждение своих выводов Л.Х.Акаба приводит данные по обрядам охоты у народов Сибири и Юго-Восточной Азии, а также реконструкции палеолитических обрядов, смысл которых состоит в магическом обеспечении возрождения убитого животного, чтобы оно снова смогло стать добычей¹⁵. Заметим, что и в абхазских охотничьих верованиях божество охоты Ажвейпшаа посылает охотнику только ту дичь, которая уже была предварительно съедена божествами.

Л.Х.Акаба совершенно права в своем мнении о глубочайшей древности рассматриваемых представлений. Мы хотим добавить только, что красноречивые данные народов, стоящих на охотничьей стадии или близко к ней, сами по себе не свидетельствуют о причинной связи охоты как отрасли хозяйства с наделением кожи или шкуры свойством порождения жизни.

Связь здесь, очевидно, сложнее и касается общечеловеческой стадии представлений, которыми люди пытались осмыслить проблему зарождения и конца жизни. Мы ниже еще будем затрагивать эту проблему. Пока же приведем интересный древнеегипетский материал, характеризующий аналогичные представления о коже и метафизически их расширяющий до самого общего взгляда на рождение человека. Речь идет об обращении древнеегипетского жреца к покойнику, который воспринимается в качестве бога: «“Твой отец не среди людей, твоя мать не среди людей. Твой отец – это великая жертва: бык; твоя мать юница – молодая корова!” Поэтому шкура быка, принесенного в жертву, есть “место рождения” бога (как и простого смертного). Это парус божественной лодки, а она возносит богов и людей, как крыло бога Тота, бога Ибиса»¹⁶.

Древнеегипетский материал, как и сибирский или абхазский, убеждает в том, что восприятие кожи (шкуры) в качестве рождающего места не есть идейно-культовое отражение, скажем, скотоводческого, земледельческого, рыболовецкого или охотничьего образа жизни. Вопрос все-таки сложнее. В сущности ведь представление о зачатии у австралийских аборигенов, где зародыш, якобы спрятанный в укромном месте, наделяется активной ролью в стремлении войти в тело приблизившейся женщины, очень близко к тем, которые мы обнаруживаем также у очень развитых народов.

Взгляды австралийцев на зачатие в изложении Р.М. и К.Х.Берндтов выглядят так¹⁷. Половое сношение необходимо для того, чтобы дух ребенка вселился в мать. Зародыш, согласно мнению австралийцев Большой пустыни Виктория, появляется из спермы мужчины и питательных веществ, передаваемых ему от матери. Другой вариант этого воззрения, представленный в Арнемленде: плод от отца получает кости, а от матери кровь и плоть. При этих или аналогичных взглядах физиологического характера главная роль в начале беременности принадлежит духам-детям, тотемным зародышам, прячущимся в определенных местах. У племен Большой пустыни Виктории это водные источники. «Женщина, желающая иметь детей, идет в такое место, сидит там и ждет, когда дитя-дух проникнет в ее тело; считается также, что дух ребенка может последовать за женщиной на стоянку». Вселение духа ребенка в женщину рассматривается у австралийских аборигенов как проникновение внутрь ее вместе с пищей, которую добывает муж. Обратим внимание на то, что такая пища вызывает у женщины тошноту. Другая важная сторона вселения духа-ребенка в том, что муж обычно видит во сне то животное или растение, потребление которого женщиной вызвало у нее тошноту. Такой тотем зачатия есть у каждого человека и выступает как бы его двойником.

Появление зародыша извне в форме животного отнюдь не только австралийская мысль. Она представлена у многих народов мира. У адыгов, по сообщению С.С.Мафедзева, бытует такое этическое выражение относительно начала беременности у женщины: «У нее мышонок упал в кадушку». Так говорят обычно о близкой родственнице, например о невестке. По со-

общению Х.Яхтанигова, от стариков-кабардинцев можно услышать такое изречение: «Прошел год, и вышло то, что туда вошло»¹⁸. В этих словах содержится определенное свидетельство такого факта: родившийся ребенок имел какое-то независимое существование до того, как был выношен матерью. Поэтому организм матери воспринимается как место, куда помещен для вынашивания зародыш. Не случайно матка у адыгов называется *сабитара* «место для ребенка», а эмбрион — *набарых* «находящийся в животе» (по-абхазски *амгуарта иотоу* «находящийся в матке»). К данным материалам приведем одну типологическую параллель, взятую из среднеазиатского региона. У таджиков понятие о том, что женщина забеременела, передается выражениями: «Появилось в теле», «У нее в животе появился ребенок»¹⁹.

Мы уже ссылались на суждения австралийских аборигенов о том, что отцовское начало в ребенке формирует кости. Представление о твердой субстанции зародыша в абхазо-адыгской культуре можно только реконструировать, и сообщенные выше факты как будто это подтверждают. В пользу этого же говорит один из эпитетов нартского богатыря Сосруко у кабардинцев — «бескостный»²⁰. Эпитет этот можно объяснить тем, что Сосруко был зачат своей матерью, великой Сатаней, без отца. Но нам стоит еще внимательнее приглядеться к истории его рождения. Эта тема — одна из главнейших в нартском эпосе всех народов Кавказа. На Сатаней обратил внимание нартский пастух, находившийся на другом берегу реки, которую он не смог переплыть. Он послал в сторону Сатаней свое семя, и оно попало в камень, на котором сидела или за который укрылась Сатаней. Образовавшийся в камне зародыш по просьбе Сатаней вырубил нартский кузнец и отдал матери для донашивания, или же, по другим вариантам, кузнец освобождает из камня уже готового, пылающего огнем младенца. Как бы то ни было, пребывание Сатаней около камня на берегу реки с наибольшей вероятностью можно интерпретировать, исходя из австралийских данных, как приближение женщины к «центру размножения».

Предложенную реконструкцию представления о твердой субстанции зародыша можно подкрепить еще одним фактом. У грузин, абхазов, абазин считается, что родничок на темени грудного ребенка зарастает, когда ребенок может сказать слово «отец» или «камень», у вайнахов — «камень».

7. Странная функция родничка

Термины для родничка у абхазов разнообразны. В бзыбской Абхазии нами зафиксированы такие: *ататара*, *ахагута* — эти термины указывают на срединное на голове расположение родничка. *Ахагута* отмечено нами также среди батумских абхазов. В бзыбской Абхазии встречаются также выражения *ахыажьытатоуп* или *ахыхумишишра*, имеющие этимологическое значение «мягкое место головы». Эти описательные по смыслу выражения, очевидно, заменяют какой-то исконный термин. Возможно, таким являлся термин *аката*, записанный в абжуйской Абхазии. Этот термин назвали не сразу, а после некоторых усилий его вспомнить. В абхазской речи слово *хакуцв* «макушка» часто может служить и для обозначения родничка.

Точно такая же картина наблюдается у адыгов, где бытуют описательные термины вроде *шъхъаунап* «мягкая точка» или используется слово *шъхъашыг* «макушка». Более интересен адыгейский термин *шъхъапсыпэ*, в восприятии носителей языка состоящий из слов «голова» и «вода». Но *псы* в абхазо-адыгских языках семантически чрезвычайно нагружено, обозначая, кроме воды также понятие души.

То, что речь здесь скорее должна идти о душе, показывает абазинский термин для родничка — *капсыцхарт* (букв. «место головы, где душа кусает»).

Та или иная мифологическая связь родничка с жизнью души осознается отчетливо старшим поколением людей в абхазо-адыгской культуре. На это есть указания в литературе²¹, и нами фиксировалось в полевой работе. Пульсирование родничка у ребенка воспринимается иногда как свидетельство деятельности души или «рационалистично» как вхождение и выход воздуха. Последним обстоятельством объясняют то, что голову грудного ребенка иногда не прикрывают (абхазы). По адыгским представлениям, душа умирающего человека выходит через ноги или через макушку. О ногах давалось объяснение, основанное на реальном факте: они прежде всего остывают у умершего. Что касается макушки (родничка), такого убедительного ответа нам, конечно, дать не могли, и для раскрытия значения факта нам снова придется обратиться к историко-этнографической реконструкции.

Может быть, не случайно, что в поисках аналога для представления о роли родничка нужно привлечь папуасский материал. Мы уже отметили тенденцию к соматизации как черту мужской точки зрения на половую близость. Папуасские общества с их подчеркиванием значения мужских институтов развили оригинальное мнение о месте родничка в физиологии беременности.

В последние десятилетия одно из новогвинейских племен, до того почти неизвестное, гими, было хорошо изучено в аспекте его этномедицины, соматической этнографии и сексуальной жизни. Речь идет об обстоятельных исследованиях Конрада Б.Глика²² и Джиллиан Джиллисон²³. Для нас сейчас наиболее интересна недавно опубликованная работа последней. Полнота собранного у гими материала освещает многие трудные вопросы нашей темы, поэтому рассмотрим их подробнее.

До Дж.Джиллисон, начавшей собирать материал среди папуасов внутренних районов Новой Гвинеи в 1973 г., все этнографы, работавшие там, были мужчины. Поэтому до ее исследований женские мифы, обряды и поведенческие особенности оставались практически незатронутыми. Общая черта женских институтов, которую удалось установить Дж. Джиллисон, — они не направлены против мужчин, тогда как тайные мужские ритуалы и мифы носят выраженный антиженский характер. Исследовательнице удалось проникнуть в логику сексуальной жизни с точки зрения женщин гими благодаря тому, что она поняла, что у гими есть «бессознательное видение рождения как результата разыгрывания театральной пьесы, где актерами выступают половые органы, а половые секции антропоморфизируются»²⁴.

Интересующие нас данные этнографии гими таковы. Гими убеждены в опасности для мужчины любой половой близости с женщиной, потому что она никогда не бывает «чиста» от менструальной крови. Эта опасная кровь проникает в пенис во время эякуляции и вызывает слабость и старение мужчины. Между прочим, воздержание перед битвами у гими мотивируется тем, что близость с женщиной ведет к размягчению костей мужчины. В принципе для мужчины опасно прикосновение и к ребенку до 6—7 лет, и раньше мужчины не брали на руки своих детей.

Плод в теле матери формируется из спермы, которая смешивается с выделениями вагины. Считается, что мозг костей и сопли по своей природе аналогичны сперме. Мужская субстанция из головы и костей выходит через пенис. Поэтому с женской точки зрения все мужское тело в сущности один пенис. Жизненная сила подобно сперме может выходить через темя, и головной убор из перьев символизирует эту мужскую силу. Каждая эякуляция формирует органы плода, начиная с ногтей на руках и ногах. Плод потребляет сперму через родничок. Близость с женщиной в последние дни беременности нужна, чтобы закрыть родничок и «закончить ребенка».

С этими биологическими воззрениями у гими связаны интересные поведенческие акты. Так, если женщина не хочет беременности, «специалист» завязывает ей волосы на темени — метафорически сперма не сможет через родничок войти в ее тело. При желании иметь ребенка волосы развязывают.

В мифологии мужчин гими первое сношение с женщиной имел мужчина-луна. Его сперма в мифе обрисована в виде камня. С другой стороны, сперма первого мужчины(луны) становится в женщине, даже девственнице, менструальной кровью. Эта кровь всегда опасна реальному мужчине.

Женский вариант мифа иной. В нем рассказывается история о том, что у мужчин первоначально были огромные пенисы, которые могли отделяться и жить сами по себе. Одна женщина укоротила пенис, который имел с ней сношение, и так сделали себе потом другие мужчины. Первое менструальное кровотечение у женщины — символическая смерть первенца, плода мужчины-луны. Компенсируя эту смерть, режут свиней на обряде инициаций девушек. На этих инициациях есть момент ритуальной борьбы с мужчинами, в которой девушки должны остаться победительницами: борьба идет за отрезание длинного пениса мужчины-луны (изображается стеблем сахарного тростника). Отрезанный пенис луны — это менструальные выделения. Смысл ритуала в том, чтобы луна не убивал своих еще не родившихся детей.

Существенный момент в представлениях гими связан с восприятием введения члена в вагину женщины как его кормления. Это кормление в ритуале заменяется пищевой платой мужа брату женщины, тогда последний теряет на нее свои инцестуальные права²⁵.

Кл.С.Форд, сделавший обзор представлений о зачатии у разных народов, отметил, что в тех случаях, когда считается, что для оплодотворения женщины в нее должен войти эмбрион-дух, то он это делает обычно через голову и затем по телу опускается в матку. Там он питается кровью²⁶. Этнография гими наиболее полно и по-своему логично обрисовывает эти представления.

В абхазо-адыгской культуре нам пока не удалось найти прямого указания на роль родничка в формировании плода. Но возможно, что все же такие представления имеются. В пользу этого свидетельствуют наши косвенные данные и зафиксированное З.А.Мадаевой у близкородственных нахских народов представление, что ребенок в утробе матери получает соки через темя²⁷.

В абхазо-адыгской культуре родничок ребенка считается местом, через которое ребенку легко может быть нанесен какой-либо вред. В недалеком прошлом в области родничка прикрепляли кусочек прополиса: считалось, что это средство защищает от сглаза и от солнечного удара. Настороженное отношение к родничку – всемирное явление. Так, во Франции в прошлом веке у грудного ребенка все время на голове была повязка из опасения, что раскроется родничок²⁸.

Для выяснения представлений о роли родничка для утробного формирования ребенка и темени взрослого человека как места выхода и вхождения души можно было бы подробнее рассмотреть такие интересные факты, как запрет на касание головы ребенка чужим человеком, тибетское верование о космической веревке, прикрепленной к темени человека, по которой передается ему жизненная сила, индийские представления о верхней чакре, разнообразнейший материал об обращении с волосами и о прическах. Но и без этого, пожалуй, ясно, что такое выдающееся значение родничка и темени, которое обнаруживается в культуре абхазо-адыгских народов, может быть объяснено только с привлечением сравнительных данных и методом исторической реконструкции.

Океанийский материал (сходство субстанции спермы и соплей) позволяет раскрыть значение одного любопытного выражения, бытующего среди абхазо-адыгских народов: у абхазов, если сын своим дурным поведением очень походит на отца, то говорят, что «этот сын вышел из носа отца». Выражение под-

черкивает участие в рождении только одной стороны. У адыгейцев, если ребенок очень похож на отца или мать, говорят: «Из носа вылетел». «Вышедший из носа собаки» у абхазов несет, конечно, оскорбительный смысл.

Генеративные функции носа проступают в черкесском фольклорном сюжете о Безносом Булате. Сам сюжет выглядит чрезвычайно архаично. Жена Булата никакими купаниями не могла устранить свой неприятный запах. Она просила бога лишить ее жизни, и когда это случилось, Булат сам себе отрезал нос²⁹.

Факты из этнографии гими, которые были рассмотрены выше, объясняют эти выражения: выделения носа синонимичны сперме. Несомненно, что это представление касается исконно носа мужчины. Не случайно у папуасов киваи рождение мальчика обеспечивалось такой процедурой: перед сношением мужчина помещал на пенис соскребок со своего носа и носа самца валлаби³⁰.

8. Новая проблема соматики ребенка — зубы

Коль скоро основным ядром проблемы рождения является питание плода, так странно интерпретируемое, то с появлением у ребенка первых зубов возникает новая проблема: зубы также должны быть интерпретированы генеративно. Символику для зубов не ищут, она органически вырастает из все той же родильной «философии». Дело не только в том, что, как считают Ф.Лу и О.Морель, зубы несут фаллическую символику и что их появление у ребенка может восприниматься как его инцест с кормящей матерью³¹, хотя это восприятие довольно распространено у разных народов и явно ощущается в абхазо-адыгской культуре.

Зубы ассоциируются прежде всего с пищей и питанием. Причем у абхазо-адыгских народов эта ассоциация более связана с молочными зубами ребенка, чем с постоянными зубами взрослого человека. Первые зубы у абазин так и называются *чага* «то, чем едят». Их появление у ребенка сопровождается особым ритуалом. У абазин мать, обнаружив первый зуб у ребенка, не должна выражать своих приятных эмоций. Об этом она

сообщает кому-то из соседей, предпочтительнее мужчине, и тот человек должен бросить в огород горсть проса, «чтобы зубы лучше росли».

Обряд при появлении первых зубов у адыгов подробно описан С.Х.Мафедзевым. По его словам, при прорезывании зубов готовили рассыпчатую кашу из пшена, ячменя или риса с приговариванием такого заклинания: «Бог пусть легко сделает, пусть бог поможет, чтобы так высыпали (прорезались)»³².

В грузинских обрядах эта ассоциация первых зубов с пищей выражена иначе: при их появлении на голову ребенка сыпят рисовые зерна, считается, что тогда зубы будут белыми и не станут болеть.

Таких символических ассоциаций зубов с реальной пищей явно недостаточно для объяснения многих ритуальных и бытовых поведенческих актов. Обращение с выпавшим молочным зубом ребенка — один из них. Это обращение можно раскрыть только через мифологему рождения. Поскольку выпавший зуб посылается, как правило, тому существу, в образе которого является зародыш, то данный обряд мы будем называть «*обрядом возвращения зуба*».

У абхазов нами записано несколько вариантов обряда. В наиболее полной форме выпавший зуб нужно завернуть в тряпицу с солью и углем и забросить на крышу дома со словами: «Даю тебе старый, дай мне новый» (произносятся три раза). Адресата обращения указывают не всегда. Если дети задают вопрос, о ком идет речь, отвечают, что о мышке. Но вместо мыши в обряде может фигурировать кузнечик, и тогда зуб с солью и углем помещают в какую-либо трещину в доме. Зуб бросает сам ребенок или его мать. Стоят лицом или спиной к дому. В одном из вариантов стараются зуб перебросить через крышу — считается, что тогда на той стороне в семействе появится новый дом. У абазин бытует такое же обращение с детским зубом: его с солью и углем забрасывают на крышу с трехкратным обращением: «Даю тебе старый, дай новый». Адресат не называется, но лингвистическая форма обращения указывает на то, что это существо мужского пола. У адыгов зуб также с солью и углем забрасывают на крышу дома. Адыгский обряд возвращения зуба подробно описан С.Х.Мафедзевым. Он приводит такое заклинание: «Железо, уголь, сыр старит, старое мясо ломает, зубы

старые отдаю, зубы молодые (мне дай)». С этими словами малыш брал выпавший зуб, кусочек древесного угля и соль, завязывал все это в тряпицу и, став спиной к постройке с камышовым перекрытием, забрасывал правой рукой через правое плечо на крышу. Если узелочек не падал обратно, ребенок радовался тому, что у него «кто-то взял» его старый зуб и скоро взамен даст новый, красивый, как у ягненка³³. Иногда речь идет просто о зубе ягненка. Белые зубы ягненка считаются красивыми в адыгском представлении, это метафора идеала красоты человека. У черкесов нами отмечено не завертывание в тряпицу, а помещение зуба в чувак.

Все детали абхазо-адыгского обряда возвращения зуба семантически значимы и имеют много общего не только с соседними народами Кавказа, но и с более удаленными. У мегрел ребенок должен был три раза покрутить выпавший зуб над головой и забросить на крышу дома с обращением к мышке³⁴. У аджарцев ребенок должен был это сделать, бросая зуб через плечо. В некоторых грузинских обрядах возвращения зуба обращаются не к мышке, а к солнцу — тогда в просьбе фигурирует золотой зуб (золото везде имеет световую символику)³⁵.

Аналогичные действия с выпавшим зубом характерны для восточнославянских народов. У русских, по описанию Чулкова, ребенок должен был стать спиной к печи и бросить зуб за нее со словами: «Мышка, мышка, на тебе репяной, а ты дай мне костяной»³⁶. Часто зуб бросают на чердак с обращением к мышке³⁷. У белорусов зуб крутят над головой перед бросанием и просят у черта железный в обмен на костяной³⁸. У украинцев такая же просьба при обращении к мышке³⁹. То же самое у современных немцев, только железный зуб просят в обмен на банановый⁴⁰. Мышь фигурирует и в таджикских обрядах: зуб здесь помещают в мышину нору⁴¹.

Другое животное — собака — участвует в данном обряде у таких народов, как казахи и буряты: в обоих случаях выпавший зуб прячут в хлебный мякиш и отдают собаке считается, что тогда ребенок получит от нее крепкие зубы⁴².

Все эти обряды сходны. Лишь изредка встречаются отклонения, впрочем, с очень понятным смыслом. Так, у мегрел нами записан вариант, когда выпавший зуб ребенка бросают во двор

школы. Этот обряд мало связан с мифологемой рождения и возник под влиянием мегрельского обычая помещать обрезки ногтей ребенка в чонгури («чтобы был музыкален»), а срезанные волосы — в книгу («чтобы хорошо учился»). Примерно такого же смысла абхазское перебрасывание зуба через дом, чтобы появился новый дом. Эти варианты подчеркивают ту мысль, по которой момент выпадения детских зубов воспринимается настолько значительным, что действия, тогда предпринятые, влияют на всю жизнь человека.

Во всех обрядах возвращения зуба есть центральный момент, которым является передача молочного зуба животному или насекомому хтонической природы: мыши, собаке, кузнечику. Но мышь занимает особое место. Это существо в мифологии ряда народов Передней Азии, Кавказа, Европы, Средней Азии тесно связано с рождением человека и вообще с его генеративной деятельностью. У малоазиатских греков бытует представление, что мыши опустошают дом при супружеской измене⁴³. У белорусов и украинцев отмечено такое представление: если не удовлетворить просьбу беременной, то мыши изгрызут одежду отказавшего ей человека⁴⁴. У русских с Николаем Чудотворцем, покровителем детей, связан цикл мифологических сказаний, в которых он освобождает какого-либо добродетельного человека от мышей и крыс. Во Франции и Германии святой Николай превратился в героя сказок, способного игрой на флейте воздействовать равным образом на детей и грызунов.

Хтонический аспект мифологии мыши очевиден. О нем красноречиво говорит древнеегипетское сказание о рождении мышей из комьев земли в окрестностях города Фивы⁴⁵. Но у мыши есть и небесные коннотации, хотя они менее выражены. В некоторых мифологиях это последнее значение мыши выступает явно, как, например, у удмуртов: птичка-мышь послана шайтаном на небо, чтобы добыть полотенце верховного бога — только с его помощью шайтан смог своим фигурам, сделанным из глины, песка и земли, придать человекообразные формы⁴⁶. В.Н.Топоров в своей специальной статье подчеркивает эти медиативные функции мыши — связь между небом и землей⁴⁷. В этом аспекте мышь оказывается сопричастной древнегреческому культу Аполлона Сминтейского, хотя в сюжете соответствующего мифа солнечный бог выступает врагом мышей.

В обряде, изучаемом нами, важен жест, указывающий на медиативную функцию мыши: выпавший зуб поднимают над головой и бросают вверх во всех абхазо-адыгских вариантах. Бросание вверх зуба с солью (хтонически — земной символ) и углем (огненно-небесный символ) еще больше вводит обряд в систему отношений земли и неба, т.е. его космологизирует. Теперь становится до конца понятным адыгское обозначение беременности метафорой мыши, попавшей в кадущку: эта метафора говорит не только о появлении в теле женщины зародыша извне, но и указывает на то, что жизнь зарождается в единении процессов земного и небесного уровня.

Эти представления также универсальны. У австралийских аборигенов мы обнаруживаем особую роль радуги-змеи в зачатии ребенка⁴⁸. В австралийских мифах радуга враждебна своим детям так же, как в папуасских луна, убивающая плод и вызывающая менструации.

Эти факты из этнографии, казалось бы, далеких народов объясняют нам ряд изучавшихся нами обычаев. Становится понятным абхазо-адыгский запрет на то, чтобы радуга или луна «увидели» зубы: зубы выпадут. То же поверье существовало у мегрелов. Волосы, наделяемые повсюду генеративно-небесным признаком в культуре наших народов, при неправильном с ними обращении могут повредить зубам. Так, у абхазов волосы на голове ребенка до появления первых зубов нельзя расчесывать, иначе зубы будут редкими, как зубья расчески. То же самое бытовало у мегрелов. В названных поверьях рост зубов ребенка соматически отражает не только единство тела, но и космогоническое единство низа и верха, земли и небес.

Векторность процесса зарождения жизни — направленность его от земного уровня к небесному — объясняет предпочтение, с которым встречается у абхазо-адыгских народов появление первого зуба снизу, из нижней челюсти. Это хороший для здоровья признак. Такое же верование отмечено Л.Т.Соловьевой у грузин⁴⁹. Известный нам мировой материал того же плана: в Восточной Африке в старину убивали всякого ребенка, у которого резцы сначала появлялись в верхней челюсти⁵⁰.

Особое отношение к зубам (резцам) нижней челюсти — широко распространенная универсалия культуры, особенно очевидная у наиболее архаических народов. Характерен один

обряд во время возрастных инициаций австралийских аборигенов. По данным Хауитта, исполнитель обряда («лекарь») прижимал свои нижние резцы к верхним резцам мальчика, проходящего инициацию, и расшатывал их, а затем выбивал специальным долотом⁵¹.

В ряде мест: в Африке южнее Сахары, в Юго-Восточной Азии, в Океании — речь может идти о настоящем культе нижней челюсти, которую отделяют от тела умершего предка и берегут. Эта челюсть в таком культе наделяется генеративными способностями, дающими плодородие людям, полям и скоту.

Но культ нижней челюсти уходит гораздо глубже — к раннему палеолиту, причем, судя по доказательствам Ю.А.Смирнова, в этот исходный для истории человечества период выявляется именно культ детской челюсти⁵². Очевидно, сохранение нижних челюстей умерших детей было связано с особой заботой о сохранении зубов как зародышей жизни. При такой архаичности данного воззрения не удивительно всеобщее его распространение. Но это, пожалуй, еще не объясняет того, что оно стоит в ранге универсалий человеческой культуры. Представление о зубах как зародыше жизни делается необходимым в том случае, когда появление и выпадение зубов воспринимается в виде единого пространственно-временного акта. Исходным архетипом здесь выступает зачатие, осмысленное как пространственное перемещение, дающее начало новому жизненному циклу — рождению.

9. Некоторые черты родильной культуры и долгожительство

Рассмотрим проблему реконструкции абхазо-адыгских представлений о рождении человека в целом на базе сопоставления двух выделенных генеративных компонентов. В обоих зачатие выступает как пространственный процесс сближения женщины с носителем зародыша ребенка. В первом компоненте его носителем является мужчина. В его сближении с женщиной она неподвижна. Здесь женщина — *топогентильное, рождающее место*.

Такая пространственная константа женщины требует пространственного же определения мужчины. Оно достигается социокультурными средствами и сводится к противопоставлению мужской свободы и женской несвободы. Мужская свобода выразилась в ряде институтов традиционного общественного строя: воинском укладе жизни, тайных военных лагерях, легком перемещении мужчины с деловыми, военными и праздничными целями, что способствовало появлению помещений для гостей (кунацких), развитию формализованного этикета и, очевидно, института отдачи детей на воспитание (атылычество). Женская несвобода означена бытовавшим прежде затворничеством девушек, строгим отношением к их целомудрию. Пространственный критерий женщины в этой парадигме подчеркнут медленным темпом ее движений на публике, в танце.

Все процессы созревания человека в данной парадигме замедлены. Так, соматизированный целованием женской груди институт молочного родства — способ заключения мужского союза — распространяется на взрослых мужчин. Об этом же свидетельствуют наименование в горах термином «младший» человека самого преклонного возраста со стороны еще более старшего с выполнением первым его обязанностей, право на женитьбу только при получении принятых социальных отличий (например, проявленной доблести в боях) и другие факты. Такая парадигма формирует *позднее соматическое созревание* мужчины, которому предпослано освоение широкого пространства, соотнесенного с пространством действий всей этнической общности. Это дает *долгожительский аспект этнической общности*.

В другом компоненте неподвижен зародыш, «центр рождения», к чему женщина должна приблизиться. Здесь она выступает активной силой, что так хорошо отразилось в образе Сатаней. В этом восприятии социально-поведенческая сторона самостоятельности женщины подчеркивается свободой девушки, впрочем ритуализованной (у абхазов и вайнахов в прошлом она участвовала наравне с мужчинами в походах), возвращением невесты в дом своих родителей (возможно, ее «центр рождения»). В данной парадигме акцент делается на хозяйственную

активность женщины, пространственным критерием которой служит требование быстро двигаться в пределах хозяйства, ментально накрывать стол и т.д.

Примечательно, что в этой парадигме принижение роли мужчины выражается не в каких-либо ограничениях его свободы, а его физическим отсутствием. Таково отсутствие жениха на свадьбе, исчезновение мужа во время родов жены, исключение его из первых родильных обрядов. Нужно думать, что главенствующая роль женщин в некоторые моменты погребального обряда исходит из точки зрения их генеративной монополии.

В данной парадигме формируется соматическая зрелость женщины, которая соотносится с ранней хозяйственной деятельностью девочки. Эта деятельность охватывает «узкое» пространство — домохозяйство. «Девочек к работе приучали раньше, чем мальчиков. Девочка должна была держать полотенце или кувшин с водой, ходить за хворостом, выполнять поручения. Она училась готовить пищу, кроить, шить, вышивать ковры, плести пояса», — пишет Л.С.Смирнова об абхазах⁵³. У других абхазо-адыгских народов девочки также раньше, чем мальчики, принимают на себя груз домашних обязанностей.

В быту всех народов мира это общая черта. «Девочки очень рано становятся маленькими женщинами», — писал о детях папуасов Н.Н.Миклухо-Маклай, отмечая, что они с самого раннего возраста усваивают вихляющую походку, которая считается сексуально соблазнительной⁵⁴.

Почему девочки, которые еще далеки от полового созревания, принимают все поведенческие атрибуты взрослой женщины?

У гимии иницируемой девочке, находящейся в специальной хижине, опасно из нее выходить. Когда это необходимо, принимаются специальные меры, чтобы мужчина-луна не увидел девочку и не убил уже имеющегося в ней ребенка, вызвав тем самым менструации. Считается, что менструации появляются только вследствие убийства ребенка в теле женщины, даже девственницы. Укрытие в хижине воспринимается как спасение от мужчины-луны в утробе матери⁵⁵. По логике взглядов гимии, девочка всегда беременна, а ее первая менструация — результат убийства ребенка мужчиной-луной.

Если подобная мифология объясняет поведение папуасских девочек, то можно ли через эту мифологию интерпретировать черты женского поведения у девочек других народов? Было бы слишком рискованно интерпретировать прямо мифологией одних народов поведенческую культуру других. Хотя в абхазо-адыгской мифологии именно луна воспринимается мужчиной, а солнце — женщиной. Более важно другое. Обращение к новогвинейскому материалу показывает важное культурологическое значение жилища как ограниченного, «узкого» пространства, атрибутивно связанного с женщиной и с космосом. Нахождение женщины в доме, поддержание огня, приготовление пищи — все это не только свернутое, энергетически насыщенное пространство. Жилище одновременно метафора рождающего времени: оно — утроба, внутри которой живет женщина, ставшая ею с детского возраста задолго до физиологического созревания. У абхазов нам удалось зафиксировать домашний культ «доли времени» (*аамтаху*). Это ежегодный обряд, которым руководит старшая женщина семьи.

Генеративный аспект нахождения женщины в жилище не противоречит тому, что зачатие воспринимается как пространственное перемещение. Деятельность женщины, порождающая жизнь, возможна только в принципиальном единении с мужчиной, добытчиком пищи, органом, отделяющимся от женского тела в поисках условий человеческого существования среди опасных просторов «широкого» пространства. Эмбриология и космология здесь сливаются в одном потоке культурогенеза, создавшего долгожительскую культуру абхазов.

Примечания

- ¹ Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии /Отв. ред. И.С.Кон. М., 1983; Этнография детства: Традиционные формы 'воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии /Отв. ред. И.С.Кон. М., 1983.
- ² Бессознательное: Природа, функции, методы исследования /Под ред. А.С.Прангишвили, А.Е.Шерозия, Ф.Б.Бассина. Тбилиси, 1978. Т. 1—4.
- ³ *Елизаренкова Т.В.* Ф.Кейпер: Основные направления научного поиска // *Кейпер Ф.Б.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986. С. 16.

- 4 *Keuper F.B.J.* Cosmogony and conception: a query // *History of religion*. 1970. Vol. 10. № 2.
- 5 *Keüner Ф.Б.* Труды по ведийской мифологии. С. 131–136.
- 6 *Géllis J.* Refaire le corps: Les déformations volontaires du corps de l'enfant à la naissance // *Ethnologie française*. 1984. Т. 14. № 1.
- 7 *Оде-Василева К.Р.* Обычаи, связанные с родами, и отношение к новорожденному у северопалестинских арабов // *СЭ*. 1936. № 3. С. 94.
- 8 Государственный Музей этнографии народов России. № 1247–47.
- 9 *Мафедзев С.Х.* Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик, 1979. С. 94–95.
- 10 *Урзуати В.С.* Обрядовый фольклор: Осетино-адыгские параллели // Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературы. Нальчик, 1986. С. 121–130.
- 11 *Шакрыл К.С., Конджария В.Х.* Словарь абхазского языка. Сухуми, 1986. Т. 1. С. 337. На абх. яз.
- 12 *Берндт Р.М., Берндт К.Х.* Мир первых австралийцев. М., 1981. С. 181.
- 13 *Devereux J.* Dreams in Greek tragedy. Berkeley; Los Angeles, 1976. P. 241–243.
- 14 *Акаба Л.Х.* У истоков религии абхазов. Сухуми, 1979. С. 79–85.
- 15 Там же. С. 79–92.
- 16 *Kees H.* Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Ägypter. Berlin, 1956. S. 110.
- 17 *Берндт Р.М., Берндт К.Х.* Указ. соч. С. 104–105.
- 18 Автор выражает глубокую благодарность Х.Яхтанигову за всестороннюю помощь при сборе материала у адыгских народов.
- 19 *Сухарева О.А.* Мать и ребенок у таджиков Ирана. Т. 3. Л., 1929. С. 121.
- 20 *Нарты: Адыгский героический эпос.* М., 1974.
- 21 *Шортанов А.Т.* Адыгская мифология. Нальчик, 1982. С. 44.
- 22 *Glick K.B.* Medicine as an ethnographic category: The Gimi of the New Guinea Highlands // *Ethnology*. 1967. Vol. 6. № 1.
- 23 *Gillison J.* Le penis Géant. Le frère de la mère dans les hautes terres de Nouvelle-Guinee // *L'Homme*. 1986. Sept. Vol. 99.
- 24 *Ibid.* P. 45.
- 25 *Ibid.* P. 62, 64–65.
- 26 *Ford C.S.* A comparative study of human reproduction // Yale university publications in anthropology. New Haven, 1945. № 32. P. 34.
- 27 Сообщение З.А.Мадаевой от 23.X.85, которой автор выражает свою признательность и уважение ее памяти.
- 28 *GelOs J.* Op. cit. P. 43.
- 29 *Мужаев И.И.* Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов. Нальчик, 1987. С. 122.
- 30 *Landtman O.* The Kiwai Papuans of British New Guinea. L., 1927. P. 228–229.
- 31 *Loux Fr., Morel M.-Fr.* L'enfance et les savoirs sur le corps: Pratiques médicales et pratiques populaires dans la France traditionnelle // *Ethnologie Française*. 1976. Т. 6. № 3–4. P. 318.

- 32 *Мафедзев С.Х.* Очерки трудового воспитания адыгов (XIX – нач. XX в.).
Нальчик, 1984. С. 40.
- 33 Там же.
- 34 *Машурко М.* Из области народной фантазии и быта Тифлисской и Кута-
исской губернии // СМОМПК. 1894. Вып. 18, отд. III. С. 240.
- 35 Наши полевые материалы 1985 г.
- 36 *Чулков М.* Словарь русских суеверий. СПб., 1782. С. 167.
- 37 *Харламов М.* Суеверия, поверья, приметы, заговоры, собранные в г. Ей-
ске // СМОМПК. 1901. Вып. 29, отд. III. С. 6.
- 38 *Машурко М.* Указ. соч. С. 240.
- 39 *Сумцов П.Ф.* Мышь в народной словесности // Этногр. обозр. 1891.
Кн. VIII. № 2 1. С. 51.
- 40 Там же.
- 41 Устное сообщение 30.IX.88 Р. М. Рахимова, которому автор выражает
признательность за это и другие сведения по таджикской этнографии.
- 42 Автор выражает благодарность Г.Н.Залтуеву и Ж.Г.Базаровой за эту и дру-
гую информацию, полученную в декабре 1986 г.
- 43 *Топоров В.Н.* Мышь // Мифы народов мира. Т. 2. 1988. С. 190.
- 44 *Сумцов П.Ф.* Указ. соч. С. 81.
- 45 Там же. С. 88.
- 46 *Веселовский А.Н.* Розыскания в области славянских духовных стихов //
Зап. 2-го отд. Акад. 1879. Т. 11. С. 10–11.
- 47 *Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 190.
- 48 *Степанов И.С.* Народные приметы, разные способы гадания и некото-
рые поверья мингрельцев // СМОМПК. 1903. Вып. 32, отд. III. С. 148.
- 49 *Соловьева Л.Т.* Материалы по обрядности детского цикла групп Аджарии //
Полевые исследования Института этнографии. Сухуми, 1983–1984.
- 50 *Покровский Е.А.* Физическое воспитание детей у разных народов // Изв.
ОЛЕАИЭ. М., 1984. Т. 45. Вып. 1. С. 29.
- 51 *Howitt A.W.* The native tribes of South-East Australia. London, 1904. P. 541.
- 52 *Смирнов Ю.А.* Культ черепа и нижней челюсти в раннем палеолите // Ре-
лигиозные представления в первобытном обществе: Тез. докл. М., 1987.
С. 66–69.
- 53 *Смирнова Я.С.* Воспитание ребенка у абхазов // КСИЭ. 1962. Вып. 36. С. 38.
- 54 *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собрание сочинений. Т. 3. Ч. 1. М.–Л., 1951. С. 4.
- 55 *Gillison J.* Op. cit. P. 58.

Экспертиза в школьной проектной деятельности

У современного французского писателя итальянского происхождения Тонино Бенаквиста в рассказе «Сад шпаны» описана психология человека с заряженным оружием, впервые оказавшимся в его кармане. «Стоит только произнести: “Колыт” — и ты уже не ты, а совершенно другой человек — из тех, что ходят другими дорогами». У него не возникает желания применить это оружие, да и нет уверенности, что он сумеет им воспользоваться. «Мне удалось исправить несколько чужих проступков, дать отпор нескольким негодяям и позволить себе несколько великодушных жестов. Для этого нужно было всего лишь захотеть, подстегнуть собственную решимость, найти границу дозволенного, понимая при этом, что мне никогда ее не переступить».

Здесь нет речи о «четвертой форме власти», которой является пресса. До этого далеко. Акцент смещается на создание продукта, который, естественно, хочется сделать поинтересней и покрасивей. А для этого необходимо погрузиться в некоторую операциональную среду, требующую специфических навыков. И любому начинающему хочется приобрести эти профессиональные навыки. Всегда при этом присутствует иллюзия, что эти навыки непременно потом будут востребованы. Умение оформить газету, журнал, статью или книгу — это очевидная атрибутика культурного человека и вполне посильная для школьника при современных технических средствах. Сделать печатную продукцию интересной — это в первую очередь ис-

кусство работы со словом. Ее можно считать разновидностью сочинения на предельно вольную тему: пиши про что хочешь, лишь бы это было интересно для сверстников. Во всем многообразии окружающего мира выдели самое интересное на твой взгляд, улови текущий момент, не вообще нечто интересное, а интересующее тебя и твоих единомышленников «здесь и сейчас». Совсем не обязательно это какое-то экзотическое событие или объект. Даже наоборот, интересное можно углядеть в самом обыденном, заурядном. В этом выделении уже отражается твоя индивидуальность, твой авторский взгляд.

Но ведь надо еще и складно написать. Может быть, с первого раза и не получится. Нужно пробовать, нужно больше труда вложить, нужно написать так, чтобы приятно было прочитать потом, намного позднее, когда уже забудешь о написанном. «Твори, выдумывай, пробуй», – писал классик. Надо пробовать. Какие слова нужно подобрать? Конечно, нужно писать своим, понятным самому себе и сверстнику языком. А при современном состоянии культуры, скорее клип-культуры, когда «все бегут, бегут, бегут, бегут, бегут ...» особенно важно найти меткое слово, которое бы запало в душу. Очень даже понятно, почему Маяковскому хотелось, «чтобы к штыку приравняли перо».

Еще один этап: как оформить заметку, как привлечь к ней внимание. Если оформление будет аляповатым, пестрым, крикливым, тогда есть риск, что будет потерян интерес к содержанию. При другой крайности заметка может быть и непрочитанной. Должна быть мера, вкус, который развивается так же, как и музыкальное чутье.

И, наконец, последнее, не менее важное ранее перечисленного. Это у взрослых все излишне серьезно. У тинэйджеров значительно сильнее и везде присутствует «игровой» момент. Поэтому главная задача учителей в организации газеты – привнести этот «игровой» элемент.

Школьная газета – жанр уникальный. С чем можно сравнить возможность обыденно, каждодневно общаться с автором статьи, стихотворения, рисунка? Не столь часто в открытом представлении возможна реализация деятельности школьника. И далеко не везде открыта дверь для самовыражения подростка.

Именно на таких началах и была создана школьная газета как орган самостоятельного творчества школы. Четвертый учебный год регулярно, ежемесячно (за небольшим исключением) выходит газета «Школьный вестник» и уже с четвертым составом редакционной коллегии, состоящей из школьников. Изначально предполагалось, что в редколлегию войдут ответственные за некоторые рубрики, поставку материалов для которых они обеспечивали. Координаторами являлись главный редактор и его заместитель, тоже из числа учеников старших классов. Поставщиками материала являлись ученики и учителя; забота редакционной коллегии – обеспечить материал, и, когда его не хватало, учителя всегда приходили на помощь *почему-то*. Оформление – за активистами кружка «Компьютерный дизайн». Регулярное участие взрослых, в том числе и автора настоящей статьи – это консультации по редакции текстов, по выбору и редактированию содержания и по оформлению (соответственно участие директора, учителя литературы и учителя информатики). За этот период «жизни» газеты определился устойчивый объем материала – 13 листов формата А4, технология формирования очередного номера, инструментарий создания и оформления с учетом возможностей школы. При этом от сканирования фотографий перешли к использованию кадров цифрового фотоаппарата и от редактирования и верстки средствами текстового редактора Word к издательской системе Adobe Page Maker версии 7.0. Выбор инструментария из списка издательских систем Page Maker, Quark X Press, Publisher нам представляется несущественным, разве что выбранная система (Page Maker) имела большее распространение и позволяла надеяться на создание совместных с другими школами отдельных выпусков общих газет, включая возможность их типографского издания тиражом, свойственным малотиражным взрослым газетам.

Рубрики хотелось зафиксировать сразу, с рождения, но, кроме расплывчатого представления об отражении школьной жизни и непременно уголка юмора, других идей не было. Поэтому решили: «пусть цветут все цветы». Спустя два-три года осознаешь значимость некоторых, как оказалось, «ключевых» работ, составивших ядро первых выпусков школьной газеты.

Так, по заданной теме «Зачем мне эта физика?» попросили ответить трех учителей этого предмета, «забыв» предупредить их, что такой же просьбойотягчены их коллеги. Каждый из учителей обстоятельно и убедительно ответил на этот детский вопрос. По ответам можно было догадаться, кто отвечал, не глядя на фамилию автора. Повторов не было и противоречий не оказалось, и все три статьи были интересны. В другом номере была очень обстоятельная статья о полезных свойствах лимона. Было такое ощущение, что в ее написании приняла участие вся семья, которая на подборку материала и иллюстраций затратила не один день. В другом номере оказалась обстоятельная статья о триалах, включая то, как самому приспособить типовой велосипед, в том числе детализацию, где и по каким ценам найти комплектующие. Очевидно, что для автора это было нечто сокровенное, выстраданное. Сейчас, когда проходит чемпионат мира на триалах, нельзя не вспомнить тот прекрасный исторический обзор и классификацию экзотичной для того времени техники.

По единогласному решению редакционной коллегии главной темой майского номера была подготовка к празднованию Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В подборе материалов принимало участие большое количество учащихся. Ребята очень серьезно отнеслись к выпуску газеты, посвященной этому знаменательному юбилею, благодаря чему были опубликованы около десятка небольших заметок, подготовленных школьниками. Это были рассказы о прадедах, воевавших на различных фронтах, воспоминания дедов о военном детстве, бабушек о тяжелой жизни тех, кто обеспечивал фронт всем необходимым. Одна из учениц принесла вырезку из газеты двадцатилетней давности, где рассказывалось о подвигах ее деда. Статья эта тоже была помещена на страницах нашей газеты. Что особенно важно, ребята не просто делились воспоминаниями своих родных о страшных годах войны, но и излагали свои размышления о том, какую роль играли доблесть, самоотверженность и героизм советских людей в достижении победы и что могло бы произойти, если бы фашист не был разбит. Разумеется, и в следующем номере широко были освещены все мероприятия, проводившиеся в дни празднования Победы.

В каждой школе есть интересные поисковые работы, к примеру, экологические или краеведческие, совершаются вместе с педагогами выезды и походы. Поэтому в газете стали регулярно публиковаться материалы как о совершенных походах и экскурсиях, так и о работе над проектами. Затем в подробном отчете, представленном в стенной печати, дети находят не только фамилии авторов лучших работ, но и узнают, почему тот или иной проект признан лучшим, на какие проблемы, вопросы, моменты надо обращать внимание при подготовке проектов.

Немало публикаций было об отдыхе детей в каникулы. При школе организуется городской дневной лагерь, где предоставляются все условия не только для полноценного отдыха детей, но и для их всестороннего развития. В текущем учебном году такой лагерь работал не только в летние каникулы, но и в осенние. Кроме того, группу учащихся с педагогом школа ежегодно направляла летом в специализированный лагерь на Черное море, в каникулы ребята вместе с педагогами участвовали в работе многодневных выездных семинаров. О том, как их сверстники проводят время в каникулы, дети узнавали из газеты.

Популярностью пользуются рассказы ребят о своих четвероногих питомцах, описание опыта работы над каким-нибудь проектом, мелкие художественные произведения детей. Поэтому в газете регулярно размещались интересные рисунки учащихся.

И таким естественным путем постепенно сформировались устойчивые рубрики, в рамках которых всегда может появиться что-то недосказанное или пока не отраженное.

Это были следующие рубрики:

- текущие события района, города, страны, затрагивающие жизнь школы;
- учебный процесс;
- здоровье, спорт;
- творчество наших учащихся;
- экскурсии;
- уголок юмора.

Понятна условность этих рубрик. Ведь некоторые статьи могли быть отнесены к двум, а то и трем рубрикам одновременно. Рубрики дисциплинируют организационную сторону работы редакционной коллегии газеты и обеспечивают ее преемственность при передаче полномочий на очередной учебный сезон.

Неполных четыре года – это, конечно, еще не срок для обобщений. Однако за прошедший период выпуск школьной газеты привнес в школу следующее:

- образование среды для творческого самовыражения школьника;

- формирование школьного актива, участвующего в создании летописи школы, своеобразным выражением которой по сути является школьная газета;

- формирование контуров информационной среды школы, отражающей ее самобытность, индивидуальность, неповторимость, значимость для последующих выпускников;

- ежегодно формирующиеся самостоятельные коллективы, команды с ростками самосознания, социальной активности, приобретающие опыт проектной деятельности.

По существу последняя позиция является ключевой, хотя практически менее всего осознаваемой. Считать школьную газету проектом – возникает вопрос, что же является предметом проектирования. Невольно обращаешься к категориальному аспекту проектирования: что такое проект, его атрибутика, что такое процесс проектирования, условия проектирования, оценка проектирования и пр. Студенческая жизнь, особенно в естественнонаучных дисциплинах, наполнена курсовыми и дипломными проектами, и они тем не менее далеко не всегда соответствуют представлению о проекте.

В повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с этим словом: дизайн-проекты, бизнес-проекты, шоу-проекты и т.д. Они такие разные, что непонятно, почему все они называются одинаково. Что же такое проект?

Обратимся к словарю: «Проект (лат. *projectus* – брошенный вперед) – 1) технические документы – чертежи, расчеты, макеты вновь создаваемых зданий, сооружений, машин, приборов и т.д.; 2) предварительный текст какого-либо документа и т.п.; 3) план, замысел. Проектировать – 1) составлять проект; 2) предполагать сделать что-либо, намечать план». В самом определении заложена неоднозначность, но все варианты содержат общую черту: проект предполагает наличие определенной цели. Если следовать логике этих определений, проектом в нашей жизни является практически всякое действие: прием гостей, выбор подарка к празднику,

покупка бытовой техники, путешествие, ремонт, вступление в брак, воспитание детей... Полагается, что учащегося необходимо научить таким способам достижения результата, которые являются всеобщими и срабатывают независимо от конкретного содержания. В рамках традиционной классно-урочной формы обучения сделать это можно, но затруднительно, гораздо удобнее применить метод проектов: ученика обучают поэтапно достигать цели, на каждом этапе выполняя конкретное задание.

В педагогике метод учебных проектов используют уже почти столетие. основоположником считается американский психолог и педагог Джон Дьюи. Его позиция была выражена следующим образом: с точки зрения ребенка, самый большой недостаток школы происходит от невозможности для него свободно, в полной степени использовать опыт, приобретенный вне школы, в самой школе. И, наоборот, с другой стороны, он оказывается неспособным применить в повседневной жизни то, чему научился в школе.

По мнению последователей Дж.Дьюи У.Килпатрика и Э.Коллинга, важно показать детям их личную заинтересованность в приобретаемых знаниях, которые могут и должны пригодиться им в жизни, так что практически любая деятельность учащихся: исследовательская, творческая, техническая — является проектной, так как главной особенностью метода проектов является обучение на активной основе, через целесообразную деятельность ученика, соответствующую его личным интересам. Другими словами, важно поднять мотивацию учащихся даже ценой объемов изучаемого.

В 1905 г. в России появилась небольшая группа педагогов под руководством С.Т.Шацкого, а после революции группа под руководством Е.Г.Сатарова, которые пытались активно внедрять в педагогическую практику новые образовательные методики, очень напоминающие американские проекты. В 1932 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», осудившее метод проектов и запретившее его применение в школах СССР. Даже с позиций сегодняшнего дня внедрение оказалось непоследовательным и недостаточно продуманным и не получило дальнейшего развития:

– «метод проектов» неграмотно соединили с идеей «комплексных программ»;

– отменили оценки и аттестаты, а индивидуальные зачеты, существовавшие прежде, заменили коллективными зачетами по каждому из выполненных заданий;

– не было учителей, способных работать с проектами;

– не было разработанной методики проектной деятельности;

– чрезмерное увлечение «методом проектов» шло в ущерб другим методам обучения.

В англоязычных странах – США, Канаде, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии – метод проектов применяют активно и сейчас, и весьма успешно. В Европе он используется в школах Бельгии, Германии, Италии, Нидерландов, Финляндии и многих других стран. Разумеется, со временем произошли изменения; идея обросла технологической поддержкой, появились подробные педагогические разработки, позволяющие перевести метод проектов из категории педагогических «произведений искусства» в категорию «практических приемов». Он успешно интегрировался в общую структуру образовательных методов, но суть его остается прежней: стимулировать интерес учеников к знанию и научить практически применять эти знания для решения конкретных проблем вне стен школы.

С 90-х гг. XX в. метод проектов возвращается в практику российских школ. Он вновь становится популярен потому, что позволяет изменить позицию учащегося, сделать его субъектом образовательного процесса – меняется парадигма обучения.

Если ученик сумеет справиться с работой над учебным проектом, можно надеяться, что в настоящей взрослой жизни он окажется более приспособленным: сумеет планировать собственную деятельность, ориентироваться в разнообразных ситуациях, совместно работать с различными людьми, т.е. адаптироваться к меняющимся условиям.

Метод проектов – педагогическая технология, ориентированная не на интеграцию фактических знаний, а на их применение и приобретение новых, в том числе и путем самообразования. Самое сложное для учителя в ходе проектирования оставаться в роли независимого консультанта и удерживаться от подсказок, даже если учащиеся «идут не туда». У учеников при

работе над проектом возникают специфические сложности, но они объективны, а их преодоление является одной из ведущих педагогических целей метода проектов.

Работа по методу проектов требует от учителя не столько преподавания, сколько создания условий для активной деятельности учащихся: он должен стать инициатором, координатором, менеджером, консультантом, экспертом. Поскольку чаще всего проекты являются межпредметными, учитель должен перестать быть «предметником», а превратиться в «специалиста широкого профиля». Ему нужно самому владеть навыками проектирования (в деятельностном, а не техническом смысле), чтобы обучить этим навыкам учащихся, а это невозможно, если учитель не будет обладать широким кругозором, высоким уровнем культуры и творческими способностями.

В идеальном ученическом проекте педагог вообще не должен принимать непосредственного участия и сам выполнять большую часть работы, не должен так детально регламентировать операции, выполняемые учащимися, что учащиеся фактически становятся просто исполнителями, а истинным проектантом становится руководитель. Может оказаться, что общая цель проекта, его организация, последовательность этапов и выбор подходящих форм и методов не осознаются учениками. В реальной практике в связи с недостаточной готовностью учащихся учитель может оказывать команде помощь в выполнении проекта, не подменяя собой учеников, но по мере обучения школьников навыкам проектной деятельности доля участия педагога должна уменьшаться.

Еще одна практическая сложность: распределение ролей в команде в ходе работы над проектами часто остается недостаточно продуманным, а иногда и вовсе происходит стихийно. В массовых классных или общешкольных проектах случается, что вся тяжесть нагрузки ложится на небольшую группу высокомотивированных детей, а большинство остальных участников выполняет лишь эпизодические задания, избегая инициативы, а иногда и вовсе устранивается из работы.

Руководитель может либо сам рационально подобрать состав проектной команды, тогда важно, чтобы участники согласились принять такое распределение; либо уделить особое вни-

мание процессу самостоятельного распределения обязанностей участниками и помочь ученикам определить собственную долю участия и установить персональную ответственность каждого за конкретную часть работы.

Сложности взаимодействия могут серьезно повредить общему делу, поэтому в качестве варианта можно порекомендовать ученику первый проект выполнить индивидуально, под руководством учителя. Во время выполнения можно отработать специальные умения и навыки, а затем ученик, обладающий опытом проектной деятельности, может включиться в коллективную работу.

Важно, чтобы все участники проектной деятельности в процессе взаимодействия выработали взаимоприемлемое решение. Недопустимы любые формы диктата со стороны руководителя, которые сведут на нет осознание учащимися личной ответственности выбора.

Мотивация к работе над проектами может быть разнообразной у разных субъектов проектной деятельности: учеников, учителей — руководителей проектов, администрации, но что чаще всего у учеников и учителей — ее отсутствие. Широкое распространение метода привело к парадоксальной ситуации, когда школы обязуют принимать участие в проектной деятельности, несмотря на недостаточную подготовленность педагогов и учащихся. Это давление ведет к профанации и во многом является причиной вольной или невольной подмены метода проектов другими формами работ.

Часто в школах существует огромная путаница и практически нет дифференциации проектов, исследований, рефератов. Довольно часто проектами считают все, что не относится к урокам: спектакли и концерты, поездки и экскурсии, викторины и фестивали, но не в понимании Килпатрика и Коллинза, а даже в том случае, если ученики являются только исполнителями и не участвуют в планировании и организации работ по достижению цели.

Захлестнувшая нас волна увлечения проектами привела к тому, что делать их в школе стало модно, причем часто целью этих работ является желание администрации принять участие и победить в каком-нибудь конкурсе, благо, за последние не-

сколько лет их стало много, на любой вкус. Конкурсы проектов учеников довольно часто представляют собой «Выставку достижений учителей (научных руководителей)», потому что в работе некоторых жюри иногда верх берет академизм, и тогда преимущества получают профессионально выполненные проекты, доля участия детей в которых минимальна.

Эта тенденция может принести много вреда, поэтому нужно четко определить, зачем выполняется тот или иной проект, чему могут научиться школьники, что именно должен делать каждый участник: и ученики, и руководитель, чтобы достичь собственных целей, поставленных в самом начале работы над проектом.

Если задачей педагога является обучение проектированию, то в работе по методу учебных проектов упор нужно сделать не на том, что получилось в результате совместных усилий ученика и учителя, а на том, каким путем был достигнут результат.

Грамотно сформулировать цели – особое умение. С постановки целей начинается работа над проектом. Именно эти цели являются движущей силой каждого проекта, и все усилия его участников направлены на то, чтобы их достичь.

На формулировку целей стоит посвятить специальные усилия, потому что от тщательности выполнения этой части работы наполовину зависит успех всего дела. Сначала определяются самые общие цели, затем постепенно они все больше детализируются, пока не спустятся на уровень максимально конкретных задач, стоящих перед каждым участником работы. Если не пожалеть времени и усилий на целеполагание, работа над проектом в этом случае превратится в пошаговое достижение поставленных целей от низших к высшим. Однако это работа руководителя проекта и его заслуга при успешной реализации.

Многие учредители конкурсов помогают участникам и предлагают примерный список целей, такой как «Перечень педагогических целей (задач), поставленных научным руководителем в рамках конкретного учебного проекта», из списка документов, представляемых к защите проектных и исследовательских работ учащихся на конкурс «Ярмарка идей на Юго-Западе. Москва 2004 год». Цели могут быть следующие:

1. Когнитивные цели – познание объектов окружающей реальности; изучение способов решения возникающих проблем, овладение навыками работы с первоисточниками; постановка эксперимента, проведение опытов.

2. Оргдеятельные цели – овладение навыками самоорганизации; умение ставить перед собой цели, планировать деятельность; развивать навыки работы в группе, освоение техники ведения дискуссии.

3. Креативные цели – творческие, конструирование, моделирование, проектирование и т.д.

Если попытаться сформулировать наиболее общие цели, которые стоят перед современной школой, то можно сказать, что главной целью является обучение проектированию как универсальному умению. Весь комплекс дидактических, психолого-педагогических и организационно-управленческих средств, позволяющих прежде всего сформировать проектную деятельность учащегося, научить школьника проектированию, мы называем проектным обучением.

Зачем нужны такие серьезные перемены в обучении? Почему нельзя обойтись прежними, проверенными временем методами? Ответ очевиден: потому что новая ситуация требует новых подходов. Оценивая качество образования, можно руководствоваться разными критериями, но ясно, что нужно учитывать не только внутренние школьные результаты, но и внешние, показанные учениками или выпускниками в условиях независимой экспертизы.

В школьном образовании в мире за последние годы значительно изменились приоритеты: переориентация на компетентностный подход, курс на непрерывное самообразование, овладение новыми информационными технологиями, умение сотрудничать и работать в группах. «В последнее время в список социальных потребностей (ясно, что этот список далеко не сформирован окончательно) попали следующие необходимые сегодня качества личности: владение универсальными способами деятельности, владение коммуникативными навыками, навыками коллективного труда, владение специфическими навыками учебного труда (способность к самообразованию), нормы и эталоны социальной жизнедеятельности (воспитан-

ность). Если ученик будет обладать указанными свойствами, то он будет с большой долей вероятности реализован в современном обществе. Вместе с тем, такое образование будет обладать новым качеством, ибо оно другое, новое по сравнению с тем, что реализуется в предметно-нормативной модели образования и используется в представленных подходах к оценке его качеств.

Смена концепции вызывает лавинообразный процесс локальных изменений в системе образования в целом и в каждом ее звене в отдельности. Каждый учитель может внести свой вклад в совершенствование нашего образования, применяя новые приемы и методы обучения. Умение пользоваться методом проектов – показатель высокой квалификации преподавателя, его прогрессивной методики обучения и развития. Недаром эти технологии относят к технологиям XXI в., предусматривающим прежде всего умение адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям жизни человека постиндустриального общества.

Заметим, что, несмотря на всем знакомую консервативность школьной системы к новациям, времена У.Килпатрика, собравшего группу ребят из ближайших ферм, чтобы вместе построить дом и хоть как-то пробудить интерес к познанию, или 20-е гг. прошлого века в нашей стране со всеобщим привитием трудовых навыков в ущерб знанию безвозвратно ушли. Приобщение к проектной деятельности стало элитным, уделом наиболее мотивированных учащихся. Да ведь и немислимо без ущерба традиционному учебному процессу вовлечь всех поголовно в лабораторию проектного исследования, конструирования. Если энтузиаст-учитель «тащит» дополнительную и не стимулируемую нагрузку в один, от силы два проекта, никакой дополнительный ресурс сторонних консультантов и родителей не в силах сделать проектирование поголовным, да и нужно ли это?

Ключевая роль в проектной деятельности принадлежит экспертизе. Необходимость в экспертизе возникает тогда, когда начинает складываться сетевая структура и возникает проблема различения «своих» и «чужих». В условиях развития единой сети проектной деятельности, не совокупности очагов, которые находятся в дружеских, партнерских отношениях, а в усло-

виях развития сети, когда мы пытаемся создать единые ценностные основания и единые представления об условиях организации исследовательской деятельности, единая экспертиза крайне необходима. И именно сейчас весьма актуальна отработка ее принципов. Дальше мы подходим к тому, что проектную деятельность также нужно экспертировать, и к тому, в чем возможное и принципиальное отличие от других экспертиз. Существует некоторое образование и некоторая проектная деятельность, которая находится частью в образовании, частью вне его. Существуют некоторые субъекты системы, которые говорят, что они занимаются проектной деятельностью.

Характер экспертизы определяется по тому заказчику, который задаёт критерии оценки проектирования в соответствии со своими целями. Приоритетный тип заказчика – вуз, который через экспертизу пытается оценить качество своих абитуриентов (квалификационная экспертиза). Квалификационная экспертиза – экспертиза исследовательских работ учащихся и их презентации. Нужна для квалификации достижений учащегося, для его промежуточной или итоговой аттестации. Предметом экспертизы является текст ученической исследовательской работы, оцениваемый по нескольким критериям, качество сообщения учащегося по результатам выполнения работы, качество ответов учащегося на вопросы экспертов по содержанию и ходу выполнения работы. Содержание экспертизы: установление соответствия представленной работы нормам исследовательской деятельности, выработанными в науке (научная позиция), а также фиксация ее соответствия принятым критериям конкретной конференции, качество подготовки учащегося (образовательная позиция). Среди таких экспертных систем проект МГТУ им. Баумана, который перерос в целую программу «Шаг в будущее».

Другой тип экспертизы для тех, кто этим проектированием занимается, имеет к ней непосредственное отношение: учителей, родителей, детей, которых интересует, действительно ли проектная деятельность полезна, способствует ли обучению и развитию или вредит (антропологическая экспертиза). Антропологическая экспертиза – экспертиза деятельностных способностей и навыков учащихся, развившихся в результате иссле-

довательской деятельности. Нужна для фиксации образовательной эффективности исследовательской деятельности. Предмет экспертизы: креативные, аналитические, интеллектуальные и другие способности учащихся. Содержание экспертизы: установление наличия авторской и исследовательской позиций учащегося, личностной значимости для него выполняемой работы (научная позиция), факта и степени развития антропологических характеристик личности учащихся (образовательная позиция).

Следующий вид заказчика – различные административные структуры управления образованием, которым надо выделить те количественные и качественные характеристики, на основании которых они могут заявить, что правильно поддерживают и развивают проектную деятельность и, соответственно, тратят на нее бюджетные деньги; это управленческая экспертиза – определение качества условий развития проектной деятельности, применяемых форм ее организации, развитости инфраструктуры и коммуникаций между ее субъектами. Управленческая экспертиза – экспертиза организации образовательного процесса с использованием проектной деятельности. Нужна для определения эффективности процесса развития и инфраструктуры проектной деятельности. Предметом экспертизы являются образовательные программы, психолого-педагогическое обоснование применения проектной деятельности, дидактическое содержание и методическое обеспечение образовательного процесса, ожидаемые результаты и критерии их оценки, этапность построения образовательного процесса, условия, средства, способы мотивации учащихся; концепция и план работы учреждения на основе проектной образовательной технологии, формы организации проектной деятельности, межучрежденческие и региональные программы развития проектной деятельности, межведомственные сетевые и инновационные структуры, развивающиеся на основе экспериментальных площадок, кооперативных объединений образовательных учреждений различных видов, научных учреждений, других организаций. Содержание экспертизы: определение качества нормативной базы реализации проектной деятельности (программ, требований), наличия условий для развития исследовательской позиции и

творческого подхода к учебному материалу, создаваемых в ходе образовательного процесса, эффективность системы обеспечения развития проектной деятельности (образовательная позиция); фиксация наличия сообщества, сформировавшегося в результате реализации программ и его ценностно-смысловых установок (научная позиция).

Наконец, некоторая системная экспертиза, которая ассимилирует все эти варианты, и, безусловно, независимая экспертиза с точки зрения сообщества, развивающего содержание проектной деятельности. Организация системной экспертизы наиболее сложна в силу разнородности состава ее участников, их представлений о критериях результатов и процесса проектирования, и вообще всего процесса обучения. Экспертиза связана с тем, что осуществляемая практика включается экспертом в более широкий социокультурный контекст и задается некоторое новое измерение в существующей практике. С этой точки зрения рассмотрим типовой образовательный процесс. С одной стороны, повышение знаний, умений и навыков, с другой – планирование, освоения культурных норм, реализация проектирования, анализ результатов. В итоге получается некоторая двумерная структура, где руководитель проекта в соответствии со склонностями, особенностями каждого из проектантов формирует трудовую команду, мини-коллектив. Поэтому эксперт должен быть компетентен в этих двух профессиональных сферах и вписывать их в существующую практику, на плоскость, учитывая эти две профессиональные составляющие, два вектора.

Задача экспертизы существенно облегчается, если есть некоторый стереотип или стандарт – система требований не к самому процессу, а к условиям развития процесса, которые позволяют проектированию развиваться в соответствии с некоторыми нормами, определяемыми заказчиком экспертизы.

Для задания единой экспертной системы для исследовательской деятельности представляется целесообразным выработать единый идеальный эталон, с которым бы согласились все потенциальные эксперты. Исходя из задачи последовательного вхождения исследовательской деятельности в образовательную практику и расширения ее функций, представляется

целесообразным говорить о стандарте учебного проектирования. Проектная деятельность задает новый по сравнению со стандартом общего образования смысл. Это связано с тем, что проектная деятельность имеет дело с несколько иным содержанием образования: под ним понимается не определенный объем предметной информации, а деятельностные и мыслительные способности, развиваемые средствами учебного исследования. Поэтому стандарт фиксирует не объем информации, не требования к знаниям и навыкам учеников и т.п., а требования к освоению норм проектирования и реализации проектной деятельности и требования к нормам представления результата проектирования.

Главные функции экспертизы проектной деятельности учащихся:

– удержание соответствия норм реализации исследовательской деятельности в образовательных учреждениях выработанным в науке методологическим и методическим нормам;

– удержание образовательного смысла учебного исследования;

– развитие единых представлений о проектной деятельности у всех субъектов образовательной системы;

– формирование профессионального сообщества руководителей исследовательских работ; сопровождение и коррекция городских и межучрежденческих форм реализации проектной деятельности (методобъединения, конференции и др.);

– определение места и роли проектной деятельности учащихся в реализации актуальных задач развития образования на каждом этапе.

Эксперт должен владеть несколькими позициями (профессиональными, деятельностными), позволяющими ему включить экспертируемую практику в более широкий социокультурный контекст, выявить ее междисциплинарные смыслы. Необходимым требованием является владение экспертом двумя такими позициями: позицией ученого-экспериментатора, экспертирующего методическую и методологическую корректность реализации проектного цикла с точки зрения научных норм, традиций, и педагога, удерживающего приоритет учебной функции проектирования, эффективность разви-

тия личностно-субъектных качеств обучающихся на каждом его этапе с педагогической, психологической, методической точек зрения.

При проведении экспертизы проектной деятельности учащихся удержание этих двух позиций предполагают наличие у эксперта двух идеальных представлений: о модели научного проектирования, проводимого в рамках школы, с вовлечением предметно-методических, процессуальных, морально-этических, коммуникационных и др. аспектов и модели продуктивного, субъект-субъектного образовательного процесса, направленного на трансляцию культурных норм от старшего к младшему поколению.

Возвращаясь к школьной газете, замечу, что регулярно проводимые городские конкурсы и мастер-классы на базе журнала «Лицейское и гимназическое образование» позволяют не только сопоставить свою газету с выпусками других школ, в том числе из других городов, но и рефлексировать свои успехи и недоработки, что является самой сильной мотивацией участия в таком проектировании.

Вирус творчества, приобретаемый редакционной коллекцией, оценке не подлежит. Но, по-видимому, не случайно большинство энтузиастов выпуска школьной газеты сейчас входят в актив студенческих газет. *Non scholae, sed vitae discimus* (Не для школы, а для жизни учимся).

Литература

- [1]. *Братченко С.Л.* Введение в гуманитарную экспертизу образования. М., 1999.
- [2]. *Карпенко М.П., Помогайло В.Н.* К вопросу о становлении новой педагогической парадигмы и ее технологическом обеспечении // Школьные технологии. 1999. № 1–2.
- [3]. *Никандров Н.Д.* Перспективы развития образования в России // Философия образования. 2006. № 1. С. 4–12.
- [4]. *Громыко Н.* Интернет, постмодернизм и современное образование // Кентавр. 2001. № 27. С. 55.
- [5]. *Метаобразование как философская и педагогическая проблема.* Сб. научн. ст. Ставрополь, 2001.

[6]. Формирование базовых компетентностей и учебное проектирование. Сб. статей /Под ред. Н.Ю.Пахомовой. М.: МИОО, 2006.

[7]. Проблемы и перспективы теории и практики ученического проектирования. Сб. ст. / Под ред. Н.Ю.Пахомовой. М.: МИОО, 2005.

[8]. Труды Международного научно-технического семинара: Совр. технологии в задачах управления, автоматике и обработки информации. Алушта, 2006.

[9]. *Скоркин Олег*, Skorkin Martyn. Парадигмы компьютерного обучения // Человек. 2002. № 2.

[10] Об оценке качества подготовки выпускников основной школы (официальные документы) // Народное образование. 2000. № 7. С. 227–240.

Содержание

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ БИОЭТИКИ

Б.Г. Юдин

Биомедицинские исследования как объект философского осмысления 3

Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков

И.Т.Фролов и становление отечественной биоэтики 18

П.Д. Тищенко

Этические проблемы развития биотехнологий 55

Ф.Г. Майленова

Возможности модификации природы человека сегодня 83

Р. Беляетдинов

Исследования с участием человека – между долгом и осторожностью 95

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

П.Д. Тищенко

Угроза множественности и идея гуманитарной экспертизы 102

Г.Б. Степанова

Опыт гуманитарной экспертизы социологического исследования поведения подростков (материалы Круглого стола) 129

Ф.Г. Майленова

Нравственно-психологические аспекты работы с убеждениями 159

ПРОБЛЕМЫ ВИРТУАЛИСТИКИ

М.А. Пронин, В.А. Завьялова

Философские и теоретические основания биорациональности в средневековом каноне тибетской медицины «чжуд-ши» и виртуалистика 164

Я.В. Чеснов

Деторождение в народном мировоззрении 182

О.А. Скоркин

Экспертиза в школьной проектной деятельности 211

Научное издание

Биоэтика и гуманитарная экспертиза Выпуск 2

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *Е.Н. Дудко*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 08.07.08.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 11,31. Тираж 500 экз. Заказ № 031.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Е.Н. Платковская*

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:
iph.ras.ru

Готовятся к печати

1. *Абрамов М.А.* Два Адама: Классики политической мысли / РАН. Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2008. — 195 с. — Библиогр. в примеч.: с. 185–194.
2. Биоэтика и гуманитарная экспертиза: Пробл. геномики, психологии и виртуалистики. Вып. 2 / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. Ф.Г.Майленова. — М.: ИФ РАН, 2008. — 255 с. — Библиогр. в примеч.
3. Визуальный образ (Междисциплинарные исследования) / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. И.А. Герасимова. — М.: ИФРАН, 2008. — 247 с.
4. *Долников С.Д.* Хозяйство и культура: Введение в феноменологию традиционного текста / РАН. Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2008. — 151 с.
5. История философии. № 13 / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. И.И. Блауберг. — М.: ИФРАН, 2008. — 251 с.
6. *Маршакова-Шайкевич И.В.* Россия в мировой науке: библиометрический анализ / РАН. Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 2008. — 227 с.
7. Многомерность истины / РАН. Ин-т философии; Редкол.: А.А. Горелов, М.М. Новосёлов. — М.: ИФРАН, 2008. — 215 с.
8. *Наумова Т.В.* Научная интеллигенция в новой России / РАН. Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2008. — 147 с.
9. *Неретина С.С.* Философские одиночества / РАН. Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 2008. — 269 с.
10. Политико-философский ежегодник. Вып. 1 / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. И.К. Пантин. — М.: ИФРАН, 2008. — 199 с.
11. Понятие истины в социогуманитарном познании / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.Л. Никифоров. — М.: ИФРАН, 2008. — 212 с.
12. *Симуш П.И.* Поэтическая мудрость С.А.Есенина / РАН. Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2008. — 231 с.
13. *Синеокая Ю.В.* Три образа Ницше в русской культуре / РАН. Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 2008. — 197 с.
14. Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. В.М. Розин. — М.: ИФРАН, 2008. — 267 с.
15. Философия науки. — Вып. 13: Здоровье как проблема естественных и биомедицинских наук / РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: И.К.Лисеев, Е.Н.Гнатик. — М.: ИФ РАН, 2008. — 292 с.
16. *Шкатов Д.П.* Модальная логика и модальные фрагменты классической логики / РАН. Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 2008. — 135 с.
17. Этическая мысль. Выпуск 8 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. А.А. Гусейнов. — М.: ИФРАН, 2008. — 263 с.